

К. М. Накорякова



РЕДАКТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО в РОССИИ XVI XIX вв.

К. М. Накорякова

РЕДАКТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО

В РОССИИ

XVI-XIX ВВ.

опыт и проблемы

Под ред. проф. А. В. Западова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1973

*ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Рецензенты:

доктор истор. наук, проф. **И. В. КУЗНЕЦОВ**
канд. филол. наук, доц. **Н. В. МИЛОВИДОВА**

© Издательство Московского университета, 1973 г.

Введение

Профессия редактора существует несколько веков. Она возникла с появлением книгопечатания, но ее предпосылки, элементы редакторского мастерства начали складываться гораздо раньше. В первых печатных книгах нашли отражение уже вполне определенные редакторские традиции, накопленные создателями рукописных книг. Без них высокая культура, свойственная первым типографским изданиям, была бы невозможна. В наши дни редактирование вышло за пределы книги печатной. Появились такие его отрасли, как редактирование радио- и телепередач, возникла необходимость в особой редакторской подготовке документов научно-технической информации и материалов для электронно-счетных машин.

История русской книги богата примерами редакторского мастерства. Каждая книга несет на себе печать времени, а само слово — мастерство — свидетельство тех высоких критериев, вне которых невозможно существование редактирования как работы творческой.

В наше время разработка истории редактирования заметно подвинулась вперед. Вышли в свет интересные исследования, посвященные творчеству видных писателей-редакторов: исследования редакторской деятельности Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Толстого, Короленко, Горького, Маршака... Появилось значительное количество статей на эту тему, в частности, в издаваемых Всесоюзной книжной палатой сборниках «Книга». Авторов публикаций нельзя упрекнуть в неправильности общей исторической концепции, но, когда дело доходит

до оценок профессионального мастерства, мы неизменно узнаем, что такой-то редактор был «хорошим», «замечательным», «непревзойденным», «талантливым». Он умело работал с авторами, внимательно читал корректуры, обращал внимание на малейшие неточности, добивался ясности и выразительности изложения и т. д. Этот «набор» можно встретить в каждой публикации. «Хорошим» редактором были Иван Грозный, Петр I., а Иван Федоров руководствовался, оказывается, вполне современными принципами: «Надо переводить непонятные слова, надо заменять старые новыми», и он «в первых книгах печатных, все иноязычные, чужие русской речи слова уничтожает, заменяет родными, понятными». Эти цитаты взяты из книги В. Прибыткова «Иван Федоров», выпущенной издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» (1964 г.). Необходимая в этом случае популярность и беллетризация изложения делают особенно выпуклым то упрощение сложнейших вопросов, с которым мы, к сожалению, нередко встречаемся и в научных исследованиях.

Разрозненность сведений, неравномерность разработки различных периодов, трафарет в оценках и часто наивная модернизация — все это говорит о неразработанности основных положений истории редактирования.

Необходимость выделить историю редактирования из общей истории книги возникла именно сейчас, когда буквально на наших глазах произошло становление редактирования как новой гуманитарной дисциплины. Долгое время ей отказывали в праве на самостоятельность и отводили место где-то между лингвистикой, литературной критикой и чисто практической деятельностью, далекой от науки. Не случайно некоторые справочные издания толкуют термин «редактирование» лишь как «исправление ошибок» — фактических, языковых, смысловых и т. д., а термин «литературная правка» до сих пор бытует в учебных пособиях как синоним «редактирования». Одни называли редактирование ремеслом, другие искусством, и лишь в самое последнее время эта дисциплина получила более полное и точное определение. Ее определяют как область деятельности, главным в которой является творческая работа редак-

тора с автором над рукописью печатного произведения, подготовка его к полиграфическому воспроизведению и выпуск в свет¹.

История редактирования — один из разделов книговедения. Объект ее изучения — книга, но не только книга изданная, выпущенная в свет, которую изучают история книгоиздательского дела, библиография и другие книговедческие дисциплины, а книга в процессе ее создания. В поле зрения истории редактирования находятся рукописи, документы промежуточных этапов издательского процесса: гранки, корректурные листы, корректурные экземпляры книг, хранящие следы редакторской работы. Необходимым объектом изучения служат исторические труды, содержащие общую оценку периода, материалы критики и библиографии, газетные и журнальные статьи, мемуары, архивные материалы, исследования по общим проблемам книговедения, по истории литературы и языка, истории общественной мысли и журналистики.

Трудность отыскания необходимых источников не раз отпугивала исследователей от проблем истории редактирования. Предполагая, что первичных материалов — рукописей с редакторской правкой, гранок и корректурных листов — они не найдут, книговеды спешили отказаться от попытки разработать ту или иную проблему, связанную с редактированием, хотя необходимость этого и была очевидна. Действительно, многие книги, которые невозможно не упомянуть в истории редактирования, давно стали библиографической редкостью. Чтобы собрать основные издания, выпущенные в свет И. Д. Сытиным, его сыну Д. И. Сытину потребовалось десять лет. И собрание это пока далеко не полно. Многие издания, например «Сочинения» Радищева 1872 г. под редакцией П. А. Ефремова, существуют всего в нескольких экземплярах. В аннотациях Н. П. Смирнова-Сокольского к собранным им книгам русских писателей часто оговорено: «Издание крайне редкое», а некоторые книги XVIII в. имеют помету: «Величайшая редкость».

¹ См. Н. М. Сикорский. Теория и практика редактирования. М., «Высшая школа», 1971, стр. 25.

Наборные оригиналы, гранки и корректурные листы книг XVIII и XIX вв. сохранились в редких случаях. То, что найдено, представляет собой материал, мало обследованный или прочитанный весьма поверхностно, так как пренебрежительное отношение к редактированию и упрощенное представление о нем, к сожалению, кое-где продолжает существовать и сегодня.

Поиски материалов необходимо вести, и они часто бывают успешными. Следует иметь в виду, например, что в XVII в. и в первой четверти XVIII в. существовало положение, по которому типография была обязана хранить рабочий корректурный экземпляр книг. Некоторые издания Петровской эпохи сохранились именно в виде корректурных листов с редакторскими пометками и исправлениями. Эти листы пережили петербургские наводнения и несколько массовых уничтожений, которым были подвергнуты книги, не нашедшие сбыта. В тех случаях, когда прямых источников не удастся отыскать, придется прибегать к источникам косвенным — мемуарным и эпистолярным материалам, архивным документам. Немало могут рассказать исследователю уже выпущенные книги. Многие дают сравнение публикаций в периодике с вариантами книжными. Вариант журнальный обычно стоит ближе к рукописи.

Методика советской исторической науки, основанная на материалистическом понимании исторического процесса, целиком приложима к истории редактирования. Марксистский историзм, как указывал В. И. Ленин, «требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»². Специфичность истории редактирования как дисциплины книговедческой заключается в комплексном ее характере. Методика истории редактирования вбирает в себя методики литературоведческого, текстологического и лингвистического исследований, однако отнюдь не является их механической суммой. Она служит всестороннему анализу результатов работы редактора, анализу примененных им методов.

Редактирование — вид литературной работы. Творческий характер ее, манера редактора заслуживают са-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

мого пристального внимания исследователя, который анализирует особенности редакторской работы в связи с конкретными условиями жизни и общим ходом исторического развития. Наблюдения должны иметь конкретный характер. Это скрупулезное изучение образцов, редакторских заметок, особенностей того или иного издания.

Рассматривая историю редактирования в ряду книговедческих дисциплин, необходимо предварительно очертить контуры материала, который уже разработан этими дисциплинами и служит часто исходным при изучении истории редактирования.

В ряду книговедческих дисциплин история редактирования ближе всего стоит к истории книгоиздательского дела. Родство их очевидно. Несмотря на то, что почти в течение всего обозримого периода человеческой культуры книга сопутствует человеку (книгу в этом случае мы понимаем широко, включая сюда не только книгу печатную,— это и рукописные книги, и папирусы Древнего Египта, и глиняные дощечки Месопотамии), история книги — одна из молодых наук. Интерес к ней возник в сущности лишь в середине прошлого столетия. В 60-е годы в периодике появилось много статей по истории книги. «Библиографические записки», «Русский архив», «Русская старина», «Книжный вестник», позже «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф» систематически помещали материалы и исследования по истории книги. В этот период происходит становление библиографии как самостоятельной дисциплины. Конкретные исторические условия ограничивали круг исследований историков книги. Часто по цензурным соображениям они вынуждены были главное внимание уделять исследованию книжной старины. Однако известно, какую большую роль в общественной жизни отводили книге русские революционеры-демократы. Их библиографические работы имели значение не только для книговедения и, в частности, для истории книги, но и были часто средством борьбы политической.

В конце XIX в. в России уже появилось несколько, правда, различных по значению исследований, посвященных истории книги, — «Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства» Ф. И. Булгакова (1889 г.), «История книги на Руси» А. А. Бах-

тиарова (1890 г.), «Исторический очерк русского книгопечатного дела» И. Н. Божерянова (1895 г.). Несмотря на то что проблемы истории книги ограничивались в этих трудах искусством и техникой ее производства, создание систематических курсов, рассматривавших значительные исторические периоды, сыграло в дальнейшем развитии книговедения важную роль.

Заметной вехой на пути развития истории книги как науки были труды Н. А. Рубакина. В своей работе «Среди книг», вышедшей в свет в 1911 г., он поставил задачу дать обзор русских книжных богатств в связи с историей научных, философских и общественных идей. Он определяет место истории письменности и книгопечатания непосредственно за языкознанием и указывает на неразрывную связь этой дисциплины с юридическим положением и общественным значением печатного слова. «Не знать этой истории, не знать всего того, чем она подарила читателей, а в особенности авторов, это значит не понимать ничего из того, что когда-либо написано или напечатано... Что бы ни читал друг-читатель, газету ли, книгу ли, и какие бы умолчания, недомолвки, пробелы и подлаживания он ни встречал на белых страницах все выносящей бумаги, — он должен знать и понимать, во всяком случае, какие условия жизни это вызвали, создали, поддержали, укрепили и сделали обычаем...»³.

На экслибрисе Рубакина изображена раскрытая книга. С обеих сторон ее к восходящему солнцу, на фоне которого видна фигура человека, в перспективу уходят библиотечные полки. Надпись сверху гласит: «Да здравствует книга — могущественное орудие борьбы за истину и справедливость».

В рецензии на книгу Рубакина В. И. Ленин отметил его громадный труд как чрезвычайно ценное предприятие, «которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь... Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись»⁴. Однако В. И. Ленин указывает и на два крайне серьезных и характерных недостатка этого труда: «эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за со-

³ Н. А. Рубакин. Среди книг. М., 1911, стр. 40.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 111—112.

трудничеством по определенным вопросам»⁵. Невозможно переоценить значение этого ленинского указания как по отношению к деятельности Рубакина, так и для редактирования вообще.

В трудах современных советских исследователей книги история ее изучается с позиций марксистско-ленинской исторической науки. Это труды А. А. Сидорова, Е. И. Кацпржак, А. И. Назарова, Н. Г. Малыхина и других. Ими систематизирован богатый фактический материал, накопленный на предшествующем этапе развития науки. Мы можем говорить о четырех основных аспектах, в которых историки книги рассматривают ее:

- 1) книга и ее форма;
- 2) книга и ее содержание;
- 3) книга и ее полиграфическое исполнение;
- 4) книга и ее распространение⁶.

Перечисленные аспекты не включают в себя непосредственно проблем истории редактирования, хотя рассматривать их вне общей истории книги невозможно.

Изучение истории редактирования подразумевает привлечение материала и таких дисциплин, как история литературы и журналистики, лингвистика, как молодая, оформившаяся в советский период, литературоведческая дисциплина — текстология.

На первый взгляд может возникнуть опасение, что при подобном обилии смежных областей знания история редактирования не может быть дисциплиной самостоятельной. Рассмотрение взаимосвязей между историей редактирования и общей историей книжного дела показывает, что это опасение напрасно, хотя именно эти две дисциплины особенно тесно соприкасаются друг с другом. Еще один случай весьма близкого соседства научных дисциплин — текстология и история редактирования. Исследования текстологов, их методика дают очень много для постановки курса истории редактирования. Однако текстологи ограничивают свои наблюдения тем, насколько точно воспроизводится при издании произве-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

⁶ Как пример многоаспектного подхода к изучению истории книги может быть упомянута работа С. П. Луппова «Книга в России XVII в. и первой четверти XVIII в.» (из истории русской культуры). Л., 1972. (Автореф. докт. дисс.) Автор ее ставит перед собой цель изучения проблемы в целом.

дений авторский текст. Границы между текстологией и историей редактирования предопределены несовпадением их объемов, но даже в той части, где объемы эти, казалось бы, совпадают, вступают в силу другие закономерности: различная методика исследования, различные критерии анализа.

Текстолог, детально, до мельчайших тонкостей, изучающий текст, анализирующий разночтения и варианты, оценивает его с единственной целью — установить окончательный текст. Он изучает не работу редактора, а работу писателя. Его стремления направлены к тому, чтобы восстановить волю автора. История редактирования рассматривает те же изменения текста, но с иных позиций. Если редактором и были внесены в текст изменения, идущие вразрез с волей автора, нас интересует, почему это было сделано. Стало быть, цели этих исследований различны.

Существуют различные мнения о том, в каком взаимодействии находятся книговедение и журналистика. Не все признают, что изучение периодической печати входит в круг книговедческих проблем. Однако в последнее время можно считать установившейся точку зрения, что журналистика должна изучать методику работы журналиста, газетные и журнальные жанры и другие проблемы, специфичные для периодики. Такие вопросы, как история периодической печати в целом, перспективы развития печатной продукции, вопросы классификации периодических изданий, работа редакторов журналов и т. д., очень тесно связанные с другими книговедческими проблемами, должны входить в круг вопросов, изучаемых книговедением, и соответственно, рассмотренные исторически, — в круг вопросов, изучаемых историей редактирования.

Задача истории редактирования — обнаружить и осмыслить те закономерности, те основные направления, по которым идет процесс развития этой отрасли знания. И только в свете этих закономерностей каждый образец редакторского мастерства может быть оценен правильно.

ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ КНИЖНИКОВ



понятие «редактирование» неразрывно связано в нашем представлении с подготовкой рукописи к печатному воспроизведению. Первым объектом для наблюдений над редакторской работой обычно служит Апостол Ивана Федорова — книга, выход которой в свет датируется 1 марта 1564 г. По единодушному мнению всех, кто писал об этой замечательной книге, Апостол — образец полиграфического, оформительского и редакторского искусства. Несколько известных нам анонимных печатных книг, предшествовавших Апостолу, по качеству своему не могли составить ту школу, тех образцов, результатом которых явилось столь совершенное издание. В то же время оно настолько самобытно, что нет никаких оснований искать корни его успеха в истории книгопечатания других стран. Апостол Ивана Федорова мог появиться лишь как результат прочных и развитых традиций книжного дела, сложившихся на Руси на протяжении нескольких веков.

Начало русской книжности, подтвержденное историческими источниками, относится к концу X в. В XI в. киевский князь Ярослав Мудрый, как свидетельствует летописец, «засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, ученье получая книжное». По приказанию Ярослава Мудрого ученые переводчики и писцы переводили с греческого на «словенское письмо» и переписывали книги.

Древнейшая рукопись, дошедшая до нас, — Остромирово евангелие (1056—1057 гг.), свидетельствует уже о

высоком уровне книжного искусства и книжной культуры. Мы знаем имя переписчика — дьякона Григория, знаем, что переписано оно было для новгородского посадника Остромира, по имени которого и получило свое название. Евангелие написано на пергаменте крупным уставом — торжественным, строгим почерком. Буквы «уставлены» без наклона, начертание их геометрическое, промежутков между словами нет. Заглавные буквы и заставки книги до сих пор сохранили свою яркость. Каждый ее лист можно приравнять к произведению искусства. Это свидетельство профессионального умения, прочной традиции в книжном деле, которая существовала на Руси уже в XI веке.

«Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напоющая вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина...»¹. Эти слова летописца Нестора записаны в начале второго десятилетия XII в. и говорят о том значении, которое придавалось книге и людям, причастным к ее созданию.

Древних рукописных книг до нас дошло сравнительно немного, причем все это — рукописи на пергаменте, украшенные рисованными заставками, многие прекрасно иллюстрированы. Поэтому долгое время считали, что книга на Руси была вообще доступна лишь церковникам и немногим представителям высших сословий. Вывод этот неправомерен. Академик А. С. Орлов предполагает, что многие книги вращались и в среде малоимущей, не имели роскошного оформления и до нас не дошли².

Неровно обрезанные кусочки бересты с нацарапанными на них буквами, найденные в 1951 г. новгородской археологической экспедицией под руководством члена-корреспондента АН СССР А. В. Арциховского, заставили по-новому ответить на вопрос о грамотности на Руси, о распространении культуры, об уровне этой культуры. Сейчас найдено уже более 500 берестяных грамот

¹ «Повесть временных лет». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, т. 1. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 302.

² См. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1937, стр. 57.

в Новгороде, Старой Руссе, Смоленске. Стало понятным назначение инструмента из кости, железа или меди — «писала», который и раньше находили при раскопках.

Восстановить историю книги, представить себе труд людей, создавших ее, можно лишь тогда, когда представишь себе этот труд конкретно, представишь читателя этой книги. Находки археологов помогают сделать это. Кусочки бересты донесли до нас голоса, звучавшие много веков назад: «От Никиты к Ульянице. Пойди за меня. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат». Письма от Марины к сыну ее Григорию, письма от Бориса к Настасье. А в одном из писем вместе с поручениями: «купи овса, отдай шлем» — «пришли мне чтения доброго». Найдены даже 16 берестяных грамоток, которые мы можем назвать просто ученической тетрадью. Археологи определили и возраст ее владельца, новгородского мальчика Онфима шести — семи лет.

Эти факты заставляют пересмотреть некоторые взгляды на историю книги, представления о количестве книг, существовавших на Руси до нашествия монголо-татар³.

Со времени принятия христианства (с 988 г.) по 1240 г., по данным о строительстве церковных зданий, выяснено, что на Руси было около 10 тыс. церквей и около 200 монастырей. Для совершения церковной службы нужно было не менее восьми книг (Евангелие, Апостол, Псалтырь, Требник, Общая минея, Триодь постная и Триодь цветная, Служебник). Следовательно, по самым скромным подсчетам, всем церквям требовалось для богослужения около 85 тыс. книг.

Но кроме книг духовных существовали еще и книги светские. Их, конечно, было меньше, что подтверждается количеством книг, дошедших до нас. Так, до нас не дошел ни один список «Слова о полку Игореве», но сохранилось около 100 Апостолов и почти 400 Евангелий. Очевидно, что хотя церковных книг было больше, читали их меньше, многие были лишь атрибутом богослужения. Подсчеты показали, что церковных книг сохранился все-

³ См. Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. В кн.: «ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XI. М.—Л., 1955, стр. 358—362; Л. П. Жуковская. Сколько книг было в Древней Руси? «Русская речь», 1971, № 1, стр. 73—80.

го один процент. Исходя из этого называют цифру — 39 тыс. книг светского содержания. Общая цифра, которой исчисляется предположительное количество рукописных русских книг в домонгольский период, — 100 тысяч экземпляров. Даже если эта цифра завышена, все же можно говорить и о развитой традиции в книжном деле, и о профессионализме людей, создававших книги.

Традиции рукописной книги тем более заслуживают внимания, что с появлением печатных книг рукописная книга продолжала существовать. Довольно долго, около двух столетий, они бытовали параллельно, и рукописные книги оказывали определенное влияние на печатные не только в качестве их предшественников, но и в качестве современников. До 1600 г. было напечатано всего 18 книг, при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче — по 187. Тираж их был невелик. Долгое время книгопечатание являлось монополией церкви и государства, заинтересованных, прежде всего, в издании книг духовных. Удовлетворить потребность в чтении книгопечатание в ту пору не могло, печатные книги не отражали развития общественной мысли и литературы⁴.

Исследователи древней русской литературы нередко прибегают в своих трудах к терминам «редактирование», «редактор», «редакторский текст». Современные авторы пользуются ими настолько широко, что, обнаружив в древних памятниках какие-то неточности и несоответствия, склонны обвинить древних книжников чуть ли не в «редакторском недосмотре». Подобные заключения представляются несколько поспешными. Условия создания древней книги не позволяют выделить редакторскую работу над рукописью в самостоятельный процесс: сама книга была рукописной и, добавим, существовала как экземпляр единственный, уникальный. Заботу о точности воспроизведения текста принято считать первой (по порядку возникновения) обязанностью редактора. Хотя многие функции, возложенные теперь на редактора, существовали и в древнейший период истории книги, они были поделены между переводчиками и составителями

⁴ См. С. П. Луппов. Книга в России XVII в. и первой четверти XVIII в. (из истории русской культуры), стр. 7.

различных сборников, с одной стороны, и переписчиками — с другой.

Переводчики, хорошо знакомые с византийской и болгарской книжностью, а через нее часто и с произведениями древних классиков, переводя книги, постигали искусство изложения, законы литературной формы. Они переносили это искусство в свои переводы и выступали в роли соавторов литературных произведений. Анализ перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, одного из самых популярных памятников литературы Киевской Руси, и других переводных произведений позволил сделать вывод о том, что переводчик часто был «не рабом, а скорее соперником автора, творчески пересоздавал его произведение и подчинял его положения своей основной идее»⁵. Подобных фактов можно привести много. Так, далеко не всегда точно повторяли источник русские списки «Девгениева деяния» (перевод относится к XII в., но дошел до нас в более поздних списках). Это отчетливо прослеживается, например, на включении образных средств, которые соответствовали не оригиналу, а русской литературной и народно-поэтической традиции. Например, сравнения «яко дюжий сокол», «яко доброй жнец траву сечет» не имеют параллели в греческом тексте⁶. Переводчики стремились к тому, чтобы сделать содержание более доступным и интересным для читателя.

Различные сборники хрестоматийного типа — Изборники, Пчелы, Палеи — были излюбленной книжной формой в древней Руси. Подбирая произведения для сборников, располагая их, приспособлявая содержание этих произведений к нуждам дня, составители выполняли во многом ту же работу, которая сегодня возложена на составителей хрестоматий и различных однотомников. «Каждый книжник древней Руси на свой лад относился к тексту и по-своему его изменял. Под пером книжника текст в той или иной степени получал частицу его индивидуальности, претерпевал изменения от

⁵ Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. «ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XV. М.—Л., 1958, стр. 59.

⁶ См. В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенесе и русских списков Девгениева деяния. В кн.: «ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XV, стр. 73—77.

больших и сознательных до совсем ничтожных, вызванных лишь простой невнимательностью»⁷.

Даже простые переписчики, выполнявшие чисто технические задачи, часто вносили в текст древней книги изменения. Об их активном отношении к тексту свидетельствуют различные вставки и комментарии, которые мы встречаем в книгах. И чем меньше изощрен был переписчик в книжной премудрости, тем более вероятны были опiski, ошибки и прямые искажения текста.

Переписчик обычно заканчивал книгу благодарностью богу и обращением к читателям — просьбой о снисхождении к его труду. Иногда эта заметка от переписчика содержит сведения о том, где, когда и кем переписана книга, иногда — это выражение радости по поводу окончания работы. Приписки на полях Новгородских служебных миней (1095—1097 гг.) сообщают, что над книгой трудился сначала монах Яков, который в миру звался Демкой, затем Михаил в лето 5604 (1096 г. по нашему летосчислению). Переписчик летописи Нестора заканчивает ее словами: «Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий во отишье пристав, и странник во отечество свое пришел, тако радуется и книжный писатель, дошед конца книгам»⁸.

Период до монголо-татарского нашествия сохранил для нас мало имен авторов литературных произведений и почти совсем не сохранил имен редакторов.

«Литература древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством наиндивидуальным. Это было искусство, создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей, в основном безымянной письменности», — пишет акад. Д. С. Лихачев⁹. Отсюда и то свободное отношение к тексту литературного произведения, когда практически невозможно отделить соз-

⁷ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 54.

⁸ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. В кн.: С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., Учпедгиз, 1952, стр. 134.

⁹ Д. С. Лихачев. Первые семьсот лет русской литературы. В кн.: «Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси). М., «Художественная литература», 1969, стр. 7.

дателя литературного произведения от его обработчика, первичную авторскую работу—от работы редакторской. Но уже в тот период книги были не одинаковы по своему типу. Различие их определялось, прежде всего, содержанием и назначением. В зависимости от этого и характер возможного вмешательства в текст был различен.

Книги церковные более других обладали каноническим, узаконенным текстом. Книги исторического содержания — летописи и хроники — стремились к возможно более высокой степени точности в описаниях событий, и для достижения этой цели не были противопоказаны всевозможные уточнения и внесение новых сведений переводчиками и переписчиками. «История не сочиняется. Сочинения, со средневековой точки зрения, — ложь. Поэтому громадные русские произведения, излагающие всемирную историю, — это по преимуществу переводы с греческого: хроники или компиляции на основе переводных и оригинальных произведений. Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, — очевидцами по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события. В дальнейшем новые произведения о событиях прошлого — это только комбинации, своды предшествующего материала, новые обработки от старого»¹⁰, — так характеризует акад. Д. С. Лихачев древние книги исторического содержания.

Первоначальный текст «Повести временных лет» — памятника, от которого ведут свое начало и русская история и русская литература, — не дошел до нас. Мы располагаем более поздними вариантами, в которых этот текст уже значительно изменен. Сложная история памятника дает основания для различных, иногда взаимоисключающих концепций относительно его создания. Исследователи называют имена двух редакторов летописи: Василия, работавшего по заказу Владимира Мономаха, и новгородца Добрыни Ядрейковича. Тщательный анализ фактов и сопоставление манеры изложения позволили обнаружить пропуски и дописки более поздних времен, выявить своеобразные «швы» и

¹⁰ Д. С. Лихачев. Первые семьсот лет русской литературы, стр. 10.

противоречия, которые вызваны позднейшим вмешательством в текст.

XVI в. — время утверждения идеи государственности — дал нам уже много авторских имен. Появились литераторы-профессионалы. Широкое распространение книжности свидетельствовало о том, что книги в Русском государстве ценились высоко. Но увеличение количества книг не могло не отразиться на их качестве. Переписчики искажали тексты. Особенно отчетливо это было видно на книгах духовного содержания, где вопрос о каноническом тексте часто перерастал в вопрос политический.

Централизация государственной и церковной власти вызывала возникновение всевозможных «ересей», оружием своим избиравших различные толкования священного писания. Так, «по-своему» толковал текст Апостола Матвей Башкин. Он отпустил холопов на волю, обосновывая этот неслыханный по тому времени поступок заповедью Апостола: «возлюби ближнего своего, яко сам себе». Он отрицал почитание икон и необходимость покаяния, а священное писание называл баснословием. В деле о ереси Башкина было записано, что он весь Апостол «извочил», т. е. покрыл его воском, отмечая места, на которые хотел обратить внимание. Башкина казнили, и церковь поспешила подтвердить свою правоту регистрацией очередного чуда: никольский поп Амос привел на собор исцеленного в день расправы с еретиком боярского сына.

Царь должен был поручить исправление богослужебных книг специальному лицу, «искусному в божественном писании», Максиму Греку, которого вызвали с Афона еще в царствование Ивана III для перевода с греческого Ученой псалтыри.

Акад. А. С. Орлов так пишет о Максиме Греке: «Занесенный в Россию случаем, Максим Грек пробыл в ней половину своей жизни, сострадательно наблюдая ее, и, как для матери, трудился для этой страны, ставшей для него злой мачехой. Это был человек большого темперамента, талантливый и европейски образованный, который обладал навыками писателя-публициста»¹¹. Для нас особый интерес представляет один факт

¹¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1937, стр. 292.

из биографии Максима Грека: во время пребывания в Венеции, где он изучал философию, Грек «часто хаживал книжным делом» к Альду Мануччи, при типографии которого состояло целое общество ученых, занимавшихся подготовкой и исправлением текстов для изданий Альда. Максим Грек составил толкование книжного знака альдинских изданий¹².

Грек исправил Триодь цветную, Часослов, Псалтырь, Евангелие и Апостол. Он не только сверил различные списки, но и проанализировал подлинники, впервые провел ревизию перевода. «Дурной переводчик может причинить больше вреда, нежели дурной писец», — писал он в своих наставлениях переводчикам. Грек исправил «непохвальные ошибки от неумения или от забвения древних приснопамятных переводчиков, а другие от большого невежества и небрежности перепищиков»¹³. Это был гигантский и подлинно редакторский труд, но наградой было обвинение в ереси. Действительно, Грек допустил несколько незначительных ошибок. Этим воспользовались его политические противники, и Грека сослали в тверской Отрочь монастырь, где он провел 20 лет. Исправление церковных книг продолжил митрополит Макарий.

На соборе, созванном в царских палатах в 1551 г., где присутствовало высшее духовенство и сановитое боярство, говорилось, что «божественные книги писцы пишут с неисправленных переводов, а написав не исправляют, а недописи и точки непрямы; и по тем книгам в церквах божиих чтут и поют, и учатся, и пишут с них, что о сем небрежении и о великом нашем нерадении от Бога будет по божественным правилам»¹⁴.

Протопопам и старшим священникам в каждом городе было поручено, чтобы они рассмотрели богослужебные книги по всем церквам и исправили в них ошибки, а найденные у продавца или у покупателя отбирали даром, «без всякого зазору, да, исправив, отдавали

¹² Г. Геннади. О типографском знаке альдинских изданий (из сочинений Максима Грека). «Библиографические записки», 1858, т. 1, стр. 184—185.

¹³ Цит. по кн.: А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв., стр. 296.

¹⁴ «Стоглав. Царские вопросы и соборные ответы». М., 1863, стр. 49.

в церковь, которая будет книгами скудна»¹⁵. Но и эти меры не остановили порчу книг.

Собор 1551 г. повелел наказывать писцов, а книги исправлять переписчикам под страхом проклятия за-прещалось, как и в старые времена, «приложить или отложить единое некое слово или тычку едину, или крючкы»¹⁶. Был внесен специальный пункт об обязательной проверке книг после переписки по определенному списку, т. е., если употребить современную терминологию, было принято решение о вычитке текста. Однако единственным радикальным средством положить конец искажениям текста оказалось только книгопечатание.

Царствование Ивана Грозного было периодом грандиозных для своего времени литературных предприятий обобщающего характера, призванных подкрепить идею единой государственной власти.

В 50-е годы XVI в. были составлены Четьи-Минеи—«Собрание всех книг, чтмых на Руси». Работу возглавлял митрополит Макарий. Факт этот, возможно, отчасти объясняется тем, что Макарий, бывший сначала архиепископом Новгородским, представлял собой в какой-то степени хранителя новгородских книжных традиций. Ведь именно в Новгороде в конце XV в. была создана так называемая Геннадиевская библия, грандиозный редакторский труд.

Четьи-Минеи составлялись более двадцати лет. Их целью было дать русскому читателю санкционированное церковью чтение на каждый день. Всего было задумано 12 томов, по числу месяцев в году. И хотя писались они многими писцами, поиски текстов были очень трудны, а сами тексты по характеру крайне различны, все тома объединяют художественная согласованность, единообразие, каллиграфическая однотипность. Это позволяет сделать заключение о высоком качестве редактуры этих книг, об их единстве. Твердая редакторская рука объединила разрозненные произведения в единое литературное целое.

¹⁵ «Стоглав. Царские вопросы и соборные ответы». М., 1863, стр. 96.

¹⁶ Цит. по кн.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 99.

В XVI в. были созданы Домострой, Стоглав и знаменитый Никоновский летописный свод — огромный труд в девяти томах, всемирная история «от сотворения мира» до царствования Грозного. Лицевой свод этой летописи написан четкими рисованными буквами, полууставом и обильно украшен цветными миниатюрами. Всего в Лицевом своде 16 тыс. рисунков. Начал редактирование свода Алексей Адашев, продолжил думный дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Тома писались на великолепной бумаге, купленной во Франции из королевских запасов, лучшей бумаге, какую можно было в то время иметь. Продукция первых московских бумажных мельниц была еще далека от совершенства.

Первые тома включали пересказ Ветхого и Нового завета, дополненный византийскими хрониками и другими переводными источниками. Затем следовал рассказ о русской истории. Палеографы восстановили характер редакторской работы над иллюстрациями. Сюжеты для миниатюр намечались заранее, и те места в тексте, где их надлежало поместить, отмечены в оригинале каплями воска. Так, переписчику указывали, где он должен оставить место для рисунка, а художнику — его сюжет. Подобная «разметка» была, например, обнаружена в одном из текстов «Истории Иудейской войны», с которого текст переписывался в Лицевой свод. В выборе сюжетов прослеживается определенная система. Там, где события быстро следовали друг за другом, разметка более дробная. Законченный рассказ об одном лице иллюстрировался меньшим количеством рисунков. Направление работы над текстом и оформлением было определено заранее. Руководил ею, по всей вероятности, один человек, достаточно знающий и влиятельный¹⁷.

В последнем томе описывались события царствования Ивана Грозного. Этот том известен под названием Синодального списка, в нем сохранились мно-

¹⁷ См. В. Ф. Покровская. Из истории создания лицевого летописного свода второй половины XVI в. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР. М. — Л., 1966, стр. 5—19.

гочисленные редакторские поправки: вставки, вымарки, замечания к рисункам.

Существует и переделанный в соответствии с этими замечаниями новый экземпляр тома. Он называется Царственной книгой, так как в XVIII в. князь Щербатов преподнес его в дар Екатерине II. Листы Царственной книги также испещрены поправками, сделанными той же рукой, но часто противоречащими как поправкам в Синодальном списке, так и основному тексту летописи.

Эти летописные списки дали материал многим историкам: Татищеву, Карамзину, Соловьеву, Ключевскому, но сведения, сообщенные в поправках, были восприняты ими некритически. Никого не заинтересовал вопрос, кто этот редактор. Поправки чаще всего приписывали Висковатому, не задумываясь над тем, какой силой и властью надо было обладать, чтобы требовать переписки тома, в котором одних рисунков было больше тысячи, а получив исправленный, переписанный и перерисованный том, снова начать его править. Впервые гипотеза о том, что этим редактором был сам Грозный, высказана советским историком, главным библиографом отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — Д. Н. Альшицем¹⁸. Обоснована она была анализом поправок. Переписка Грозного с Курбским и особенности царского «кусательного стиля» обследованы нашими литературоведами. Однако полное подтверждение эта гипотеза получила лишь тогда, когда был найден автограф Грозного. Почерк, которым было написано собственноручное послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь, и почерк, которым были сделаны поправки, совпал.

Приписки сделаны скорописью XVI в. на полях летописи. Некоторые из них очень значительны. Они заполняют поля почти целиком, переходят на следующие листы. Другие поправки — короткие, исправляют одну

¹⁸ См. Д. Н. Альшиц. Приписки к лицевым летописным сводам, их происхождение и значение как исторического источника. «Исторические записки», 1947, № 23; «Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый». В кн.: «ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XVI. М.—Л., 1960; см. также: Р. Пересветов. По следам находок и утрат. М., «Советская Россия», 1963.

строку или имя, а иногда — букву или ставят точку над ней.

То, что редактором был сам царь, случай, конечно, исключительный. Но это пока единственный, описанный в литературе, образец редакторской работы над текстом в XVI в., и поэтому мы не можем не остановиться на нем, учитывая, конечно, особенности этого образца.

Наиболее значительные по содержанию и по объему изменения касались сведений, непосредственно связанных с самим Иваном Грозным. Царь стремился в многочисленных приписках подчеркнуть главное для себя — свою правоту в борьбе с боярами. Ради этого он отступал даже от исторической правды. Особенно много подробностей внес царь в описание своей собственной болезни в 1553 г., когда бояре, решив, что царь не выживет, начали делить власть. Тенденциозность этих изменений очевидна.

Царственная книга не была переписана начисто потому, что и события, внесенные в нее, и приписки были слишком злободневны и слишком быстро устарели.

Хотя царь произвольно излагал события, в которых был лично заинтересован, к фактам как таковым он относился со взыскательностью, которой может позавидовать и современный редактор. Грозный требовал предельной точности и полноты описаний, сличал факты со сведениями в более древних источниках. В архиве Ивана Грозного найдены записи, что в то время, к которому может быть отнесена его работа над сводом, он затребовал архивные документы и забирал их к себе целыми ящиками. Ему были также доставлены Посольские сказки, родословные, Никоновская летопись. Правя рассказ о боях со степняками-кочевниками, поставленный в Синодальном списке под 1550 г., он сверил имена бояр по Разрядной книге. Там же были уточнены названия населенных пунктов, возле которых стояли полки.

Сама техника внесения в текст изменений заслуживает того, чтобы об этом сказать особо. Значительные по объему вставки сделаны на полях. Отдельные слова и короткие фразы вписаны между строк. Зачеркнутое слово, как правило, заменялось новым, более точно выражавшим мысль. Очевидно, замены в тексте делались по ходу чтения. Так, в Царственную книгу Гроз-

ный вписывает красочный рассказ о мятеже 1553 г. В Синодальном списке рассказ об этих событиях, написанный, правда, в безмятежных тонах, шел несколько дальше, и редактор после вставки пишет: «То место написать тут, где таков крест», а после летописного рассказа: «Тут написати то, что там писано». Он переделывает прежний летописный рассказ, вычеркивает его начало и взамен пишет новое. Здесь же пометка: «Тут написати о государевой болезни и все, што там писано». Вставки и соответствующие места в тексте, куда их надлежало поместить, помечены значками, отличающимися от тех, которыми принято пользоваться сейчас, разве тем, что они напоминают царскую державу: кружок с крестом наверху.

Редактор сделал указания и художникам:

«Здесь государь нарисован не к месту», — пишет он против одной миниатюры.

«Тут написать у государя стол без доспехов да стол велик», — около другой.

«Царя писать тут надобет стара».

А рисунок, изображающий свадьбу царя, по-видимому, показался ему слишком перегруженным подробностями, и он пишет:

«Расписать надвое венчание да брак». Все эти указания выполнены в Царственной книге.

Мы должны быть благодарны историкам, сделавшим доступным для нас этот уникальный документ. И хотя трудно допустить мысль о том, что кто-нибудь, кроме царя, мог позволить себе править совершенно готовый Лицевой свод, мы вправе предположить, что подобная работа не была новой для составителей летописей, которые трудились над летописными сводами.

ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ. ИВАН ФЕДОРОВ КАК РЕДАКТОР



Печатные книги были известны в России с конца XV в. Это были книги на славянском, греческом, латинском языках. В Апостоле 1564 г. Иван Федоров ссылается как на образец на греческие, венецианские и фряжские (итальянские) книги, но выход в свет первой русской печатной книги — событие, значение которого трудно переоценить. Оно знаменовало собой начало новой эпохи в культурной жизни народа. Введение книгопечатания было результатом сложных процессов в политической и экономической жизни страны. Одной из основных причин была необходимость снабдить книгами церкви в завоеванных Казанских землях.

Подготовка первых печатных книг длилась долго, около десяти лет, и подготовлены они были хорошо, о чем говорят и подбор шрифтов, и качество печати, и рисунки.

Не установлено, где и у кого учился Иван Федоров, но он в совершенстве владел всеми типографскими специальностями, был гравером, наборщиком, печатником, сам изготовлял шрифты. Он считал книгопечатание «даром, свыше ниспосланным», «божественным талантом», «делом богоизбранным». Известно, что, когда гетман Ходкевич предложил Ивану Федорову оставить книгопечатание и заняться хлебопашеством, тот ответил: «...не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время моей жизни, потому что вместо плуга я

владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассеять семена духовные по вселенной и всем по чину раздавать духовную пищу... И в одиночестве, углубляясь в себя, я не раз омочил слезами свое ложе, размышляя обо всем этом, как бы не сокрыть в земле талант, дарованный мне богом»¹. Одним из талантов нашего первого печатника был талант редакторский. Книги, изданные им, будучи в основном книгами духовного содержания (за исключением львовской Азбуки), представляли собой явление оригинальное. Прежде всего, это касалось их внешнего вида. Книге в церкви отводилась определенная роль. Она была атрибутом богослужения. Церковные книги имели богатый, тяжелый переплет. Евангелия сборные, окованные золотом и серебром, по внешнему виду скорее напоминали сундучки, чем книги.

Назначение книги как предмета церковного обихода влияло и на ее внутреннее оформление, предопределяло пропорцию книжной полосы, выбор шрифтов. Но у книг духовного содержания было еще одно назначение — это были первые книги-учебники. Именно учебное назначение церковных книг было усилено в изданиях Ивана Федорова. Он издавал книги уже не для литургии, а для личного пользования, не для громкого чтения во время сложного и торжественного храмового действия, когда книга лежит на аналое, особом, предназначенном для этого столе, а для чтения «про себя». Апостол, Новый завет, отпечатанный Федоровым в 1580 г., Острожская библия — книги относительно небольшого формата с мелким и изящным шрифтом. Оформление их тоже рассчитано на такого читателя, который будет читать, держа книгу в руках².

Предисловия и послесловия книг Ивана Федорова сообщают нам ценные сведения о том, как готовились эти издания, какой цели должны были служить. Уже название Евангелия учительного, отпечатанного в 1569 г., содержит упоминание о редакторской работе первопе-

¹ М. В. Щепкина. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг. В кн.: «У истоков русского книгопечатания». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 235.

² См. А. А. Сидоров. Художественно-технические особенности славянского первопечатания. В кн.: «У истоков русского книгопечатания», стр. 41—80.

чатника: «Книга, называемая Евангелие учительное, выбрана из всех четырех Евангелий и многих божественных писаний...» Предисловие, написанное от имени гетмана Ходкевича, сообщает, что, опасаясь ошибок, он велел эту книгу напечатать так, как она была написана в древности, «потому что она каждому доступна и понять ее нетрудно, и чтение ее полезно»³. Редакторская работа после отбора текстов свелась, следовательно, к тому, чтобы достигнуть точности их воспроизведения.

В послесловии Иван Федоров, по примеру старых книжников, просит читателей извинить ему ошибки в книге: «как не дух святой и не ангел писал, а грешная и тленная рука».

Послесловие львовского Букваря еще раз свидетельствует о характере редакторских обязанностей, которые брал на себя создатель первых печатных книг. «Не от себя написал я это немного, но от учения божественных апостолов и богоносных отцов и от грамматики преподобного отца Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей»⁴ (разрядка моя. — *К. Н.*).

Работа первопечатника над текстом более подробно изучена советскими лингвистами на примере Апостола.

В работе Г. И. Коляды⁵, сличившего печатный текст Апостола с сорока одним рукописным списком, доказано, что текст этих списков был воспринят редактором критически. В печатном тексте было сделано много исправлений, внесены слова, не встречавшиеся в рукописных списках (возможно, они заимствованы из не дошедшего до нас источника), исключены устаревшие выражения и обороты, изменена орфография, которая соответствует в печатном тексте произношению.

На основании исследования Г. И. Коляды иногда делаются упрощенные и модернизированные заключения

³ М. В. Щепкина. Ук. соч., стр. 234.

⁴ Там же, стр. 247.

⁵ См. Г. И. Коляда. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос об его уходе в Литву. В кн.: «ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 225—254.

о характере редакторской работы первопечатника. Особенно часто излагается упрощенно вывод о том, что в Апостоле язык очищен от архаизмов, демократизирован, и, таким образом, книга приближена к читателю, стала доступной более широкому кругу людей.

В действительности изменения текста были более сложны и далеко не однозначны. Демократизация — сложное явление. Читатель того времени не поверил бы книге, не принял бы ее, если бы эта демократизация была проведена слишком прямолинейно. Каноничность, святость книги надлежало сохранить.

Апостол не просто переведен «на простую мову». Действительно, иноязычные слова из текста устранены, но слов этих всего четыре.

Это слова *макелия* от греческого *макелон*, которое заменено на *торжище*, *климаты* от латинского *clima* заменено словом «страна», слово *крадоводя*, представляющее неудачную кальку с греческого, — словом «прельская».

Наблюдался и обратный процесс. Русское слово *сѣстав*, по словарю Срезневского, имеющее 18 значений, заменено греческим, но общеупотребительным в то время словом *ипостась*. Тоже многозначное слово *сѣставление* заменено греческим *стихии*.

Было заменено несколько устаревших выражений: слово *пищаль* до XV в. обозначало *свирель*, позже — *оружие*. В Апостоле оно заменено на *сопель*, т. е. сохранен первоначальный смысл. Некоторые архаизмы были в XVI в. уже вообще непонятны. Например, слово *щегы*. В рукописных списках существует несколько не совпадающих вариантов понимания этого слова. Апостол предлагает свое — *кощуны*, что значит «колдуны».

Во фразе: «*Блюдете псы, блюдете злыя делателя*» глагол *блюсти* мог быть воспринят двояко, так как его употребляли как в переходном, так и в непереходном значении. В Апостоле фраза исправлена: «*Блюдетесь от псов, блюдетесь от злых делателей*».

Анализ этих изменений дает нам основание уже с первой русской печатной книги включить в редакторские обязанности работу непосредственно над текстом.

Мнение о том, что Иван Федоров работал над текстом Апостола не один, по всей вероятности, справед-

ливо⁶. Академик А. С. Орлов предполагает, что в ней участвовали митрополит Макарий, Адашев, Сильвестр и, конечно, сам Иван Федоров. Но единство всех изданий Ивана Федорова свидетельствует о том, что непосредственно над текстом он работал сам. Иван Федоров может быть назван нами не только первым русским печатником, но и первым русским редактором-профессионалом.

⁶ См. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1937, стр. 329—330.

РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА КНИГ В XVII В.



Начавшийся для России событиями так называемого Смутного времени, событиями короткого, но кровавого царствования Бориса Годунова, XVII век проходил под знаком ожесточенной политической борьбы внутри страны и жестоких схваток с интервентами. XVII век, писал В. И. Ленин, начал новый период русской истории, который «характеризуется действительно фактическим слиянием... областей, земель и княжеств в одно целое»¹.

Эти изменения не могли не отразиться на развитии русской книжности. Книг стало значительно больше. Заметно возросло количество рукописных книг. Печатных книг за столетие было выпущено около 500 названий. Начинает развиваться книжная торговля.

При Иване Грозном книги продавались в Москве на торжище. Существовал книжный ряд, где торговали книгами попы и дьяконы, книги продавались и в овощном ряду вместе с заграничными фруктами, их можно было купить в лавках, торговавших церковной утварью. Долгое время, до 1597 г., когда Апостол был выпущен уже тиражом 1050 экземпляров, печатные книги стоили дороже рукописных.

В XVII в. на Красной площади было определенное место для книжной торговли — Спасский мост у Фроловской башни против Спасских ворот. Каменный мост

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

с четырьмя арками был перекинут через ров, наполненный водой. Спасские ворота иначе назывались Святыми. Это было особо чтимое духовенством место, и здесь продавались церковные книги. К тому же Спасский мост был местом, где собирались «безместные попы», которых нанимали для службы московские бояре, и здесь церковные книги быстро находили сбыт.

Лавочки имели плоскую односкатную крышу, прилавок был откидным и служил одновременно дверью. Эти лавочки у Спасского моста существовали еще и в начале XIX в.

Ассортимент книжных лавок в XVII в. постепенно расширялся. Здесь стали продавать буквари, травники, Пчелы, различные сборники. В XVII в. вышла в свет первая русская книга по военному делу, были изданы книги по технике, географии.

Особенность печатного дела в России в XVII в. состояла в том, что это было дело государственное, которое контролировалось государством и церковью. И хотя общий репертуар книг в этот период заметно расширился, первое место среди печатных изданий продолжали занимать книги религиозного содержания.

В нашу задачу не входит детальный анализ книжного репертуара, деятельности отдельных типографий и описание всех заслуживающих внимания изданий. Все это нашло свое место в общих курсах истории издательского дела. Наша цель — выявить изменения, которые произошли в работе над книгой при подготовке ее к изданию. Главным из них в тот период было то, что издательская подготовка книги выделилась в самостоятельный процесс.

В 1614 г. в Москву был вызван из Нижнего Новгорода бежавший туда во время нашествия поляков Никита Федоров Фофанов. Вместе с Кондратием Ивановым и софийским попом Никоном он, по приказу царя, стал восстанавливать разрушенную и сожженную во время войны с поляками типографию, заготовливать станки и шрифты. Из царской казны для этого было отпущено 387 рублей 29 алтын 5 денег².

² См. П. М. Строев. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке Ивана Никитича Царского. М., 1836, стр. 436.

На месте, где стояла раньше типография, на Никольской улице, было построено новое двухэтажное каменное здание. В 1620 г. туда была перенесена из Кремля государева шанба (так называлась тогда типография). В следующем году на Московском печатном дворе уже было занято более 80 мастеровых, а в 1649 г. печатный двор имел 12 станов, на которых работало более 140 человек.

Если Иван Федоров владел всеми типографскими специальностями, сам был и гравером, и печатником, и художником, и переплетчиком, сам готовил к изданию текст, в XVII в. четко выделилось более 10 полиграфических специальностей: словолитцы, наборщики, тередорщики (печатники), батырщики (набивали краску на печатную форму), олифляники (разводили типографскую краску), рудники (коптили сажу и приготавливали из нее печатную краску), резчики (вырезали пунсоны для отливки литер и деревянные формы для отливки гравюр), знаменщики (художники), переплетчики. В мастерские брались люди, имевшие «поручные записи» от тех, кто уже работал на печатном дворе.

Перед началом печатания каждой книги служили молебны, рабочим выдавали на калачи. К печати приступали по указу государя и по благословению патриарха. Печатанию предшествовала подготовка текста. Ее вели справщики, назначаемые на должность с ведома царя. Подготовка текста к печатанию — редактирование — стало самостоятельной специальностью.

Однако оказалось, что справщики, не зная греческого языка и будучи вообще людьми несведущими, допускали новые искажения. Это вызывало недовольство духовенства. Царской грамотой исправление книг поручили иноку Троице-Сергиевого монастыря Арсению Глухому и священнику Ивану Клементьеву Наседке. Для высшего надзора был поставлен архимандрит этого монастыря Дионисий. В царской грамоте писалось, что наблюдение за книжным делом поручено «духовным и разумным старцам», потому что им «подлинно известно книжное учение и потому, что они и грамматику, и риторику знают», в то время как прежние справщики «едва и азбуке умеют... не знают, кои в азбуке письма гласныя и согласныя и двоегласныя... Священная же философия и в руках не бывала. Боже-

ственные же писания точною по чернилу проходят, разума же сих не понудятся ведети»³.

Троицкой обители велено было снабжать старцев всем, что нужно, доставлять им древние рукописи, списки, книги, чтобы работа шла скорее.

Старцы сидели над книгами полтора года день и ночь. Они сличили более 20 списков, выявили погрешности, прибавления, исправили Требник и другие богослужебные книги. Наконец, решили доложить об окончании работы царю, и в 1618 г. Дионисий отправился в Москву. Исправления приняты не были. Приближенные царя потребовали, чтобы Дионисий и его помощники были преданы суду. Суд состоялся в Вознесенском монастыре в присутствии матери царя Марфы. Дионисий не смог защитить «разумных старцев». Их заточили, стали истязать, домогаясь признания в мнимой вере. Дионисия объявили еретиком и приговорили к штрафу в 500 рублей. (Чему равнялась эта сумма в переводе на современные деньги, можно представить себе по тому, что обширная боярская городская усадьба с многочисленными хозяйственными постройками продавалась тогда за 300 рублей.)

Позже приговор несколько смягчили, и Дионисия оставили в Новоспасском монастыре, назначив эпитимью—тысячу поклонов в день. А ведь он был уважаемым и влиятельным человеком, оказавшим большие услуги царю во время осады Москвы поляками: именно Дионисий благословил на войну с поляками князя Пожарского, участвовал в посольстве, звавшем Михаила Романова на царство.

Малейшие изменения привычных текстов, даже в тех случаях, когда необходимость таких изменений была, казалось, очевидна, вызывали гнев церковнослужителей. Особенно возмутила их одна поправка Дионисия в Требнике. В чине освящения воды в день Богоявления господня было: «Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию духом своим святм и огнем». Слово «огнем» было прибавкой переписчиков. Дионисия, восстановившего текст, обвинили в том, что он хочет «огонь вывести из мира».

³ См. С. Ф. Либрович. История книги в России, чч. 1—2. Пг., 1914, стр. 140.

В 1619 г. из плена вернулся патриарх Филарет, отец царя, и пересмотрел дело Дионисия. Был созван собор. Восемь часов защищал Дионисий правоту своих исправлений, обличил противников в невежестве и с торжеством возвратился в Троице-Сергиев монастырь.

После этого кадры для Московского печатного двора стала поставлять Заиконоспасская академия. Ее ученики и выпускники были справщиками и руководителями типографии. Это ученые справщики Алексей Бурцев, Карион Истомир, Николай Семенов, Федор Поликарпов.

Во второй половине XVII в. справа книг на Московском печатном дворе была уже налажена. Одним из доказательств этого является создание замечательного библиографического труда — «Оглавление книг, кто их сложил»⁴. Автор его точно не установлен. Исследователи называют имена нескольких известных в то время переводчиков и писателей: Сильвестра Медведева, Федора Поликарпова, монаха Ефимия, справщика печатного двора Никифора.

По всей вероятности, «Оглавление» было составлено при печатном дворе как справочник, чтобы не повторять уже сделанного.

Книги в нем расположены по алфавиту, названы авторы и заглавия. Иногда об авторах сообщаются краткие биографические сведения. Так, здесь рассказано о приезде в Москву Максима Грека, о том, как он «о лете едином и пяти месяцах переложил от Еллинска в словенский язык Псалтырь», упоминается о его помощниках Власе и Мите-толмаче, о писарях-монахах, данных ему в помощь. Подробно говорится о содержании трудов Грека⁵.

Для нас «Оглавление» особенно ценно тем, что большинство книг описано в нем *de visu*. Книги, которых составитель не видел, отмечены условным знаком. Этот труд в целом свидетельствует о высокой для своего времени библиографической культуре. Содержание книг раскрыто, для печатных указаны место, год издания и

⁴ См. Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XIX века, изд. 3. М., Госкультпросветиздат, 1955, стр. 38—39.

⁵ «Оглавление книг, кто их сложил». Составил Сильвестр Медведев. Издал В. Ундольский. М., 1846, стр. 36—37.

типография. Например, «Василий царь греком к сыну своему Яву царю мудру завет написа, имущ глав 66. Печатана в Москве лета 7170 в 8»⁶. Здесь впервые в русской книге дан вспомогательный алфавитный указатель имен и предметов, сокращения объяснены в специальном приложении.

Справа книг велась в правильной палате, находившейся во втором этаже, напротив палаты приказной. Часть помещения была отделена дощатой перегородкой под казенку, чулан, где хранились «впредь по переводу» на случай нового издания «кавычные книги», с которых производилась печать. Здесь же находились старинные рукописи и книги, к которым часто обращались при справе. Стены и потолок правильной палаты были украшены росписью, в три окна вставлены слюдяные оконницы. Справщики работали за большим дубовым столом. Записная книга царских указов позволяет установить их имена. Справой обычной было занято три, иногда четыре справщика, чтец и писец. Позже появилась должность книгохранителя. Чтец и писец были люди светские. Справщики, как правило, монахи, «старцы». Их обязанности были точно определены: «Должность справщиков — исправлять книжное правление, дабы в печатании книжном каковых погрешности не было»⁷. Если книга печаталась с рукописного оригинала, справщик работал с копией, специально подготовленной для него писцом, которую тщательно выверяли, прежде чем отдать наборщикам.

Готовя к выпуску новое издание книги, обычно придерживались ее последнего издания, но это не исключало работы с другими источниками, о чем свидетельствуют пометы справщиков на полях кавычных книг. Сохранился оригинал 1641 г., с которого в 1682 г. перепечатывался церковный устав. Поправки сделаны чернилами и киноварью, вставки занесены на вклейки. Текст, подлежащий исключению, перечеркнут киноварью, некоторым статьям приданы новые заглавия, изъяты непонятные слова, иногда изменен порядок ста-

⁶ «Оглавление книг, кто их сложил». Составил Сильвестр Медведев. Издал В. Ундольский, стр. 11.

⁷ Роспись из дел типографского архива (№ 9, л. 543). Цит. по кн.: А. А. Покровский. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. СПб., 1913, приложение 2, стр. 67.

тей, несколько статей изложено по-новому или сокращено, проведена орфографическая и пунктуационная правка. В нескольких местах на полях — объяснение правки, например, «многие разности и несогласия» или заметки: «доложить», «спросить». Справщикам запрещалось без доклада делать в тексте исправления. Приказ был строг: если книжные справщики «на чистых переводах станут речения переменять или убавливать или прибавливать или переправливать вновь», за самовольство и непослушание им грозила жестокая кара⁸. Любое изменение в тексте грозило обвинением в ереси.

Особое место в истории редактирования русской книги XVII в. занимает формирование учебной книги как типа издания. Методика обучения в Древней Руси была прочна и, казалось, незыблема. Несколько веков грамоте учились, твердя Часослов и Апостол.

Первой книгой, предназначенной специально и только для обучения, был Букварь Ивана Федорова, изданный им во Львове. В состав Букваря входила азбука, грамматика, упражнения для чтения. Единственный, дошедший до нашего времени экземпляр львовского Букваря был вывезен из России в XVII в. в Италию и хранится сейчас в США в библиотеке Гарвардского университета.

Сравнительно недавно в библиотеке города Гота (ГДР) обнаружено не известное до сих пор издание — «Азбука, отпечатанная в Остроге»⁹. Подпись под предисловием указывает издателя книги Ивана Федорова. Помимо того что этот факт интересен сам по себе, он подтверждает связь Ивана Федорова с просветителями западных русских областей и позволяет установить непосредственную связь его изданий с традициями Острожской школы, или, как ее тогда называли, — Острожской академии.

Острожская школа, Киево-Могилевская академия и киевское Богоявленское братство сыграли заметную роль в развитии русской культуры XVII в. Западно-русские земли были в то время ареной острой полити-

⁸ См. Д. Мансветов. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883, стр. 58.

⁹ См. Я. Исаевич. Острожская «Азбука» Ивана Федорова. «Книга. Исследования и материалы», сб. 16. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1968, стр. 237—238.

ческой борьбы, и книги, изданные там, очень отчетливо свидетельствуют о ней. Их целью было защитить от католицизма самобытные культурные традиции. Такой книгой был, например, «Синописис» Иннокентия Гизеля, изданный в 1674 г. Его автора, преподавателя и ректора Киево-Могилевской академии, ставшего впоследствии архимандритом Киево-Печерской лавры, современники называли за ученость Аристотелем. «Синописис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа» — одна из первых русских печатных книг по истории. Практически это был первый русский печатный учебник истории. Книга выдержала больше двенадцати изданий.

В издании учебных книг в Киеве, Остроге, Львове сформировалась определенная традиция. Азбуки, буквари, грамматики, в издании которых эта традиция прослеживается особенно ясно, попадая в столицу, влияли на создание подобных им книг, часто служили образцами для новых изданий.

В 1596 г. в Вильне в типографии купцов Мамоничей была отпечатана Азбука — «Наука ку читаню и разумению писма словенского». В начале книги шли слоги, затем молитвы «Отче наш» и «Верую» с объяснениями, в конце книги было помещено объяснение редко употребляемых слов: «Лексис сиречь речения, в кратце собраны и из словенского языка на простой русский диалект изложение о православной вере». Этим объяснениям была придана форма диалога между Странным (зловерным) и Православным (благоверным). В том же 1596 г. была издана «Грамматика Словенска, совершенного искусства осми частей слова и иных нужных, ново обставленная». Автором ее был Лаврентий Зизаний, известный западнорусский ученый. В 1618 г. в Вильне в типографии школы при православном братстве вышла книга, ставшая учебником для нескольких поколений. Это была «Грамматика словенския правильное синтагма», написанная монахом Мелетием Смотрицким — книга, по одному из более поздних изданий которой учился Ломоносов. Это было, действительно, классическое пособие, закрепляющее те приемы, которые мы находим в предшествующих ей учебных книгах. В течение всего XVII в. Грамматика Смотрицкого оказывала заметное влияние на выработку норм церковнославянско-

го языка, бывшего литературным языком того времени¹⁰. Она результат многолетних трудов ее автора — одного из самых ярких в тот период защитников самобытных культурных традиций.

Преподавательская деятельность Смотрицкого проходила главным образом в так называемых братских школах при православных братствах. Эти школы не давали ни высшего образования, ни ученых степеней, как делали это иезуитские коллегии. Их задачей было обучение грамоте и воспитание определенных убеждений. Принципы обучения в братских школах были по своему времени демократичными. Занятия велись на разговорном языке, хотя обучение старославянскому, греческому, польскому и латинскому языкам было обязательным.

Смотрицкий преподавал «свободные науки» — философию, риторику, латинский и старославянский языки. Известен он был и как писатель. Ему, в частности, принадлежит предисловие в стихах к Острожской библии Ивана Федорова.

Издание Грамматики имело не только практическую цель — дать учебник братским школам, но и более широкую, политическую. Борьба за церковнославянский язык против латинского языка и латинской мудрости была в Речи Посполитой отражением общественного движения за свободу и независимость украинского и белорусского народов. Это была форма политической полемики с иезуитами, утверждавшими, что не было и не будет академии, в которой богословие, философия и другие науки преподавались бы не на латинском языке, что славянский язык несовершенен и не имеет своих правил и грамматики.

Цель Грамматики Смотрицкого, так же как Грамматики Зизания, была — научить хорошо писать и правильно излагать мысль. Грамматика составлена в форме вопросов и ответов. На вопрос «Что есть грамматика?» она отвечает: «Это есть известное художество глаголити и писати учащее». Книга имела приложение — «Лексис, сиречь речения, вкратце собранные».

В книге четыре части: орфография, этимология, синтаксис и просодия. Орфография учила «право писати

¹⁰ См. Е. С. Прокошина. Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966.

и гласом в речениях прямо ударяти». Этимология излагала учение о частях речи. Синтаксис состоял из двух разделов: «синтаксис простая» и «синтаксис образная». Просодия содержала курс обучения стихосложению — «метром или мерою количества стихи слагати».

Созданная Смотрицким терминология сохранилась до сих пор: местоимение, междометие, виды глагола, залог действительный (вместо делательного у Зазания). Он сформулировал правила и законы применения языковых норм и ударений.

Уже в 1621 г. в Вильне было издано извлечение из Грамматики — Азбука для начального образования, дополненная грамматическими сведениями и текстами.

В 1634 г. в Москве Василий Бурцев издал Азбуку, в основу которой была положена та же Грамматика Смотрицкого. Вслед за предисловием во втором издании Азбуки Бурцев поместил стихотворение:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царскому велению
Вам младым детям к научению.

Перед началом текста шел фронтиспис—гравюра, изображающая наказание провинившегося ученика. Это первая светская по содержанию иллюстрация к русской книге. Учебник становился книгой светской.

В 1648 г. в Москве Грамматика Смотрицкого была издана без указания автора с новым предисловием. Изменения в тексте были незначительными: они касались ударений и непонятных грамматических форм. Переиздавалась Грамматика Смотрицкого и в XVIII в., вплоть до появления Грамматики Ломоносова.

Грамматика Смотрицкого была своего рода эталонной книги, предназначенной для обучения языку. В организации ее материала отчетливо видны приемы, к которым не раз будут прибегать авторы и редакторы учебников: изложение в форме вопросов и ответов, четкое следование принципу «от простого к сложному», общий демократический характер этой книги, цели которой были подчеркнуты практическими, лежащая в основе учебника разработанная система знаний и терминология. Учебная книга отделилась от церковной, сформировались приемы и методы редакционного оформ-

ления, определенный образец (тип), которому следовали ее создатели.

Немаловажное значение имеет для нас то обстоятельство, что это были книги именно по языкознанию. Возникло и упрочилось представление о грамотности и соответственно о культуре издания. Грамматики имели к книжному делу самое непосредственное отношение. Справщики и писцы не могли не обращаться к ним в затруднительных случаях. В предисловии к Грамматике Смотрицкого, изданной на Московском печатном дворе в 1648 г., помещено обширное рассуждение о важности ее не только для образования, но и для исправления книг.

В XVII в. свои особенности начинает обретать редакторская подготовка не только учебных книг. Но это пока лишь первые шаги.

Большинство литературных произведений издавалось тогда без имени автора. В изданиях 40—50-х годов XVII в. указывались только те авторы, которые почитались отцами церкви. Позже стали указывать переводчиков. Лишь самый конец XVII в. дает нам имена двух талантливых литераторов: Симеона Полоцкого и Кириона Истомина. Обоих отличала любовь к просвещению, литературе, к книге и книгопечатанию.

Кирион Истомин был справщиком печатного двора, затем «смотрителем царственной типографии». Ему принадлежит несколько трудов различного содержания. Особенно известны два букваря: Лицевой букварь в лист и Букварь в четверку. В 1692 г. Истомин преподнес свой рукописный Букварь, куда вошел почти целиком Букварь Смотрицкого, царице Наталье Кирилловне для обучения царевича Петра Алексеевича. В 1694 г. был издан Букварь Истомина, гравированный на меди. В 1696 г. эта книга была отпечатана набором в двадцати экземплярах. До нас дошло два.

В своем Букваре Истомин стремился наглядно преподнести дидактический материал. Книга обильно иллюстрирована.

Вот стихи из Букваря 1694 г. под буквой «К»:

Како кто хочет видом си познати,
В первых вещей сих будет то писати.
Киты суть в морях, кипарис на суши,
Юный, отверзай в разум твоя ушы.

В колесницу сядь, копием борися,
Конем поезжай, ключем отойдися.
Корабль на воде, а в дому корова,
И кокошь в требу, и людем здорова.
Отложи присно тщеты недосуги,
Колокол слушай, твори в небе други!

При каждой букве в Букваре выгравированы различные предметы, названия которых с нее начинаются. Так, на странице с буквой «К» изображены кит, кипарис, колесница, копьё, конь, ключ, корабль, корова, кокошь (курица) и колокол.

Экземпляр Букваря 1696 г. в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина представляет собой экземпляр корректурный. Он хранился раньше в Синодальной типографии. На нескольких листах — корректорская правка, сделанная киноварью.

Симеон Полоцкий вошел в нашу историю как талантливый литератор и политический деятель. Он был влиятельным человеком, приближенным царя. Для печатания его сочинений была даже учреждена специальная так называемая Верхняя типография в Кремле, которая выпустила шесть книг Полоцкого.

Особенно популярны были два его стихотворных сборника — «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион».

В каждом стихотворении «Вертограда» содержалось какое-то остроумное определение, нравственное указание. В «Рифмологионе» содержались стихотворения на разные случаи придворной жизни, приветствия, поздравления и т. д.

Эти книги Симеона Полоцкого были первыми русскими авторскими печатными стихотворными сборниками. Анализ их позволяет утверждать, что исторически первым компонентом, определившим тип издания произведений художественной литературы, его характерные внешние особенности, был порядок размещения произведений. Сборники Симеона Полоцкого свидетельствуют о продуманности композиции. В его «Псалтыри рифмованной» псалмы идут в обычном порядке оригинальных текстов Славянской библии, в «Вертограде» — по алфавиту заглавий, в «Рифмологионе» осуществлен хронологический принцип. В композиции Симеон Полоцкий видел средство организовать материал и

обеспечить читателю те практические удобства, которые впоследствии достигались при помощи аппарата издания¹¹.

В середине XVII в. титульный лист становится элементом оформления книги. Впервые он встречается в острожских изданиях Ивана Федорова. В XVII в. титульный лист стали украшать рамкой, иногда гравюрами или наборными украшениями. Кроме названия книги, титул обычно сообщал выходные данные, которые до этого содержались в «летописи», помещенной в конце книги.

Эпоха наложила свой отпечаток и на манеру, в которой составлялись заглавия книг. К концу века они стали многословными и чрезмерно подробными, словно стремились сразу сообщить читателю все, о чем сказано в книге, и предвосхитить иные толкования, особенно в изданиях официальных. Однако материала для наблюдений это время дает так немного, что говорить о формировании специфических редакторских приемов в издании произведений художественной литературы затруднительно.

¹¹ См. П. Н. Берков. Издания русских поэтов XVIII века. (История и текстологические проблемы). В сб.: «Издание классической литературы». М., «Искусство», 1963, стр. 63—64.

КНИГА В ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА XVIII В.



ервая четверть XVIII в. была подготовлена всем ходом развития русской государственной жизни. На общем фоне исторического процесса она выделяется темпами своего развития.

За 27 лет, с 1698 по 1725 г., было выпущено свыше 600 книг, не считая многочисленных гравированных листов. С Петровского времени рукописная книга потеряла свое прежнее значение. Время, когда она могла конкурировать с книгой печатной, прошло. Резко изменилось содержание книг: за эти 27 лет было издано всего 48 книг духовных, составивших лишь 9 процентов печатной продукции. Основную массу ее представляли новые гражданские книги, которые были пужны для обучения корабельных мастеров, инженеров, моряков. Начали регулярно издаваться «Ведомости» — первая русская газета. Были открыты новые гражданские типографии в Москве и Петербурге. И хотя Петербургская типография занимала в то время всего один домик в три окна на Троицкой улице, но в ней печатались и «Ведомости», и календари, и книги. Петр часто бывал в типографии, смотрел пробные оттиски, читал корректуру. Была составлена первая гражданская азбука. С 1708 г. исторические и мануфактурные книги, по повелению Петра, печатались гражданским шрифтом. «Прекрасна была сия самая

первая печать: кругла, мерна, чиста»¹, — писал позже об этом шрифте В. К. Третьяковский.

В Москве, недалеко от Спасского моста, открылась первая публичная библиотека. Во время одного из московских пожаров здание это сгорело, но чертеж его сохранился. На фасаде здания видна надпись: «Всенародная публичная библиотека». Такой надписи не было в дальнейшем ни на одной библиотеке царской России.

Значительно пополнился новыми словами язык. Новые термины вошли и в издательскую терминологию. Так, термин «сигнал» (сигнальный экземпляр) впервые встречается в переписке Петра I с И. А. Мусиным-Пушкиным, который с 1701 г. заведовал Московским печатным двором.

Далеко не последняя роль в создании нового типа книги принадлежит редакторам и переводчикам. Функции переводчиков в то время были шире, чем сейчас, и включали в себя зачастую обязанности редакторские.

Главной отличительной чертой книги Петровской эпохи была ее подчиненность общегосударственным целям. Уже от первого своего типографа Яна Тессинга Петр требовал, «чтобы те чертежи и книги напечатаны были к славе нашему, великого государя, нашего царского величества превысокому имени и всему нашему российскому царствию меж европейскими монархи цветущей, наивящей похвале и ко общей народной пользе и прибытку... а пониженья б нашего царского величества превысокой чести и государства наших в славе в тех чертежах и книгах не было»².

На протяжении всей первой четверти XVIII в. эта тенденция отчетливо видна в книгоиздательстве, которое и юридически было подчинено государству. Если по соображениям государственным книгу надо было скорее издать, принимались самые срочные меры, отыскивались переводчики и все необходимые специалисты.

Большую роль для развития книжного дела сыграла заинтересованность в нем Петра I. Сотни документов подтверждают это. Петр сам намечал книги для

¹ В. Третьяковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748, стр. 358.

² Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, стр. 12.

перевода. Многие книги просмотрены Петром во время издания, дополнены им, появились по его приказанию. Он придавал большое значение языку и способу изложения, заботился о внешнем виде книги, приказывал снабжать ее рисунками и чертежами. Не было ни одной подробности в издании, куда бы ни вмешивался Петр I.

«Господин Мусин-Пушкин! — писал Петр в 1709 г.— Письмо ваше купно с книжками римплеровыми³ и борздорфовыми⁴ дошли, також и азбука; но печать в оных книгах зело перед прежней худа, нечиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежняя, а имянно против кумплементальной и слюзной; також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очень дурен, а паче всего дурен от того, что в корне гораздо узко вяжет, отчего книги топорщатся и надлежит гораздо слабко и просторно в корне делать, також и в купорштрихгсе знать, что совершенно не гораздо чисто.

В римплеровой чертежи вели впредь приплетать к задней доске все, также как и у боздорфовой»⁵.

Правка Петра есть в корректурных экземплярах книги «Геометрия словенски землемерие», в «Книге Марсовой», в сочинении Лопатинского «Благодарственная всенощная за победу при Полтаве», в «Объявлении, коим образом асамблеи отправлять надлежит» и многих других книгах.

Основным направлением книгоиздательства стало издание сочинений о «художествах», так называли тогда математику, медицину, военное дело, позже — историю, географию и прикладные дисциплины.

Печатная техническая книга стала при Петре необходимой. Количество произведений художественных было по сравнению с книгами практических знаний ничтожно мало.

Академик Д. С. Лихачев пишет: «Эпоха Петра — творческая эпоха. Замедление в развитии литературы произошло потому, что силы нации были поглощены го-

³ См. «Римплерова манира о строении крепостей». М., 1708.

⁴ См. Э. Ф. Боргсдорф. Побеждающая крепость к счастью вому поздравлению славной победы над Азовым... М., 1708.

⁵ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, стр. 648.

сударственным строительством, развитием науки, техники. Эта эпоха была остановкой перед прыжком.

После прыжка литература продолжала развиваться, и при этом ускоренными темпами»⁶.

Само восприятие действительности людьми того времени было специфичным, в большинстве случаев—реалистическим. Образное осмысление событий было не в моде. Отправляя молодых русских дворян за границу, Петр требовал, чтобы они постигали там науки и привезли всякий по два человека мастеров (везти их за собой до Москвы надлежало на «своих проторях», т. е. за свой счет), и привезли бы записки, в которых должно было быть все, что покажется им достойным внимания. Литература путешествий, которая сложилась из этих записок, очень характерна для того времени.

Стольник Петр Андреевич Толстой побывал в Польше во время избрания нового короля. Запись в его дневнике никак не отразила это событие:

«Есть в (Варшаве) одна палата высокая, которую поляки называют изба сенаторская; в той палате у поляков бывает сейм; у которой палаты окна великия и окончины были стекольчатая все повывломаны и окна разбиты от нестройного совету и несогласия во всяких делах пьяных поляков, а покоевыя королевские палаты от той палаты далеко»⁷.

В Генуе русских путешественников поражали «фонтаны превеликие: три лошади, на них мужик стоит, у средней лошади из языка вода течет, а у тех из ноздрей; кругом тех лошадей ребятки маленькие из мрамора высечены, сидят и воду пьют»⁸. Так было описано одним из посланцев Петра произведение великого Буонарроти.

Потребность в учебнике, в книге практических знаний привела к выработке специфических приемов изложения материала, его компановки, оформления, приемов, которые помогали сделать изложение доступным для понимания и облегчали запоминание практически важных сведений.

⁶ Д. С. Лихачев. Будущее литературы как предмет изучения. «Новый мир», 1969, № 9, стр. 179.

⁷ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 147.

⁸ Там же, стр. 150.

Сюда относится частое обращение к диалогическому построению книги, к форме вопросов и ответов, распространенной, как мы видели, в грамматиках и букварях XVII в. Часто материал излагался от имени определенных лиц. Изложение было персонифицировано даже в книгах по технике. Построение книги в форме вопросов и бесед позволяло сделать изложение занимательным и одновременно служило средством организовать материал.

При Петре I книги стали снабжать аппаратом. Он любил предисловия, послесловия и всевозможные объяснения. Ими Петр приказывал сопровождать не только книги практических знаний, но даже книги духовные, издание которых в то время было немаловажным политическим делом. Когда по его приказанию готовили к изданию Требник, куда были включены 10 церковных заповедей и описание трех главных добродетелей, он приказал написать к нему предисловие, «в котором разные толкования неправые ханжеские все выяснить, дабы читающий перво свой порок узнал и потом пользу прямую и истинную». А книгу в конце снабдить короткой выпиской, «дабы мог на память оное иметь»⁹. Эти короткие положения нужно было заучивать наизусть.

Необходимой частью учебников и книг практических знаний стали различные приложения — словари, таблицы, рисунки.

Сильно изменился общий вид книг. Гражданский шрифт был значительно убогистее полуустава. Формат книг уменьшился. Сам Петр был любителем книг, которые «в кармане мочно носить». Не стало двухцветной печати — заглавных красных букв, исчезли почти совсем заставки.

В прежних изданиях Московского печатного двора обязательным элементом заставки был четырехконечный крест, он отличал эти книги от книг последователей старой веры. Раскольники называли его «печатью антихриста». Представить такую заставку в книге по кораблевождению или горному делу было невозможно¹⁰.

⁹ См. Н. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 127.

¹⁰ См. Т. А. Быкова. О некоторых чертах оформления книг времен Петра I. «Книга. Исследования и материалы», сб. 1. М., 1959, стр. 224—252.

Все эти изменения — новые приемы в организации материала, проведение отчетливой линии в развитии книгоиздательского дела — достигались на ступени подготовки книги к печати, на редакторском этапе работы над ней. Новые приемы работы были приемами редакторскими. Они были найдены в соответствии с теми задачами, которые были поставлены перед книгой, и развиты людьми, которых мы можем назвать специалистами своего дела. Имена многих из них известны.

Феофан Прокопович был главой кружка, объединявшего образованнейших людей из числа приближенных Петра I. По поручению царя Прокопович просматривал и исправлял многие книги. Эти обязанности сохранились за ним и при Анне Иоанновне. Все произведения на русском языке, предназначавшиеся к печати, посылали на предварительный просмотр к Прокоповичу. Он же просматривал описания фейерверков и иллюминаций, составлявшиеся по приказанию двора Академией наук. Прокопович участвовал в создании «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии». В конце XVIII в. князь Щербатов издал эту историю, указав Феофана Прокоповича как автора. На 20 листах рукописи правка сделана рукой Прокоповича. По приказу Петра Прокопович написал предисловия и объяснения ко многим книгам.

О том, что Прокопович отчетливо представлял себе трудности редакторской работы, свидетельствует хотя бы его стихотворение «К сложению лексиконов»:

Если в мучительския осужден кто
руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц
трудных,
Ни посылать в тяжкие работы мест
рудных:
Пусть лексикки делает: то одно
довлеет,
Всех мук роды сей один труд в себе
имеет¹¹.

¹¹ Ф. Прокопович. Сочинения. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 224.

Осмысливая факты, из которых складывается история редактирования, нельзя не отметить, что Феофан Прокопович интересен для нас не только как редактор, практически подготовивший большое количество изданий, но и как теоретик, применивший, правда, только по отношению к литературе церковной, исторический метод, начавший филологическое изучение текстов, а его трактат «De arte poetica» («О поэтическом искусстве») способствовал развитию теории поэзии.

Прокопович стремился изменить манеру проповедей, освободить их от приемов внешней аффектации: «Не надо проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками вспляскивать, в боки упираться, смеяться, да не надобе и рыдать...». Учил обращаться к слушающему «умеренным голосом и простыми речами»¹².

Проповеди Прокоповича — явление для своего времени выдающееся: они злободневны, в них нет отвлеченности, сухих рассуждений. Прокопович отказался от традиционных приступов и длинных периодов. Это была блестящая и стройная речь. Проповеди оказали заметное влияние на литературную манеру того времени, в какой-то степени определили критерии, которыми руководствовались редакторы при подготовке текста.

Был известен своими редакторскими трудами и Федор Поликарпов — ученик греков Лихудов, учитель Славяно-греко-латинской академии, переводчик с греческого, литератор, впоследствии управляющий типографией Московского печатного двора. Он перевел такие значительные сочинения, как «География генеральная» Варения, составил «Букварь трезычный», написал предисловие и дополнение к Грамматике Смотрицкого. Поликарпов брался за самые различные литературные работы, даже слагал силлабические вирши — подписи к гравюрам, издававшимся Московской типографией.

Все книги по военному делу проходили через руки Якова Вилимовича Брюса, приближенного Петра I. Брюс возглавлял Артиллерийский приказ, куда входило военно-инженерное управление. По артиллерии было велено числить и Московскую гражданскую типографию. Много книг Брюс перевел сам, другие редактировал.

¹² Ф. Прокопович. Вещи и дела, о которых духовный учитель народу христианскому проповедати должен. М., 1784, стр. 12.

Издание книг при Петре I приобрело такой размах, что издательская работа потребовала четкой организации. Были созданы даже редакторские коллективы. Один из таких коллективов готовил к изданию книги по военному делу при Артиллерийском приказе. Сам царь и Брюс руководили их работой¹³.

Народ прозвал Брюса колдуном за ученость и за его астрологические познания. Больше всех других изданий, подготовленных Брюсом, был популярен его календарь, который известен по имени составителя как «Брюсов календарь».

Календарь издавался в 1709—1715 гг. и пользовался большим спросом. Печатала его Московская гражданская типография.

Хорошо сохранившийся экземпляр календаря находится в кабинете Петра I в Эрмитаже. Напечатан он на шести больших листах¹⁴. Текст заверстан в две таблицы, разделенные на двенадцать вертикальных столбцов. Вверху каждого столбца — знак зодиака и картинка, изображающая, чем занимаются люди в этом месяце.

В календаре были указаны церковные праздники, перечислялись «предзнаменования времени по планетам». Так, Сатурн оказывал влияние на все времена года. Под его знаком весна предсказывалась «сухая, студеная, мразная, цветы и траву поздно порождает, в весне грады вредят» и т. д. Один из листов давал «предзнаменование действий на каждый день». Можно было узнать, чему сегодняшний день благоприятствует. Особое место было отведено таблицам часов астрономических со склонением на московский горизонт и таблицам астрономическим. По календарю делались предсказания относительно характера и судьбы человека, в нем были сведены вместе все планидники, звездочетцы, стодневцы и другие «отреченные книги». Издавать календарь Брюсу помогал Василий Киприянов, участвовавший в свое время в издании Арифметики Леонтия Магницкого. Свои прошения Киприянов подписывал: «раб ма-

¹³ См. Е. Е. Колосов. Русская военная книга Петровского времени. «Книга. Исследования и материалы», сб. 16. М., 1968, стр. 112—131.

¹⁴ Подробное описание календаря см. в кн.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 2. СПб., 1881.

тематических наук». В 1705 г. он получил звание библиотекаря. Звание было почетно, а обязанности широки, включая и книгопечатание, и собирание книг, и цензуру, и книжную торговлю. Одновременно Киприянов был назначен главой Московской гражданской типографии.

С основания Петербургской типографии ее цейх-директором был Михаил Аврамов. До этого он служил в Посольском приказе, учился в Голландии, служил в Оружейной палате дьяком. Он сумел хорошо поставить дело, типография выполняла самые разнообразные заказы. Аврамову Петр поручил составление полной истории своего царствования. Михаил Аврамов был широко образованным человеком. Одновременно с издательскими делами он руководил и Берг-коллегией. Ему принадлежат проекты нескольких нововведений, в частности проект учреждения Академии иконного, живописного и другого художества.

Многие книги, изданные в первой четверти XVIII в., были переводными. Разработка и осмысление основных принципов перевода стали в то время необходимыми.

Первыми переводчиками были жившие в России иностранцы — толмачи Посольского приказа. Басни Эзопа перевел поляк Ловзинский, много переводил и по поручению Петра I просматривал переводы, сделанные другими, голландец Андрей Виниус. Но не все иностранцы достаточно хорошо владели русским языком.

Много переводчиков вышло из стен Славяно-греко-латинской академии: Иван Коровин — переводчик при Академии наук, Иван Поповский, Степан Барсов, Иван Ильинский, служивший переводчиком у князя Дмитрия Кантемира, Иван Кременецкий — переводчик Петербургской типографии. Переводчиками были также духовные лица из Киевской и Московской академий — братья Лихуды, Федор Поликарпов, ректор Московской академии Феофилакт Лопатинский. Одной из главных обязанностей петербургских академиков Петр считал перевод. Много переводили дворяне, которых царь посылал учиться за границу. Так, Конон Никитич Зотов учился в Лондоне. Он автор и переводчик нескольких книг по морскому делу. В 1714 г. Петр пишет ему во Францию: «Все, что ко флоту надлежит, на море и в пор-

тах сыскать книги; также, чего нет в книгах, но чинят от обычая, то помнить и все перевести на славянский язык нашим штилем, а за штилем их не гнаться»¹⁵.

Поручение перевести ту или иную книгу было не менее ответственным, чем любое другое поручение быстрого на расправу царя. Трагически окончилась жизнь посланника в Константинополе, Париже и Венеции Григория Волкова, которому по возвращении царь приказал перевести с французского «Огородную книгу» — руководство по агрономии. Этот труд оказался ему не по силам: в тексте было слишком много французских технических выражений, не известных в русском языке. Волков побоялся признаться царю, что не может перевести книгу, и покончил с собой.

Петр I разработал специальные требования, которыми должны были руководствоваться переводчики. В 1724 г. вышел его «Указ труждающимся в переводе экономических книг». «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять, только для того, чтоб велики казались...», Петр требовал, чтобы «книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют»¹⁶. В синод он даже послал образец правки перевода, в которой «лишние разговоры» были сокращены. Петр понимал, что доброкачественный перевод может сделать только тот, кто знает иностранный язык, знает русский и знает само «художество», т. е. предмет, которому посвящена книга: «понеже никакой переводчик, не умея того художества, в котором переводит, перевесть то не сможет».

В учебных книгах Петр приказывал оставить лишь то, что необходимо для пользы дела. Он забраковал первый вариант перевода «Географии генеральной» Варения, сделанный справщиком Московского печатного двора Федором Поликарповым, потому что ему не понравился «штиль» — «высокие слова», не уместные в книге по физической географии, где требовалась точность и ясность определений.

¹⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, стр. 157.

¹⁶ См. Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. 1. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 148.

После исправления «География генеральная» вышла в свет в 1718 г. Поликарпов предпослал ей предисловие, где объяснил те принципы, которыми руководствовался при переводе. Он указывал, что книгу переводил «не на самый высокий славянский диалект», а «многие гражданского посредственного употреблял наречия», но стремился сохранить смысл оригинала иноязычного. Греческие и латинские термины он оставлял непереуведенными, «ради лучшего в деле знания», а если переводил, то заключал перевод в скобки. Многие термины писал «переменно» «ради лучшего учащимся вразумления». Например, вместо *ангуль* — *угол*, вместо *екватор* — *уравнитель*. Так, разнообразными приемами решалась сложная проблема введения новых слов и терминов в русский язык.

Переводчики и редакторы критически относились к тексту. Они исключали малозначащие места, дополняли текст примерами из отечественной практики.

Требование краткости перевода не следует понимать упрощенно. Краткость была необходима для определенного типа книги — книги технической, учебника. Политиком проявил себя Петр I, когда потребовал, чтобы протектор Петербургской типографии архимандрит Гавриил Бужинский восстановил в своем переводе книги «Введение в историю европейскую через Самуила Пуфендорфа» выпущенные им места, где весьма нелестно говорилось о русском духовенстве: «Зазорны же русские и невоздержаны суть, свирепы и кровожаждущи человецы...» История Пуфендорфа была предназначена для обучения царевича Алексея Петровича, и Петр, видимо, хотел лишний раз обличить своих политических противников.

Петр очень взыскательно относился к качеству перевода. «Прошу, дабы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим стилем»¹⁷, — писал он Бужинскому о переводе книги Пуфендорфа. Его совсем не удовлетворил перевод «Дружеских разговоров» Эразма Роттердамского: «За скоростию времени или за не-

¹⁷ См. П. Н. Берков. Русская книга гражданской печати. В кн.: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати 1708—1825. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 38.

искусством переводчиков переведены гораздо плохо, того ради... более печатать их не велите, — писал он И. А. Мусину-Пушкину. — Велите хорошенько выправить и, выправя, одну пришлите нам письменную»¹⁸.

Существенным указанием Петра I переводчикам было: «Не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точно сии выразумев, на свой язык уж так писать, как внятнее»¹⁹.

Гораздо менее требовательным к стилю и способу изложения был Петр, когда переводились книги, не имевшие непосредственного отношения к «художествам». Он не внес никаких поправок в книгу «Приклады, како пишутся комплементы разные», выдержавшую при нем три издания, 4-е издание появилось уже при Екатерине I. Первое издание книги вышло в 1712 г. Полное ее название «Приклады, како пишутся комплементы разные на немецком языке. То есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные и иные; такожде между сродников и приятелей». Это первый русский письмовник, содержащий образцы писем, резко отличавшихся по манере, от того, как было прежде принято писать письма. Например: «Женишка твоя Дунька много челом бьет до лица земного». Этот образец «хорошего тона» взят из переписки родственников с князем Голицыным. Переводчиком «Прикладов» предположительно называют Шафирова. Ему же, видимо, принадлежит составление некоторых дополнительно включенных туда писем. Всего в книге 101 образец.

В «Прикладах» нет больше самоуничижения, но зато много напыщенности даже тогда, когда сообщается о самых простых вещах, как было принято в немецких образцовых письмах: «Мой господине! Еликое желание, еже я от вас радостное уведомление вашего счастливого состояния получить имею, есть причиной, что я вас письменным уважением утруждаю». Редакторской руки здесь не чувствуется.

В «Прикладах» впервые введена форма вежливости «Вы», хотя при ней глагол до конца XVIII в. продолжал употребляться в единственном числе.

¹⁸ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, стр. 367—368.

¹⁹ Там же, т. 1, стр. 227.

Типичной для своего времени была книга Блондселя «Новая манера укрепления городов»²⁰, которую по поручению Петра I перевел с французского Иван Никитич Зотов. 12 сентября 1708 г. Зотов писал Петру:

«По указу вашему книгу о новой манере укрепления с французского на славенский язык перевел и, исправя по возможности моей, посылаю и покорно молю милостиво ее принять»²¹.

В ответе Петра содержатся указания, характерные для его требований к переводам вообще.

«Г. Зотов! Книгу о фортификации манеры Блонделевой, которую вы переводили, мы оною прочли; и разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить оной фортификацию делать? Также в табеле не именовано, руты ли, или тоуазы? То зело темно и непонятно переведено, которой лист переправя, вклеили в книгу, а старый вырезан...»²².

Интересно, что редактируя эту техническую книгу, предельно конкретную по содержанию, Петр проявил себя как политик.

Рассматривая «манеры звычайныя наших фортификаций», автор рассказывает об укреплениях, которые видел в различных странах. Описывает он и укрепления русские: «Потом начал я вновь мой разговор о местах московских, из которых, хотя и не видал Казани и Астрахани, порубежных морю Черному, татарам и калмыкам и ногаям, однакож знаю, что они не имеют иных фортификаций, разве простую кирпичную граду с башнями.

А по Днепру, крепости, кои я сам видел, таковы ж, и для того зело удивляются мужеству народа сего, как они в таких некрепких городах, Кieve, Могилеве, Смоленске, могли выдержать долговременные осады и погубить много тысяч неприятелей, обороняя себя».

²⁰ См. об этой книге: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, стр. 261—262; В. В. Данилевский. Русская техническая литература первой четверти XVIII в. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 105—108; Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати, стр. 49; Н. П. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека, т. 1. М., «Книга», 1969, стр. 29.

²¹ Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 35.

²² Цит. по кн.: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати, стр. 118.

Перевод с французского здесь дословный, но слова «мужеству народа сего» вписаны Петром I.

Книга составлена в форме разговоров. Этим достигалась популярность изложения. В первую часть входит два разговора: «Новая манера укрепления мест» и «Новые обычаи укреплению городов».

Назначение книги — сообщить практические знания, служить, по сути дела, учебником фортификации — подчеркнуто всеми способами организации и оформления материала. Это, прежде всего, четкость его группировки. В первом разговоре содержатся сведения о новой манере укрепления городов, во втором — сформулированы три правила фортификации: все части города должны быть «взаимно одна от другой обороняемы», линия оборонительная «да не превосходит выстрела мушкетного», все укрепления должны быть довольно крепки, «чтобы устоять против пушек неприятельских». Значение, которое придается этим правилам, подчеркнуто шрифтом.

Второй части — «Как поступать в строении фортификации по новой манере» — в соответствии с указаниями Петра придан практический характер. Здесь переводчик значительно отошел от текста оригинала. «Учить фортификации делать» надлежало с самых азов. Именно для этого понадобились новые рисунки, которых не было в оригинале. На фигуре первой показано, как строить простейшие углы, стороны которых равны между собой.

«Когда приучитца укреплять на примере угол *абв...* тогда сочиняй сам последующим образом...»

Идущие за этим указания столь же конкретны: «Пункт угла *а* возми в центр, и напиши круг, сколь великим изволишь...».

При подготовке книги строго выдержан принцип «от простого к сложному». Начатая рисунками, которые показывают, как построить простейшие геометрические фигуры, книга постепенно готовит читателя к пониманию сложных чертежей, изображающих укрепления городов Дюнкерка и Мاستрика (Маастрихта. — *К. Н.*), которые возведены по новой манере господина Блонделя.

На рисунках приведены образцы крепостей с различным числом укреплений — углов. Число этих углов

доходит до двадцати. Отдельно изображены детали укреплений.

Так как подготовка гравюр и текста были разобщены и гравюры заказывались разным художникам, единообразия в оформлении книги достигнуто не было. На чертеже города Мастрика есть масштаб, причем исчислен он в сажнях. На чертеже города Дюнкерка масштаба нет вообще, а на таблице линий масштаб дан в туазах. Нет единообразия даже в написании фамилии автора (г-н Блондель и господин де-Блондель). Очень низок орфографический уровень гравированных надписей на рисунках, иногда граверы в надписях прибегали к кириллице с надстрочными знаками, хотя вся книга была напечатана гражданским шрифтом. Текст рисунков, видимо, не проходил через справщиков.

Конон Зотов был моряком. О себе он писал, что гнев Петра ему не страшен, «ибо ни движимого, ни недвижимого у меня нет: нечего отнять и нет, как потеснить в усадьбах, ибо по государевой милости испомещен на морях».

Выполняя приказ Петра, он написал книгу «Разговор у адмирала с капитаном о команде или полное учение, как управлять кораблем во всякие разные случаи», изданную Санкт-Петербургской академической типографией в 1724 г.²³

Эта книга форматом в лист. Предисловие от автора помещено на обороте титула. На развороте гравюра, изображающая корабль. Здесь же под рисунком исправление опечатки. Крупно набрано: «описка» и ниже текст: «Лист 4 в поле, 9 роспускаи грот зеель напечатан на левой стороне, а ему надлежит быть на правой стороне». Весь текст, представляющий, как это явствует из заголовка, разговор адмирала и капитана, графически оформлен в виде таблицы. Вверху первой графы указано: «в сем столпе отметы» (например, «Здесь хочу на бак борт увалить корабль»). В цент-

²³ См. об этой книге: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. 2, стр. 579; Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати, стр. 828; В. В. Данилевский. Русская техническая литература первой четверти XVIII в., стр. 152—157; Н. П. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека, т. 1, стр. 37.

ральной графе — капитанский ответ (полная команда), в последней, третьей графе — краткая команда:

«Матрозы не шуми слушай команды. Штюрман поставь руль прямо» и т. д. — полный ответ. «Штюрман стань у руля и правь» — краткий ответ.

Книга была предназначена не для специалистов. «Я не думаю ученого учить», — пишет Зотов в предисловии, — а для дворянских детей, «которые ныне обретаются в морской службе». Кроме команд, знание которых было необходимо, в книгу входили и другие практические сведения восьми главных случаев и правил управления кораблем, восьми примет, по которым можно узнать, «добрый или худой» корабль и т. д. Книга иллюстрирована несколькими чертежами и рисунками, чисто практического свойства.

Очень своеобразное издание Петровского времени — «Книга Марсова». До нас дошло всего одиннадцать ее экземпляров²⁴, и все они отличаются один от другого, так как представляют собой корректурные оттиски. На них сохранились различные рабочие пометы, в частности сделанные рукой Петра I. Работа над текстом этой книги так и не была завершена.

В 1766 г. в Петербурге в типографии Морского шляхетского корпуса «Книга Марсова» была перепечатана с первого издания 1713 г.

Мысль издать книгу появилась у Петра после взятия Нотебурга (Шлиссельбурга) в 1702 г. Текст предполагался не оригинальный: книга должна была объединять известия о ходе военных действий и победах русского войска. Эти известия печатались ранее в виде реляций и специально издававшихся «журналов». Уже в 1710 г., когда все Балтийское побережье, от Выборга до Риги, оказалось в руках русских, возникла необходимость переработать и дополнить изданные ранее материалы. Работа над книгой началась в 1711 г., ее поручили Аврамову, составлявшему в то время «Историю

²⁴ См. об этой книге: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. 2, стр. 290—305; Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати, стр. 515—525; Н. П. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека, т. 1, стр. 30—32; М. Н. Мурзанова. «Книга Марсова» — первая книга гражданской печати, изданная в Петербурге. Труды Библиотеки АН СССР, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 156—168.

царствования Петра». «Книга Марсова» должна была быть частью этой книги. Самый полный текст ее включает в себя 19 сообщений о победах русского оружия или фейерверках в их честь. Тексты иллюстрированы 23 планами и рисунками на отдельных листах.

Создание книги, пополнение и изменение текста шло несколько лет, вслед за событиями, поэтому и отличаются друг от друга корректурные оттиски книги. Судя по замечаниям Петра на листах, его главной заботой при подготовке книги была точность фактов и полнота сведений. Записи содержат указания разыскать дополнительные источники к планам, дополнить реляции о взятии Риги и Ревеля и т. д. Петр точно указывает, какой именно документ следует найти: «Сыскать письмо Боурово», «сыскать письмо Ностицово», «сыскать письмо Буково», «сыскать письмо маршала Шереметева...». Рукой Петра вписаны надписи — заголовки к гравюрам, изображающим фейерверки в честь побед. Эти гравюры были включены в книгу позже остального материала. Сохранилась запись о порядке расположения планов. Внесена Петром и некоторая лексическая правка, правда, очень незначительная. В основном это слова новые, которые не все сохранились в русском языке, но правка наглядно отражает процессы, характерные для языка того времени (*баталиа* вместо *бой*, *реляция* вместо *ведомость*).

Так же, как в книге Блонделя, гравированные надписи, видимо, не подвергались редактированию. В них нарушен принцип единообразия, надписи на рисунках не соответствуют легенде.

Книга сообщает ценные исторические сведения, а также позволяет нам сделать конкретные наблюдения за подготовкой материала к печати. И, наконец, эта книга дает представление о том языковом материале, с которым приходилось работать редактору в начале XVIII в. Вот как описано в «Книге Марсовой» основание Петербурга: «Между тем временем господин Капитан бомбардирской изволил осматривать близ к морю удобного места для здания новой фортеции. И потом в скором времени изволил отыскать единый остров зело удобный положением места, на котором вскорее, а имянно Маяя 16 день в неделю пятидесятницы Фортецию заложили, и нарекли имя оной Санктпетербург». (Господин Капи-

тан бомбардирской — так именовали в реляциях и журналах Петра I. — *К. Н.*)²⁵. Язык документов, из которых составлена книга, дает нам представление о языковой среде, которая не могла не влиять на формирование критериев редакторской обработки литературного текста.

²⁵ «Книга Марсова». СПб., 1766, стр. 22.

РАЗРАБОТКА ОСНОВ РЕДАКТИРОВАНИЯ



XVIII в. мы наблюдаем в книжном деле такие процессы, развитие которых прослеживается вплоть до наших дней. Без их изучения история редактирования была бы не полна. Именно тогда закладываются те логические и лингвистические основы теории редактирования, те традиции в работе над текстом, многими из которых мы руководствуемся и по сей день, происходит дальнейшее формирование различных типов книг, вырабатываются приемы, посредством которых редактор проявляет свое отношение к содержанию книги.

Три имени должны прежде всего привлечь наше внимание, когда мы говорим о первых ступенях в развитии научного подхода к редакторской работе над авторским текстом, над подготовкой книги к изданию. Это А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов.

XVIII в. — очень важное время в истории русского литературного языка. Благодаря развитию книгоиздательского дела, книга, литературные произведения, делаются доступными всем грамотным людям. Складывается понятие общенациональной языковой нормы. Писатель начинает писать для читателя, которого, правда, еще не всегда представляет себе точно, но все же он пишет для читателя, для печати. Этот писатель уже заботится о том, как привлечь и удержать внимание чита-

теля, стремится заинтересовать, в чем-то убедить или переубедить его.

А. Д. Кантемира называют первым русским писателем в современном смысле этого слова, хотя при жизни он напечатал только переводы Горация и Фонтенеля. Но его читали. Сатиры Кантемира ходили по рукам в списках. В VIII сатире Кантемиром изложены мысли о языке, о труде писателя: слово должно точно выражать понятие, ценность слова — в содержании. Сличение редакций сатир Кантемира показывает, как этот принцип воплощался в творческой практике писателя.

Сравним два дошедшие до нас варианта III сатиры.

Вариант первый:

Мудрый первосвященник, ему же Минерва
Откры вся сокровенна и все, что исперва
В твари быть и днесь яже мир весь исполняют,
Показа, изъяснив ти, отчего бывают...

Более поздний вариант:

Мудрый первосвященник, которому сила
Вышей мудрости свои тайны все открыла
И все твари, что мир сей от век наполняют
Показала, изъяснив, отчего бывают!

Это один из самых ранних дошедших до нас примеров авторедактирования, явной целью которого было освободить текст от славянизмов, сделать его понятнее и доступнее читателю, приблизить язык сатиры к языку разговорному, сблизить речь книжную и речь народную¹.

Кантемир оставил нам и образцы научной прозы, в частности, в своих переводах. Предисловие к «Разговору о множестве миров» Фонтенеля показывает, что проблемы перевода серьезно занимали его. «Мы до сих пор недостаточны в книгах философских, потому и в речах, которые требуют к изъяснению тех наук»², — писал он. В переводах Кантемира мы впервые встречаем тер-

¹ См. Н. В. Трунев. Кантемир в истории русского литературного языка. Омск, 1952, стр. 8—9.

² «Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», под ред. П. А. Ефремова, т. 2. СПб., 1868, стр. 391.

мины теории литературы: аллегория, критиковать, лирический, метафора.

Интересны теоретические положения, касающиеся перевода, которые сформулировал Кантемир. Задача переводчика — точно передать подлинник. Отступления от него возможны только в нескольких случаях: если на своем языке можно сказать короче и лучше, если описываются непонятные и незнакомые читателю предметы (в этом случае в сравнениях и метафорах допускается замена незнакомого знакомым), если выражения неприемлемы в их буквальной передаче, и наконец, в тех случаях, когда текст совсем не поддается буквальному переводу. Эти правила нашли подтверждение в переводах самого Кантемира и оказали заметное влияние на литературную практику своего времени, в частности на практику редакторской работы.

Поэтическое наследие В. К. Тредиаковского уже при жизни его воспринималось современниками как анахронизм. Это дало повод долгое время пренебрежительно относиться и к его научным изысканиям. В 1750 г. Сумароков поставил при дворе памфлетную комедию «Тресотиниус», где Тредиаковский выведен смешным педантом, занятым спором — как следует писать букву «Т»: с одной или с тремя ножками. В комедию была включена пародия на книгу Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению стихов российских» написанную в 1735 г., которая к 1750 г. уже безнадежно устарела.

Но, несмотря на это, невозможно сегодня отрицать заслуги Тредиаковского как ученого-филолога, да и поэзии его мы находим место в истории нашей литературы.

Написав еще во времена Анны Иоанновны ученое исследование по истории и теории словесности, Тредиаковский много потрудился над переводами. Над ним смеялись, но к мнению его не могли не прислушиваться. При поступлении на службу в Академию наук Тредиаковский получил поручение: «Вычищать язык русский, пишучи как стихами, так и не стихами. Давать лекции, ежели от него потребовано будет. Окончить грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно

с прочими над дикционарием русским. Переводить с французского на русский язык все, что ему дастся»³.

Тредиаковскому принадлежит первый научный труд по русской орфографии — «Разговор между чужестранным человеком и русским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи», изданной в Петербурге в 1748 г.

Ломоносов «стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги»⁴, — писал Гоголь.

Уже первое полемическое выступление Ломоносова — «Письмо о правилах российского стихотворства» — утверждало самобытность русского стихосложения, самобытность культуры русского слова: «Первое и главное мне кажется быть сие: российские наши стихи надлежит сочинять по природного нашего языка свойству; а того, что ему не свойственно, из других языков не вносить»⁵. Его «Российская грамматика» стала первой русской научной грамматикой и заложила основы изучения нашего литературного языка. «И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недобольному в нем своему искусству приписывать должествуем»⁶, — эти слова Ломоносова и сегодня актуальны для редактора.

Ломоносовская теория трех штилей продолжила разработку им литературного языка, изучения богатства и разнообразия его стилистических возможностей. «Риторика» Ломоносова была настольной книгой русского читателя на протяжении всего XVIII и начала XIX в.

«Искусство красно говорить» складывалось, по мысли Ломоносова, из трех компонентов: изобретения, украшения и композиции или расположения. Сформулированные им правила, показывающие путь к красноречию, были, если следовать его собственной терминологии, «кратки, порядочны и удовольствованы примерами».

³ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, стр. 43.

⁴ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 371.

⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 9.

⁶ Там же, стр. 392.

За каждым литературным направлением всегда стоит определенное эстетическое отношение к действительности. В теоретических работах Ломоносова, в его поэтической практике проблема соотношения явлений действительности и способов их выражения решалась с позиций классицизма. В своей «Риторике» Ломоносов стремился к уравниванию слова и понятия, к подчеркнuto логической связи между понятиями. «Риторика» вооружала пишущих ценнейшим инструментом, не потерявшим своего значения и в наши дни. Умение выявлять логические связи в тексте особенно ценно для тех, кто работает в области научной, деловой прозы. Большое значение оно имеет и для развития и совершенствования культуры речи.

Во второй четверти XVIII в. издательским центром России стала Петербургская академическая типография. Деятельность Академии наук определялась конкретными нуждами и требованиями времени. Энциклопедизм, характерный для всей деятельности Академии наук, был присущ и ее издательству. Академическая типография печатала книги, газету «С.-Петербургские Ведомости», первые русские журналы, календари. Именно академической типографией были закреплены правила русского правописания, которые оставались в силе почти два столетия. Для «исправления языка русского, сочинения грамматики и лексиконов», а также перевода на русский язык лучших иностранных образцов при Академии наук в 1735 г. было образовано так называемое «Российское собрание». «Разговор об орфографии» Тредиаковского был доложен им впервые именно здесь. Постановления собрания, касающиеся правописания, передавались в типографию. Академические корректоры должны были строго следовать им во всех изданиях, которые служили образцом для других издательств.

Правил, регламентирующих пунктуацию, в то время не было. Современному редактору, которому придется работать с текстами XVIII в., следует при подготовке их к печати учитывать это обстоятельство. Принципы русской пунктуации сформулировал М. В. Ломоносов. Знаки препинания, писал он, следует ставить «по силе разума, расположению и союзам». Но эти принципы проводили в жизнь типографские наборщики, кото-

рые сталкивались с не менее сильным течением — пунктуацией авторской, стремлением подчеркнуть различные интонационные и смысловые оттенки.

Следует также иметь в виду, что употребление знаков препинания часто отличалось от современного. У Ломоносова вообще еще нет многих знаков (тире, кавычек, многоточия). Двоеточие делило на части сложный период и не несло смысловой нагрузки. Это была так называемая «малая точка»⁷.

Обязанностью академиков было составлять для студентов курсы и «экстракты» — сводки о важнейших достижениях в области своей дисциплины, читать публичные лекции. Поэтому в изданиях Академии наук большое место занимали учебники и научно-популярные работы.

Книги по технике и естествознанию при Петре I были книгами практических знаний или книгами общих сведений. Для тех и других сложились приемы организации и изложения материала, но это не были еще ни научные, ни учебные книги в полном смысле этого слова. Как определенный тип издания они сформировались лишь в середине XVIII в. Если в эпоху Петра I учебники содержали простое описание правил, то в середине века их стали строить как систематические курсы. Изменился в них и характер изложения. Процесс создания типов книг определялся уровнем развития науки и просвещения, формированием читательских коллективов.

Представляя отчетливо направление исследования, предметом своим имеющего историю редактирования, мы не можем ограничить наш материал только изданием книг. Многие приемы редакторской работы возникли и были отточены редакторами периодических изданий, которые работали более оперативно, ближе стояли к читателю и острее реагировали на требования времени.

Первым русским научным журналом были «Комментарии Петербургской Академии наук», вышедшие с

⁷ См. К. К. Бухмейер и С. М. Пинус. О модернизации орфографии и пунктуации в стихотворном классическом тексте. В сб.: «Издание русской классической литературы». М., «Искусств», 1963, стр. 137—168.

1728 по 1806 г. на латинском языке. На русском языке в сокращенном варианте вышел всего один том этого издания. Переводы в томе были явно неудачны. Не нашло распространения и такое научное периодическое издание, как «Содержание ученых рассуждений». Оно было доступно лишь небольшому кругу лиц. Несколько позже появился новый тип периодического издания — «Труды», но все это были издания специфические, предназначенные для специального читателя.

Развитие русской отечественной журналистики продолжил научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», издававшийся Академией наук. Это был первый русский журнал, который читали не только ученые. Он издавался с 1755 по 1764 г. За это время вышло 20 томов, состоящих из 6 номеров. В номере было 100 страниц. Журнал выходил каждый месяц. Книжка журнала раздавалась из книжных лавок в последнюю почту месяца «по примеру газетов».

Идея издания «Ежемесячных сочинений» принадлежала Ломоносову, но редактором их был назначен академик Гергард Фридрих Миллер, которого на русский манер величали Федором Ивановичем. Миллера в Академии недолюбливали за наущничество, дурной характер, язвительные реплики. По воспоминаниям современников, «из его маленьких глаз так и выглядывала сатира»⁸. Но в 50-х годах к Миллеру пришло признание, которым он был обязан своими незаурядными трудами историка. Он участвовал в Камчатской экспедиции, проделал колоссальную работу по сбору и изданию древних русских летописей.

Был у Миллера опыт, и не малый, в издательских делах. Именно он вместе с Шумахером сокращал I том «Комментариев» для русского издания. Он с 1728 по 1730 г. издавал газету «С.-Петербургские Ведомости», а также вплоть до 1742 г.—«Примечания на Ведомости» на русском и немецком языках. Миллер писал в своей автобиографии, что при этом «никакого знания в российском языке не имел и не мог усмотреть сделанные при переводе ошибки». Тем не менее редактором ново-

⁸ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 13.

го издания был назначен все-таки он. Надо отдать должное Миллеру, что и здесь он работал со всей добросовестностью, на какую был способен, и дело по-своему любил, хотя пользовался всяким случаем, чтобы напомнить, что труд этот «его должностям несвойственный»⁹. За неимением искусных переводчиков Миллер сам поправлял сочинения, многое переводил заново, правил корректуры.

Обязанности Миллера—редактора «Ежемесячных сочинений»—были многообразны. Он заботился о статьях для журнала, привлекая к сотрудничеству как академиков, так и просто причастных к литературе людей. Если не удавалось набрать необходимого количества статей, ему разрешалось дополнить недостающий материал «каким ни есть переводом или стихами, в которых по усмотрению соединено будет полезное забавному»¹⁰. Из высоких наук (астрономических наблюдений, анатомии и т. п.) решено было ничего в книжки не вносить. Журнал предназначался для широкого круга читателей. Ни одна статья не могла быть напечатана в журнале без предварительной подписи Миллера. Тираж был назначен 1200 экземпляров.

Первоначально журнал по примеру «Примечаний к С.-Петербургским Ведомостям» предполагалось назвать тоже «Примечаниями». Но еще до выхода первого номера на очередном заседании Академии Ломоносов заявил, что и «титул сей» и предисловие, написанное Миллером, очень раскритикованы при дворе и надлежит-де оба переменить: «хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сие таково ж прилично будет, как имя «примечаний», потому что и стихи вноситься будут, а стихи не примечания»¹¹. И журнал был переименован.

Предполагалось для издания журнала назначить в распоряжение Миллера всех студентов, переводчиков и магистров, однако на деле переводами для журнала занимались только два студента, за работой которых наблюдал сам Миллер. Корректуры правил корректор

⁹ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, стр. 148.

¹⁰ П. П. Пекарский. Редактор, сотрудник и цензура в русском журнале 1755—1764 гг. Приложение к «Запискам императорской Академии наук», 1868, XII, № 5, стр. 5.

¹¹ Там же, стр. 6.

Барсов. Миллер писал: «...однако осталось бы много погрешностей, ежели бы я за оными не смотрел...»¹². Он просил назначить ему помощника, «чтобы был российской нации и из профессоров, чтоб совершенно на него полагаться было можно»¹³, но помощника этого Миллер не получил и фактически работал один. Миллер прилагал много усилий, чтобы в свет не появлялись «худые с оригиналами несогласные переводы еще и с прибавкою бесчисленных типографских ошибок».

Постоянными сотрудниками журнала были А. Сума-роков (до 1759 г.), И. Елагин, М. Херасков, А. Нартов, С. Порошин. Третьяковского Миллер не печатал.

В XVIII в. не было в обычае платить сотрудникам журнала за их труд. Вознаграждением служили отски или книжки журнала.

Принимал участие в делах журнала М. В. Ломоносов, вмешиваясь очень активно в редакционные дела. Так, он настоял, чтобы в печати не появилась уже набранная статья Григория Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и нынешнем состоянии оных». «Статью печатать непристойно, понеже в оной с X века после Рождества Христова по XVII век ни о каких школах в России не упомянуто», — доказывал Ломоносов в академической канцелярии, куда затребовали статью для разрешения спора. Президент Академии наук Разумовский встал на сторону Ломоносова, и статью печатать запретили. Ломоносов возражал и против опубликования в журнале статьи «Известия о запорожских казаках». Когда статья все-таки появилась, Миллер получил выговор от императрицы Елизаветы за важные политические ошибки и вынужден был перепечатать один лист, исключив несколько слов.

В журнале печатались и научно-популярные статьи и сведения прикладного значения. Читатель мог найти здесь самые разнообразные известия о новом способе калить сталь, о новоизобретенной паровой машине и о том, «каким образом потушать огонь в трубе в самой скорости». Авторами статей по технике были Ло-

¹² П. П. Пекарский. Редактор, сотрудник и цензура., стр. 9—10.

¹³ Там же, стр. 46.

моносов, Г. В. Рихман, Н. Н. Поповский, Я. Я. Штелин.

Другой особенностью журнала было стремление к доступности изложения, это способствовало его популярности. «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала первый русский ежегодник», — указывал библиограф Е. Болховитинов¹⁴. Через много лет «Современник» оценивал «Ежемесячные сочинения» как один из лучших журналов, какие только издавались в России в прежнее и нынешнее время¹⁵.

В середине XVIII в. получила дальнейшее развитие теория и практика перевода.

В 1768 г. Екатериной II было учреждено «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Императрица выплачивала Собранию 5 тысяч рублей ежегодно. Во главе его были поставлены директор Академии наук граф В. Г. Орлов, ученый переводчик Г. В. Козицкий и стихотворец граф И. И. Шувалов. Практическим работником его был Козицкий, опытный переводчик, знаток русского языка, имевший практику редакторской работы (Козицкий сотрудничал в «Ежемесячных сочинениях» и других журналах). В 1769 г. Екатерина II доверила ему редактирование своего журнала «Всякая всячина».

Всего с 1769 по 1783 г. Собранием было издано 112 названий переводных книг, составивших 173 тома.

Особого подъема работа Собрания достигла, когда изданием переводов занимался Н. И. Новиков (1773).

Много для издания переводов сделал академик И. И. Лепехин, видный ботаник. Он не состоял членом Собрания, а был приглашен лишь для рассмотрения переводов. Его обязанностью было давать заключение, могут ли они быть напечатаны. Он же просматривал последнюю корректуру и подписывал переводы в печать. Лепехин именовался «редактор перевода» и получал 4000 рублей в год.

Постоянных переводчиков в Собрании не было. В «С.-Петербургских Ведомостях» печатались объявления, в которых указывалось, какие книги назначены для перевода. Желаящие должны были уведомить цен-

¹⁴ Е. Болховитинов. Словарь русских светских писателей, т. 2. СПб., 1845, стр. 67.

¹⁵ «Современник», 1851, т. XXV, отд. II, стр. 2.

зора и издателя (И. И. Лепехина), какую книгу они берутся перевести, и приложить образец перевода. Взяв для перевода книгу, переводчик должен был сообщать Собранию о ходе работы. Переводчики получали от пяти до восьми рублей за лист — вознаграждение по тому времени щедрое. Переводы они делали в основном с французского и немецкого языков. Переводчиков с английского языка было мало. Переводчик с итальянского был один — Я. Б. Княжнин.

Книги в академической типографии печатались медленно, расходились они плохо. Их тираж, сначала установленный в 1200 экземпляров, был впоследствии значительно сокращен. Успехом пользовались лишь некоторые издания, которые выходили по нескольку раз: «Кандид» Вольтера, «Путешествия Гулливера» Свифта, «Древности иудейские» Флавия, книга Амоса Каменского «Свет, зримый в лицах».

Н. И. НОВИКОВ — ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКТОР



Николай Иванович Новиков — один из самых значительных деятелей русской культуры и общественности XVIII в., просветитель, писатель, который, по словам В. Г. Белинского, «распространил изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю и через это создал массу читателей»¹. Он издал более тысячи книг по самым различным отраслям знаний — истории, педагогике, медицине, сельскому хозяйству, издал сочинения русских и иностранных писателей, учебники, детские книги, книги для народа, выпускал газету «Московские ведомости», 11 журналов, опубликовал памятники русской исторической литературы. Огромной заслугой Н. И. Новикова было то, что он продвинул книгу в провинцию. Книгу, благодаря ему, стали читать в самых отдаленных захолустьях, причем не только в Европейской России, но и в Сибири. Новиков — автор первого русского библиографического словаря — «Опыт исторического словаря о российских писателях».

Однако обзор обширной деятельности Н. И. Новикова останется неполным, если мы не попытаемся выяснить характерные черты Новикова — редактора, узнать, что нового он, человек, через руки которого прошло так много книг, внес в редакторское дело.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 446.

По словам современника Новикова С. Глинки, «он двигал вслед за собой общество и приучал мыслить»². В своей издательской работе Новиков ориентировался не на избранное общество, а на многочисленных представителей третьего сословия. Эта его тенденция видна и в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Он вносит туда имена мало известных литераторов — учителя Казанской семинарии Грачевского, коллежского регистратора Беницевея, наборщика Академической типографии Рудакова.

Расширение читательского круга, изменение читательского адреса не могли не сказаться на конкретных приемах редакторской работы. И журналы и книги Новикова были подчинены задаче завоевать и научить читателя. Этим определялись выбор им тематики и формы изложения, приемы его редакторской работы.

Новиков издавал самые различные книги — от сатирических журналов до «Модного ежемесячного издания», к каждой книжке которого прилагалась картинка парижской моды. Большая часть картинок — головные уборы — «чепец победы», «расцветающая приятность», головной убор «по манеру шишака Мишервина или по-драгунски». Моды были в сущности только способом завоевать еще одну группу читателей — женщин. Это был журнал литературный. В нем печатались Я. Б. Княжнин, А. П. Сумароков, В. И. Майков. Отдел прозы составляли в основном переводы. Не рассчитывая на то, что внимание читательниц удастся задержать надолго, Новиков отбирал для издания короткие произведения, повествующие о любви. Но даже в этом дамском журнале издатель оставался верен себе: он пытался возбудить у читателей мысль, заставить их думать.

Новикову долгое время отказывали в писательском таланте. Сначала это было следствием царской немилости, затем, уже в середине XIX в., М. Н. Лонгинов — председатель Комитета по делам печати, известный собиратель русской старины и не менее известный враг демократии, с безапелляционностью официального лица закрепил за ним на довольно длительный срок харак-

² «Записки С. Н. Глинки». СПб., 1895, стр. 13.

теристику мистика, бойкого журналиста и едва ли не невежды, «имевшего весьма скудное образование».

За Новиковым-автором числится немного сочинений. До сих пор в литературоведении идет спор, кто автор знаменитого «Отрывка путешествия в ***», подписанного инициалами «И. Т.». Отрывок приписывали Ив. Тургеневу, А. Н. Радищеву. Сейчас преобладает мнение, что автор «Отрывка...» — Новиков. «И. Т.» расшифровывается как «Издатель «Трутня»».

Свои произведения, публикуемые в журналах, Новиков не подписывал. Он обосновал это теоретически и этически в журнале «Утренний свет»: «Тот, кто других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляем». Автор, по мнению Новикова, обязан исполнять свой долг не во имя похвал или удовлетворения честолюбия. «Писатель, удовлетворенный исполнением своего долга, не станет называть своего имени читателю», — считал он, и само слово «Автор» писал с большой буквы.

Советские исследователи показали, насколько значительно литературное творчество Новикова по своему идейному содержанию, насколько своеобразна его авторская манера. Журнальные статьи Новикова, отражавшие эпизоды, самые характерные для того времени, были развиты в более поздних произведениях русской классической литературы — «Недоросле» Фонвизина, «Капитанской дочке» Пушкина, вплоть до «Обломова» Гончарова и комедий А. Н. Островского.

Под пером Новикова впервые в русской литературе предметом искусства стала действительность с ее контрастами и противоречиями, в литературное произведение был введен документ, зазвучала крестьянская тема, которая была исключена как тема низкая из литературы классицизма. Вместо обобщенной и не опасной ни для кого «сатиры на порок», Новиков последовательно вводил «сатиру на лицо». Эти тенденции, намеченные в литературном творчестве Новикова, продолжили и развили Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев.

Эстетические принципы, которыми руководствовался Новиков-писатель, не могли не найти свое непосредственное отражение в его редакторской работе. Новиков, писал В. Г. Белинский, «имел сильное влияние

на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности.

Он... издает книги и журналы, всюду ищет молодых людей, способных или охотливых к книжному делу. Знающим иностранные языки он заказывает переводы, у стихотворцев печатает стихи, у прозаиков — прозу; всех одобряет и понуждает, бедным дает средства к образованию»³.

Впервые в истории нашего издательского дела Новиков налаживает деловые отношения с писателями, издавая их сочинения. Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, М. Д. Чулков, М. М. Херасков делаются его сотрудниками. Материалы для переводов и редактируемых им журналов и для издания книг Новиков подбирал сам, но к работе над книгами практического направления привлекал виднейших ученых — профессоров Московского университета. Они редактировали, составляли и переводили книги для новиковского издательства.

Сотрудником Новикова был А. Барсов — профессор красноречия Московского университета, член Вольного российского собрания при Московском университете, член Российской академии, редактор первой московской газеты «Московские ведомости», — человек по характеру независимый и прямой. Профессора С. Десницкий и С. Забелин сотрудничали с Новиковым как советчики-редакторы. Несколько книг вышло «под смотрением» этих профессоров.

Новиков обладал редким даром находить и привлекать к себе талантливых людей. С ним работал, например, Ф. В. Каржавин — писатель и переводчик, один из первых представителей русской разночинной интеллигенции. Он был сыном купца, но занятия литературой не были чужды этой семье. Его дяде Ерофею Каржавину принадлежит перевод на русский язык «Гулливера» Свифта. Каржавин учился в Париже, после этого работал с архитектором Баженовым, затем снова отправился в странствования. Он был в Америке, первый из русских побывал на Кубе, несколько раз богател и разорялся, попадал в плен к пиратам, но, по его словам, «всегда сохранял неунывающий русский дух». Это был пытливый, наблюдательный и образованный че-

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 309.

ловец. Участие его в войне за независимость Северной Америки достаточно определенно свидетельствует об его убеждениях.

В 80-х годах, после возвращения в Россию, Каржавин вместе с Баженовым перевел для новиковского издательства 10 частей классического труда Марка Витрувия «Об архитектуре». Сотрудничал Каржавин и в «Живописце». Во второй части журнала помещено письмо, подписанное: «Вам, господину Живописцу, остаюсь готовым навсегда слугою Богодар Вражкани Брынской Правдописец». Богодар — так передается по-русски греческое «Федор», Вражкани — анаграмма фамилии Каржавин.

Новикову нужны были десятки переводчиков художественной литературы. Он заказывал переводы студентам и профессорам университета, известным писателям и начинающим литераторам.

Обычно Новиков покупал по два-три перевода одного и того же сочинения и печатал лучший. Работу переводчиков он оплачивал хорошо.

Работал с Новиковым Е. И. Костров — знаменитый в свое время поэт и переводчик. Новиков издал в переводе Кострова «Золотого осла» Апулея. Одним из близких сотрудников Новикова был В. А. Левшин. Пушкин в примечаниях к 7-й главе «Евгения Онегина», поясняя строки:

Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, школы Левшина птенцы.., —

пишет: «Левшин — автор многих сочинений по части хозяйственной». Эта характеристика не совсем полна. Уже вскоре после смерти Левшина его забыли, несмотря на обильное литературное наследие, оставленное им. Главная заслуга Левшина — собиранье русских народных сказок. Хотя ничего оригинального и значительного он не создал, но вспомнить добрым словом его неутомимость как переводчика и редактора есть все основания, ведь и в более позднее время история литературы не баловала своим вниманием редакторов и переводчиков.

Новиков отлично знал способности и дарования литераторов. Когда он задумал издавать первый в России детский журнал «Детское чтение для сердца и ра-

зума», он быстро нашел тех, кому можно поручить это дело.

Редакторскую работу Новикова над текстом литературных произведений проследить сейчас трудно. Все бумаги его были конфискованы при аресте и затем уничтожены. Мы располагаем лишь вторичными материалами: книгами новиковского издательства, воспоминаниями о нем, некоторыми документами. Однако и эти материалы представляют интерес.

Анализ журнала «Трутень» позволил исследователям сделать вывод о том, что его издатель «проявил блестящий талант автора—организатора журнала»⁴. Об этом свидетельствуют четкость и последовательность в проведении его общей идеи, план этого издания в целом, композиция каждого номера, подбор статей, подбор авторов. Редакторский талант Новикова проявился и в мастерском применении им «эзоповского языка», и в блестящей стилистической обработке материалов журнала.

Особого внимания заслуживает работа Новикова-редактора при издании журнала «Живописец». Обычно сравнивают 1-е издание (1772 г.) и 3-е издание (1775 г.). 3-е издание «Живописца» принято рассматривать как новый в идейном и литературном смысле этап творчества Новикова. Возражать против этого не приходится.

Действительно, «Живописец» 1775 г. — новая книга, новая по составу авторов, по композиции, по своей идейной направленности, в которой больше нет иллюзий относительно «просвещенной монархини». Но для этой книги заново ничего написано не было. В нее вошли статьи из первых изданий «Живописца» и статьи из «Трутня». Книга — результат литературной работы, редакторская суть которой бесспорна. В предисловии «К читателю» Новиков пишет, что он «много переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений». Из 1-й части в 3-м издании не было перепечатано 5 листов, из 2-й — шестнадцать.

В 1772 г. 2-я часть издавалась вообще не так тщательно, как первая. Виной тому была, вероятно, все бо-

⁴ Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. М. — Л., ГИХЛ, 1951, стр. 237.

лее усложнявшаяся обстановка, в которой выходил журнал. Одна статья из первой части была во второй просто повторена, три с лишним листа занимал перевод VIII сатиры Буало на человека, выполненный очень небрежно.

Выбирая статьи для 3-го издания, Новиков был очень последователен. Он исключил все, что принадлежало другим авторам, оставив лишь перевод Фонвизина «Торга семи муз» из «Кригерových сонат», и то в очень измененном виде. Выяснить, кому принадлежит переработка перевода — самому Фонвизину или Новикову — сейчас не представляется возможным. «Письма к Фалалею», как предполагает П. Н. Берков, также написаны Фонвизиним. Все остальное принадлежит перу самого Новикова, и книга в целом представляет собой сборник его сочинений.

Таким образом, если пользоваться современной терминологией, работу Новикова над 3-м изданием «Живописца» следует, вероятно, назвать авторедактированием. Однако, учитывая понимание им сути авторства и почти полное отсутствие в то время понятия литературной собственности, в таком четком, как сейчас, разграничении терминов «редактирование» и «авторредактирование» нет надобности, это обстоятельство для наших наблюдений не может иметь решающего значения.

При подготовке 3-го издания Новиков широко пользовался композиционной правкой. Он не только объединял разрозненные ранее части произведений, но и создавал новые циклы. Это был его излюбленный редакторский прием.

«Письма к Фалалею» объединены с «Письмом Ермолая из сельца Краденова» («Живописец», ч. 2) и двумя письмами дяди к племяннику, напечатанными в свое время в «Трутне». Основа цикла, сюжет — семейные отношения между племянником, живущим в столице и честно исполняющим свой долг, с одной стороны, и старшим поколением — провинциальными помещиками — с другой.

В «Живописец» 1775 г. не вошли те произведения, в которых высказывалась надежда на доброго барина. Так, «Рецепт Безрассуду» первоначально строился на противопоставлении судьбы крестьян, принадлежащих помещику-тирану, и жизни крестьян у помещика-отца.

В издании 1775 г. обличение Безрассуда было сохранено, а изображение благополучных крестьян исключено. После разгрома пугачевского восстания места для иллюзий не осталось, и значительная часть текста была снята, как, например, следующий абзац: «Они (крестьяне. — К. Н.) не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никому на свете счастью, ради того, что они в своем звании благополучны»⁵.

В 1-м издании «Живописца» «Отрывок путешествия в ***» печатался двумя частями. Между ними помещен ряд материалов, в частности, статья «Английская прогулка», смягчающая резкость оценок автора, скрывающегося за инициалами И*** Т***. В 1775 г. Новиков соединяет эти две части, создает единое произведение, значение которого в общем композиционном замысле подчеркнуто тем, что оно завершает книгу.

Далеко не механически из «Трутня» были перепечатаны «Отписки крестьян». Они вошли в цикл других произведений, объединенных общей темой. В «Трутне» это были материалы полемики с Екатериной II, подписывал их Правдулюбов. Такие полемические «тонкости» в издании 1775 г. были отброшены. Все три письма соединены в одно произведение «Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам». Эти крупные композиционные изменения и купюры текста, в которых отчетливо отражены изменения во взглядах Новикова, описаны исследователями, на них неоднократно ссылались, анализируя эволюцию мировоззрения Новикова, рассматривая вопрос об его авторстве. И тем не менее в целом редакторская работа Новикова над текстом не привлекла пока того внимания, которого она, бесспорно, заслуживает. Изменения, внесенные им при подготовке «Живописца» к переизданиям, не стали до сих пор объектом детального изучения. 45 изменений было зафиксировано П. А. Ефремовым в примечаниях к его изданию «Живописца» в 1864 г. Однако избрания Еф-

⁵ «Сатирические журналы Н. И. Новикова». Вступ. статья ред. и комментарий П. Н. Беркова. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 135.

ремовым система указаний на разночтения была недостаточно наглядна. Чтобы сличить варианты, необходима кропотливая дополнительная работа. Сама книга давно стала библиографической редкостью, а в работах позднейших исследователей упоминаются лишь самые существенные разночтения. Так, Г. П. Макогоненко привел несколько поправок Новикова, указав на них как на поправки основные. Об остальных изменениях в тексте сказано: «Примеры же чисто стилистической правки насчитываются десятками»⁶. Внимания исследователя они не привлекли и понадобились главным образом как аргументы в споре об авторстве, кому — Новикову или Фонвизину — принадлежат «Письма к Фалалею».

Наблюдения за работой Новикова над «Живописцем», последовательное сравнение 1, 2, 3-й и более поздних редакций приводят нас к выводу, что по своему характеру, изменения, внесенные им в 3-е издание, с помощью которых была реализована новая программа, сами по себе воплощали определенную редакторскую методику работы над текстом, сложившуюся далеко не вдруг и определявшуюся идейными, эстетическими факторами и всей литературной практикой Новикова.

В 1773 г., когда читатели еще продолжали получать листы второй части «Живописца», Новиков предпринял переиздание первой части. Вскоре после окончания 1-го издания в свет вышла 2-я часть издания 2-го. Это издание считается самым полным. Именно его воспроизводили при позднейших перепечатках П. А. Ефремов и А. С. Суворин. В этой редакции «Живописец» включен в книгу «Сатирические журналы Н. И. Новикова», изданную АН СССР в 1951 г. под редакцией П. Н. Беркова.

Прежде всего, как всякий редактор, Новиков устранил опечатки и внес некоторые необходимые изменения технического характера. Забота о качестве издания всегда была характерна для Новикова, но все-таки не это было главным. В 1772 г., готовя первую встречу «Живописца» с читателями, он, по всей вероятности, из осторожности оставил в тексте ряд недомолвок и пропус-

⁶ Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в., стр. 257.

ков. Уже во втором издании они были восполнены. Приведем несколько примеров:

«А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна *да убыточна*», — читаем во втором издании. Слова «*да убыточна*», пропущенные в 1-м издании, во 2-м восстановлены.

«Вот до чего дожили, *что и вина своего* нельзя привезти в город: пей де вино государево с кружала». Слова «*что и вина своего*» были пропущены в 1-м издании. (В царствование Екатерины II была введена государственная монополия на торговлю вином).

«Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять, в старину то *было нам больше* вольности». Восстановлены слова «*было нам больше*».

Кроме того, в текст были внесены весьма существенные редакторские поправки. Иногда эта правка минимальна — замена или исключение одного слова: «Его называют храбрым офицером, похваляют: отец его радуется, что имеет столь [любезного] *достойного* сына». Речь идет о Худовоспитаннике, отрицающем пользу книг («Приняв название «Живописца»)⁷.

Иногда, реже, — это включение целого эпизода. В одном из «Писем к Фалалею» сделана вставка после слов: «Куда какой ты был проказник с молоду»:

«...Как бывало примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут...». Продолжение фразы «таки бывало животики надорвешь от смеха» получало совсем иной смысл после описания этих проказ» молодого Фалалея.

Иногда рассказ обогащался лишь какими-то деталями, сравнениями. Два сравнения внесены во втором издании в письме к любезному племяннику Фалалею Трифоновичу от дяди: «Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, *как свинью*, а как умерла, так плачет, *как будто по любимой лошади*». Этих сравнений не было в первом издании.

В первой редакции одна из фраз «Отрывка путешествия...» читалась так: «Ведь мы, родимой, не господа, что бы и нам гулять; полно тово что и они гуляют по пустому».

⁷ Здесь и в дальнейшем исключенные слова взяты в квадратные скобки, внесенные в текст при правке — выделены курсивом.

Во второй редакции мы находим изменения: «...что и они в праздничные дни по пустому шатаются».

В целом редакторская тенденция Новикова не оставляет сомнений — усилить обличительный смысл материалов журнала, подчеркнуть его. Эта тенденция требовала особой тщательности в своей реализации, потому что осуществлялась на материале произведений сатирических, и не просто сатирических, а «сатиры на лицо», на материале, разнообразном в жанровом отношении. Редакторская работа над текстом часто смыкалась с поисками новых, более выразительных сатирических форм.

Во втором издании редактор «Живописца» ищет пути к более достоверной передаче речи в статьях, написанных от лица избранных им персонажей — «корреспондентов» «Живописца».

Если в первом издании было: «Девушка небогая, грамоте и писать *умеет*», во втором — «грамоте и писать *горазда*». Это слова уездного дворянина, в устах которого разговорное «горазда» более правдоподобно, чем литературное «умеет». Более выразительным стал и ответ на письмо дворянина, жалующегося на ревность жены, когда в него во втором издании были включены формы 1-го лица, вместо форм 3-го лица, как было раньше. «Знай, что *мы* не столько о мужьях своих *думаем*, чтобы стали к ним ревновать и только что *терпим* их, а не *любим* — и как можно столько любить мужа». Вместо *многие жены..., думают..., терпят..., любят.* Уточнен и синтаксический строй некоторых предложений. Например, вместо: «*Так уж бы я дал тебе знать себя*» — «*так уж бы я дал себя знать*». Это исправление представляется тем более уместным, что слова принадлежат отцу Фалалея, разгневанному, что сын отдал в печать его письмо: «Я писал тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку, пришло с ума сойти!» и т. д. Тяжелый оборот первой редакции был чужд стилистическому строю письма.

Углубляя сатиру, находя новые, более яркие способы сатирического, пародийного изображения, Новиков оставался ревнителем русского языка. Уже при подготовке второго издания, т. е. при первом редакторском

вмешательстве в текст, он усиливает борьбу с галломанией. Ведется она очень тонко и умно.

Фраза «... слова «я не могу владеть собою» меня в таком случае извиняют» изменена и стала читаться так: «...слова «я не в своей сижу тарелке» меня в таком случае извиняют».

Чем вызвано такое изменение?

П. Н. Берков указывает, что во времена Новикова выражение это еще воспринималось как перевод с французского: «ne pas être dans son assiette». Его можно было перевести, следовательно, как «я в не свойственном себе положении» или «я не в своей тарелке»⁸. Новиков в издании 1773 г. выбрал второе. И чтобы усилить комический эффект, ввел в этот оборот слово «сижу», видимо, желая подчеркнуть нелепость и уродливость «щегольского наречия», в котором самым причудливым образом переплетались просторечие и французские слова. Пройдет 50 лет, и Пушкин запишет: «...assiette значит положение от слова asseoir, но мы перевели каламбуром...»⁹.

Приемы редакторских исправлений текста у Новикова очень экономны. Мы видели, что чаще это замена одного лишь слова синонимом, имеющим более точный смысл, уточнение синтаксического строя фразы, введение сравнения, реже — небольшого эпизода. Пародируя щегольское наречие, Новиков насыщает текст французскими словами, вводя их в просторечный контекст и достигает, таким образом, сатирического эффекта.

3-е издание подготовлено тщательнее, чем 2-е. Текст вычитан и выверен. Устранены опечатки 1-го и 2-го изданий.

2-е издание

Царь небесный дал нам
ведро, и мы торопимся
убрать живо.
Все наши щеголихи, украшаю-
щие собой мужской пол...

3-е издание

Царь небесный дал нам ведро,
и мы торопимся убрать жниво.
Все наши щеголи, украшаю-
щие собой мужской пол...

За три года, прошедшие с первого издания «Живописца», произошли события, если не изменившие, то

⁸ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 56.

⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 181.

сообщившие ббльшую определенность взглядам Новикова.

Приемы его редакторской работы в 3-м издании те же, что и во 2-м, различны объекты, материалы, на которые обратил свое внимание редактор. Если во 2-м издании это статьи, обличающие невежество и жестокость помещиков, в 3-м издании — это обращение к самой императрице.

Правка начинается с первого листа журнала, с «Приписания неизвестному г. Сочинителю комедии «О, время!», т. е. Екатерине II.

2-е издание

Перо ваше достойно равенства с Моллеровым. Следуйте его примеру.

3-е издание

Перо ваше достойно *будет* равенства с Молиеровым. Следуйте *только* его примеру.

В 3-й редакции равенство с Мольером возможно для сочинителя комедии «О, время!» только при определенных условиях, в предыдущих редакциях оно утверждается как бесспорное.

2-е издание

Нет, такая слабость никогда не может иметь места в *вашем* сердце. И может ли такая *благородная* смелость опасаться угнетения в то время, когда ко щастию России и ко благоденствию человеческого рода владетельствует нами премудрая Екатерина.

3-е издание

Нет, такая слабость никогда не может иметь места в *благородном* сердце. И может ли такая *ваша* смелость опасаться угнетения в то время, когда ко щастию России и ко благоденствию человеческого рода владетельствует нами премудрая Екатерина.

Сняты из «Приписания» и следующие слова: «*Впрочем для меня весьма лестно получить ваш ответ*». Сняты, видимо, потому, что ответа не последовало, да и интерес к этому ответу пропал: все было ясно и без него.

Что изменения эти не были случайны, а представляли собой изменения программные, последовательно проводившиеся Новиковым, подтверждают и немногочисленные, правда, поправки, внесенные им в 4-е издание книги. Например, высказывание об опасности критики, которую он сравнивает с грозной тучей, «на авторов устремляющейся», в 4-м издании читается так: «Что будет с твоими сочинениями, когда и славнейших *Российских* творцов труды не щадятся». Слова «Российских

творцов» заменило общее и нейтральное по смыслу слово «писателей».

В работе Новикова над текстом 3-го издания мы находим продолжение и развитие всех тенденций, которые были отмечены нами при анализе 2-го издания. Он продолжает искать новые приемы для борьбы с галломанией.

В листе 9-м журнала помещено «Щеголихино письмо»:

«Ты радость беспримерной Автор — по чести говорю, ужесть как ты славен; читая твои листы, я бесподобно утешаюсь; как все у тебя славно: слог расстеган, мысли прыгаючи. — По чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают: клянусь, что я всегда флетирую их без всякой дистракции...»

Но сказать вокруг нас, ты много должен мне: — уморить ли радость? Ведь мнение то Щеголихино ты у меня подтяпал: ха! ха! ха!

Услужи, радость, мне, собери все наши модные слова и напечатай их *особливою* книжкою, под именем Модного женского словаря...»

Чтобы понять это письмо, нам придется прибегнуть к помощи комментария П. Н. Беркова к академическому изданию «Живописца»¹⁰. *Флетирую* — *перелистываю*; *дистракция* — *скука*; *вокруг нас* — *между нами*.

В 3-м издании пародийность этого письма усилена: вместо «*радость*» стоит «*фреринька*» — слово, образованное по законам русского словообразования от французского «frère» — брат, нечто вроде «братец». *Особливою книжкою* заменено «деташированною книжкою» (*detache* — отделять).

Реализацию того же пародийного приема, но уже в области не лексики, а синтаксиса представляет замена оборота «*ты за это много должен мне*» на «*ты в них многое взял на мне*» или «*и так остается мне одно средство взять обморок*» вместо «*упасть в обморок*».

Язык самого Новикова-писателя, по мнению историков языка, правилен, прост и изящен. «Проза Н. И. Новикова — одно из крупнейших достижений ли-

¹⁰ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 567.

тературы и литературного языка второй половины XVIII в.»¹¹.

Новиков был редактором, прекрасно чувствовавшим строй фразы. Он остро реагировал на каждую неточность и умел одним небольшим изменением прояснить смысл.

Неточность во фразе: «О блаженная добродетель, любовь ко ближнему ты употребляешь во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам» вызвала редакторское исправление. Слова «*любовь ко ближнему*» сняты. Действительно, это чувство все-таки подразумевает людей, а не лошадей и собак. Улучшено синтаксическое строение фразы: вместо «*Сии единые обезображивающие совершенства человека чудовища*» — «*Сии единыя чудовища, обезображивающие совершенства человека*». Приведены в соответствие с нормами современного Новикову языка и другие синтаксические конструкции: «*благодаря нашему самолюбию*» вместо «*благодаря наше самолюбие*». Заменой одного лишь слова «*странным*» на «*старинным*» уточнен смысл фразы: «Добродетель во ушах слышится им неким *старинным* названием...». Добродетель — не просто название странное, а нечто старинное, устаревшее.

Общая тенденция Новикова — поддержать идею нормативности в русском языке — сказывается и в таких заменах, как «*одоньи*» на «*адоньи*». Именно «*адоньи*» занесено в словарь В. И. Даля.

Борясь за чистоту и правильность русского языка, Новиков руководствовался той же целью, какой руководствовался при издании «Древней российской Вивлиофики» и «Опыта исторического словаря о российских писателях»: русская культура, русская литература, русский язык имеют свои традиции, развиваются по своим законам, сохраняя при этом определенную преемственность.

Открыто говорить все, что он хотел бы сказать читателю Новиков не мог, но он был неутомим и изобретателен в поисках новых сатирических форм.

¹¹ В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., «Наука», 1964, стр. 42.

В связи с объединением статей в циклы, проведенном в 3-м издании «Живописца», отпала необходимость в предуведомлениях читателей о том, что тот или иной материал будет иметь продолжение, и, когда подобные примечания все-таки оставались, они приобретали особую смысловую нагрузку, употребление их становилось уже литературным приемом. После статьи «Известие, полученное с Еликона», вместо «*продолжение будет в следующем листе*», как было в 1-м и 2-м изданиях, в 3-м крупными буквами напечатано: «*Продолжения не будет*». «Известие» прервано на словах: «Вот тебе моя роспись, прочти ее прилежно, ну... сколько нашел Лукреций? Извините, сударыня, я право здесь...». Под Лукрециями имеются в виду добродетельные женщины, которых в списках женщин «за последнее полу столетие, а наипаче последних годов» герой не нашел. Ему снится сон, что он умер и попал на Еликон — обиталище муз. Он говорит, что «твердо было положился написать по крайней мере несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества моего, но едва успел сочинить три или четыре сатиры, как сверх чаяния лишился жизни». Музы уверяют автора, что он не умер и будет жить долго. Ему предстоит возвращение к обычной жизни, и, следовательно, мы вправе предположить, новые сатирические произведения... Сочинитель предупреждает читателя, что этого не произойдет, прервав «Известие» на «самом интересном месте».

В 3-м издании «Отрывок путешествия в ***» — самый значительный по своей антикрепостнической направленности материал «Живописца» — был закончен обещанием: «Продолжение сего «путешествия» напечатано будет при четвертом издании сея книги», хотя в двух первых изданиях подобного обещания не было. Там «Отрывок» заканчивался намерением автора посетить деревню Богополучную.

Как известно, ни в 4-м, ни в 5-м издании продолжение напечатано не было. Этот факт породил диаметрально противоположные выводы исследователей. П. Н. Берков утверждает, что такая приписка вызвана стремлением Новикова смягчить резкость суждений автора, которым Берков считает А. Н. Радищева, «парализовать истинную силу отрывка, придать ему тот же недалекий вид, каким отличались вообще сатиры того времени, и

сохранить подвергшийся нападкам журнал»¹². К другим выводам приходит Г. П. Макогоненко, отстаивающий авторство Новикова: «Нет, не собирался Новиков писать «Путешествие в деревню Благополучную» и не издательская, а умно-авторская это приписка... после разгрома крепостных, не считавших себя «благополучными», это декларативное издательское обещание «Путешествия в деревню Благополучную» лишь усиливало антикрепостнический смысл произведения в целом... Несомненно обещание это — злая ирония...»¹³. Читатель, привыкший к новиковским «тонкостям», по мнению Макогоненко, должен был это отлично понимать.

Не касаясь общих выводов относительно авторства Новикова, отметим, что редакторский анализ изменений, внесенных Новиковым в текст 3-го издания «Живописца», отнюдь не свидетельствует о его стремлении смягчить сатиру. Ни одного подобного изменения нам не удалось обнаружить в тексте.

Большую смысловую нагрузку несли и примечания.

Впервые в русской книге к примечаниям, дающим такую оценку описываемым событиям и лицам, которая не совпадала с оценкой общепризнанной, прибежал Яков Козельский, поместивший серию подобных примечаний к переведенному им в 1765—1766 гг. труду Гольдберга «История Датская». Этот прием вскоре стал популярен. Им неоднократно пользовался А. Н. Радищев. Так, знаменитое радищевское определение: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние...» находится в подстрочном примечании к его переводу книги Мабли «Размышления о греческой истории», изданной Новиковым в 1773 г.

Примечания к «Живописцу» неоднородны. Это традиционные объяснения непонятных мест текста, например, объяснение слова: «маньха — по-старинному, по-нашему муфточка», (в Словаре Даля указано: манька — ж., тверск., влад. — муфта, муфточка, заманчивая для рук); примечания о характере текста: «Мне рассудилось некоторые из примеров со щегольского наречия, перевести на общий наш язык: я не следовал точности

¹² «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 562.

¹³ Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в., стр. 232.

слов, но держался смысла»; примечания, объясняющие купюры. Это уже литературный прием, позволяющий усилить авторскую оценку излагаемых событий. К словам: «Ври себе он что хочет, а я знаю, что с мужиками делать» есть примечание: «Я нечто выключил из сего письма. Такие мнения оскорбляют человечество». И следующее совпадающее с ним по характеру: «Я тут много выключил для сказанных мною причин в первом примечании». И, наконец, примечания, несущие главную по отношению к основному тексту смысловую нагрузку. Они содержат мысли, которые по цензурным соображениям опасно было включать в основной текст: «Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю, по какому предрассуждению, вкралось мнение, кои находятся в низком состоянии».

Расчет, видимо, был прост: примечания не так бросались в глаза, но умный читатель не пропускал их. В примечании к «Отрывку путешествия в***» Новиков прямо обращался к этому читателю: «Я не включил в сей листок разговор путешественника с крестьянином по некоторым причинам: благородный читатель и сам их стгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор конечно бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинить помещика Разоренцыя деревни и подобных ему».

Деятельность Н. И. Новикова — издателя и редактора — заслуживает самого пристального внимания и серьезного изучения. В общем ее обзоре, перечисляя то новое, что внес он в дело редактирования книги, будь это организация издательского дела или работа над текстом, во всех случаях необходимо подчеркнуть, что в деятельности Новикова, издателя-просветителя, отчетливо прослеживаются связи между его общественными взглядами и трудами по созданию книги.

РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА КНИГ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.



мена Н. И. Новикова и А. Н. Радищева стояли в одном списке государственных преступников, освобожденных из тюрем и возвращенных из ссылки по приказу Павла I, Новиков — в начале списка, Радищев — под номером 22. Во взглядах и судьбе этих людей было много общего.

Не случайно в литературоведении идет спор, кто автор знаменитого «Отрывка путешествия в***», помещенного в новиковском журнале «Живописец», — Новиков или Радищев. Доводов в пользу авторства Радищева существует много: общность идеи «Отрывка» и «Путешествия из Петербурга в Москву», резкость суждений, сходство литературной формы этих произведений, системы их образов, стилистических примет... И хотя последние исследования, думается, достаточно убедительно доказали, что нет оснований, несмотря на все это, отказывать в авторстве Новикову, сходство в приемах изложения, общность тематики и идей этих писателей бесспорны. Во многом литературные приемы были predeterminedены сходными, вернее общими условиями, в которые были поставлены Новиков и Радищев. Это были приемы, выработанные писательской и издательской практикой екатерининского времени, времени установления государственной цензуры.

Радищев издавал свои сочинения сам. Воспользовавшись тем, что с 1783 г. по указу Екатерины II «О вольных типографиях» каждому «по своей собственной воле»

разрешено было печатать книги, он купил у Шнора (владельца самой крупной в Петербурге типографии) печатный стан и шрифт и оборудовал типографию в своем доме в Петербурге на Грязной улице. В 1790 г. Радищев отпечатал там небольшую брошюрку «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске» и в том же 1790 г. выпустил, не указывая ни своего имени, ни типографии, «Путешествие из Петербурга в Москву».

Черновая рукопись этой книги написана была самим Радищевым, набело переписана таможенным надзирателем Царевским, в цензуру к оберполицмейстеру Никите Ивановичу Рылееву, не объявляя имени автора, ее носил таможенный досмотрщик Богомолов, печатали крепостные Радищева, корректуру держал сам автор. Отпечатано было не больше 650 экземпляров. Судьба «Путешествия...» хорошо известна. Из первого издания едва ли сохранилось 15 экземпляров.

Очень емкая форма «Путешествия...» позволила автору включить в него не только то, что было непосредственно связано с наблюдениями над современной ему жизнью, но и сделать ряд отступлений на философские и общественные темы, ввести в состав книги почти целиком оду «Вольность», до тех пор нигде не печатавшуюся.

Радищев снабдил книгу примечаниями, в которых еще более резко, чем в основном тексте, заявлял о своих убеждениях. В виде примечания к главе «Чудово», например, Радищевым введен отрывок из перевода «Истории об Индиях» Реналя, повествующий об англичанах, заключенных в темнице бенгальского набоба. Отрывок заканчивается словами: «Чему больше удивляться, зверствам спящего набоба, или подлости не смеющего его разбудить?»

Включение Радищевым в книгу «Краткого повествования о происхождении цензуры» весьма показательно. Хотя впервые законодательным порядком цензура была утверждена в 1796 г., фактически право запрета книг синод и сенат имели и раньше. Достаточно широко пользовалась этим правом сама императрица. Особенно часто Екатерина запрещала книги в тот период, когда перестала заигрывать с вольтерианскими идеями. В 1789 г. императрица, напуганная французской революцией, приняла охранительные меры, направленные против лите-

ратуры и журналистики, а в мае 1796 г. цензоры получили подробные инструкции строжайше наблюдать за рукописями, предназначенными к печати. Цензура была учреждена из трех особ: духовной, гражданской и ученой. Частные типографии были закрыты. Эти меры были усилены Павлом I, запретившим ввозить из-за границы печатные издания. За свое короткое царствование он успел издать десять законов, касавшихся цензуры.

В конце XVIII в. цензурные соображения стали оказывать воздействие на форму литературных произведений, на приемы и методы редакторской работы, в частности. Правилам цензуры нельзя было не подчиняться, и одновременно возникла необходимость искать способы, чтобы обойти ее, чтобы все-таки сказать читателю то, что автор или издатель считал нужным.

Конец XVIII — начало XIX в. — время порубежное. Мы наблюдаем на протяжении этого короткого периода существование различных литературных направлений, различных эстетических позиций. Все это не могло не отразиться на процессе подготовки книги. Как в фокусе, сосредоточились явления, характерные для книги этого периода, в издательстве Новикова, в его деятельности редактора. Новиков не подписывал своих сочинений, напечатанных в периодических изданиях, смело вносил изменения в авторский текст журнальных статей, принадлежавших другим авторам. И тот же Новиков впервые издал «во удовольствие любителей русской учености» «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова». Уже такое полное и подробное перечисление всех званий писателя на титуле издания говорит о подчеркнутом уважении к его личности. Талант Сумарокова Новиков высоко чтит. Собрание сочинений вышло в 10 частях. Новиков впервые опубликовал не только сами литературные произведения, но также их варианты и редакции. Издание в целом отличает логическая стройность и продуманность. Его структура, серьезность подготовки свидетельствуют о намерении издателя дать читателю полное представление о творчестве Сумарокова.

Противоречивость в подходе к литературному материалу, в решении вопроса о праве автора на индивиду-

альность определялись, по-видимому, различным характером этих изданий. В том случае, когда в произведении затрагивались вопросы общественные, Новиков ставил авторство так высоко, что упоминание имени писавшего расценивалось им как дань тщеславию. Главным была идея, а отнюдь не то, кто ее высказал, — в этом ясно ощущается влияние классицизма. В произведениях, относящихся к литературе художественной, Новиков авторства отнюдь не отрицал, более того, всячески подчеркивал необходимость знать имена русских литераторов. Ведь именно ему принадлежит первый русский библиографический труд «Опыт исторического словаря о российских писателях», в который он добросовестнейшим образом включил всех известных ему литераторов, даже тех, чьи труды не были изданы. Кроме того, не последнюю роль в решении этого вопроса играл, по-видимому, тип издания.

Журналы того времени часто, закончив свое существование как издание периодическое, переиздавались и превращались в сборники, как, например, это произошло с журналом «Живописец». В этом случае факт авторства терял свое значение и считался уже менее важным, чем задача книги в целом, ее общая идея.

Прямолинейность и схематичность общих представлений эпохи классицизма отнюдь не отрицали «свободного» обращения с текстом и не требовали закрепления литературного текста за определенным автором. Во второй части «Живописца» 1772 г. в переводе сатиры на женщин Буало Париж заменен Россией, *Delance* — Ломоносовым, *les nobles gans* — баронами курляндскими. Словом, условия, в которых происходит действие сатиры, максимально приближены к условиям, понятным русскому читателю. Вошедшее в практику еще во времена Тредиаковского отношение к переводам художественных произведений как к переводам вольным на темы оригинала, но «со склонением на наши нравы», существовало в русской литературной практике, как видим, и в конце XVIII в. Перевод мог значительно отличаться от оригинала, и вместе с тем не считалось предосудительным включить в свое произведение то, что принадлежало другому автору. Известный пример этого — включение Княжнинным отрывков из «Андромахи» Расина в свою трагедию «Владислав и Ярополк».

Наиболее отчетливо эти тенденции видны на примере одной из самых популярных книг конца XVIII — начала XIX в. «Письмовника» Курганова. В первом издании (1769 г.) книга называлась «Российская универсальная грамматика или Всеобщее письмословие». Последнее, 11-е издание «Письмовника» вышло в 1837 г. Это была книга для чтения, учебник, песенник, краткая энциклопедия. Форма «Письмовника» очень характерна для эпохи классицизма — в ней даны советы на все случаи жизни. Часть произведений приведена Кургановым анонимно, другие им «исправлены». Так, «исправил» Курганов Сумарокова. Столь же «свободно» обошелся он со стихотворением Ломоносова «Вечернее размышление о божьем величестве» — 2-й и 3-й строфам он дал новое название «Небо» и напечатал как самостоятельное стихотворение. Составитель сборника «Зритель мира» Лука Сичкарев озаглавил по-своему не принадлежащие ему стихотворения. Подобные случаи насчитываются десятками¹.

Хотя уже Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова часто называют профессиональными писателями, большинство писателей XVIII в. издавало сочинения за собственный счет.

За свой счет печатал многотомные труды В. К. Тредиаковский, испытывая при этом «крайности голода и холода с женою и детьми, не имея подчас ни полушки в доме, ни сухаря хлеба, ни полена дров». Лишь через 20 лет после смерти Кантемира Академией наук были изданы его сатиры. Это произошло тогда, когда в переводе на другие языки сатиры Кантемира уже были широко известны. Если сочинения писателя все же издавались, никем до Н. И. Новикова не ставилась задача издать полное собрание сочинений какого-либо писателя. Это всегда было «Избранное», в котором должны были найти отражение определенные взгляды, созвучные взглядам, общепринятым в то время. Именно такими были «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» Ломоносова, вышедшее в двух томах в С.-Петербурге в 1751 г., «Слова и речи поучительные» Феофана Прокоповича, изданные там же в 1761 г.

¹ См. С. А. Рейсер. Палеография и текстология. М., «Просвещение», 1970, стр. 101—102.

Понятие об авторской индивидуальности появилось вместе с Г. Р. Державиным. Оно было вызвано необходимостью характеризовать особенности художественной манеры Державина, которая не укладывалась в строгие рамки оценок, принятых классицизмом. Державин был первым русским писателем, который в течение двух последних десятилетий своей жизни пытался собрать и издать полное собрание своих сочинений. Целиком это намерение осуществлено не было. Державин — первый из русских литераторов — написал объяснения к своим сочинениям, заботясь о том, чтобы читатели поняли смысл его аллегорий, указал имена, сообщил факты, послужившие поводом для создания произведений. Он позаботился даже о том, чтобы снабдить издание иллюстрациями. В то время издания с картинками были редки. Правда, дважды были изданы с портретом Ломоносова его Сочинения, а в 1791 г. в Петербурге вышло роскошное издание книги Екатерины II «Начальное управление Олега». Оно напечатано в лист с хорошо выполненными в Академии художеств гравюрами. В 1769 г. издал свои сочинения с четырьмя гравюрами В. Капнист. Однако большинство книг все же было украшено лишь графическими элементами оформления.

В предуведомлении к читателям, предпосланном 1-й части Сочинений, Державин сообщал, что осуществить свое намерение и снабдить книгу рисунками он не мог «за недостатком художников, предоставляя то другому времени», но описание, сделанное Державиным к рисункам, сохранилось. Впервые издал сочинения Державина с картинками Я. Грот в 1889 г. Они выполнены в соответствии с указаниями автора в аллегорической манере, принятой в эпоху классицизма.

К стихотворению «Нине», смысл которого заключен в строках:

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно;
Погаснет скоро и пройдет.
И ах! тогда придет в миг скука,
Отсюда отвращенье к нам...

прилагалось следующее описание рисунка: «Купидон, разорвав свою цепь, удаляется с отвращением от молодой женщины, которая опирается на рог изобилия,

сыплющий цветы; у ног ее сидит кролик». Все это изображено на рисунке перед стихотворением. Смысл заключительного рисунка виден из предполагавшейся к нему подписи: «Малым доволен». На рисунке изображен... верблюд.

В начале XIX столетия Ф. Аделунг и А. Шторх, авторы систематического обозрения литературы в России, охватывавшего с 1801 по 1806 г., зарегистрировали 366 российских писателей, представлявших 19 сословий. Подписанных сочинений за этот период ими было зарегистрировано 525. Среди писателей было 10 князей, 6 графов, 3 министра, 2 посланника при иностранных дворах, 1 генерал, 2 адмирала, 2 митрополита и т. д. Более 50 авторов были академики, профессора и преподаватели университетов. Из купцов и мещан авторов было всего 11 (2 книготорговца и 9 содержателей фабрик), актеров двое, вольный крестьянин — один, 5 женщин, «из них одна немка», отмечали составители обозрения.

Число безымянных сочинений все еще превышало подписанные. Их зарегистрировано 742.

Первым печатным известием о вышедших в свет книгах было объявление в газете «С.-Петербургские Ведомости» от 21 декабря 1728 г. В нем говорилось, что в Книжной палате при Академии наук можно получить разные календари на «предбудущий 1729 год». С этого времени в периодических изданиях Академии наук начали печататься объявления и заметки о книгах в основном научного содержания.

Принципиальным вопросам критических выступлений печати в 1754 г. посвятил свою «Диссертацию о должности журналистов», подразумевая под ними авторов критических статей, М. В. Ломоносов. Главной целью и пользой этих статей Ломоносов считал «быстрое распространение в ученом мире знакомства с новыми книгами». «Присоединение к ним... справедливого суждения либо в самом содержании, либо о каких-нибудь обстоятельствах, относящихся к выполнению» было уже задачей вторичной.

Ответственность журналистов тем более велика, считал Ломоносов, что «цель их не в том, чтобы передавать вещи известные и истины общие, но чтобы уметь схватить новое и существенное». Необходимое условие для

того, «чтобы быть в состоянии произнести приговор искренний и справедливый, ... освободить свой ум от всякого предрассудка, от всякого предубеждения, и не требовать, чтобы авторы, которых мы беремся судить, рабски подчинялись идеям, господствующим над нами»².

До 70-х годов XVIII в. из произведений художественной литературы рецензировались лишь немногочисленные переводы. В 1777 г. Новиков предпринял издание библиографического журнала «С.-Петербургские ученые ведомости», объявив в № 1, что его «главнейшее намерение при издании сего рода листов есть критическое рассмотрение книг». Опасаясь обиды со стороны авторов, он предупреждал, что «во критике нашей будет наблюдаема умеренность». Издание существовало недолго, вышло только 22 номера журнала. Крайне осторожен и умерен был Новиков в своих оценках и как автор «Опыта исторического словаря о русских писателях». Потребность же в литературной критике росла, становилась все настоятельнее. Это сознавали и читатели и литераторы.

С 1787 г. элементы критики стали входить в перечни книг, продающихся в книжных магазинах. Эти пространные объявления о книгах ввел в практику Иван Глазунов, петербургский книготорговец, фирма которого существовала до 1917 г. Вот как рекламировалась, например, книга Шиллера «Духовидцы»: «Сильный и пленительный слог служит самым милейшим украшением сего сочинения, в котором читатель найдет пищу для воображения, ума и сердца». О Мисс Радклиф, модной английской писательнице, говорилось, что она прославилась оригинальностью умопроизведений, «в которых виден дух изобретения, ей единой свойственный, где она, поражая воображение читателя страшными, ужас наводящими картинами, возбуждает всю его чувствительность»³. Иногда в отзыв включались глухие ссылки на мнение некоего авторитетного лица.

В конце прошлого века известный русский библиограф Губерти отыскал на рынке между разным книж-

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 217.

³ П. Столпянский. Книга в старом Петербурге. «Русское прошлое». Исторические сборники, т. 1. Пг., 1923, стр. 112.

ным хламом две переплетенные рукописные объемистые книги, написанные на плотной синеватой бумаге. Он купил их за 50 копеек серебром. Это были собственноручные «Записки для потомства» Андрея Болотова, издателя журнала «Сельский житель», специалиста по сельскому хозяйству и переводчика. В 80-х годах XVIII в. Болотов сотрудничал с Новиковым и редактировал издававшийся им журнал «Экономический магазин».

В 1885—1886 гг. записки Болотова были опубликованы в журнале «Библиограф». В записках много интересных сведений, которые ценны для нас не только потому, что принадлежат незаурядному и наблюдательному человеку, но и потому, что это был литератор-профессионал, непосредственно участвовавший в издании книг.

Вот отзыв Болотова о романе Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794 г.): «Книга сия могла не с одной, а весьма многих сторон невыгодно окритикована быть. С одной стороны, было в ней столь мало исторического, и сие немногое так худо между собою сцеплено, и так не кстати соединено друг с другом, имело в себе столь мало привлекательности и занимательного, и все расположение оного так неудачно выдуманно, и развязка всему сделана столь неловкая и ни с чем не сообразная; а с другой стороны, слог толико надменной и высокопарной, и набит таким непомерным множеством славянщины, и странных невразумительных речений, и столь во многих местах натянутой, что истинно иногда без крайней досады и ущемления сердечного читать не можно. А ворвавшиеся и в сию книгу, так же, как и в «Кадма», географические погрешности были так грубы, так ощутительны и так несносны и нестерпимы, что истинно никак довольно надивиться и понять не можно.

Как возможно такому великому и весь свой век в науках упражняющемуся мужу, куратору целого университета, живущему в святилище муз... чтоб не знать, что и самый последний университетский ученик знать должен: всему свету слишком более нежели известно, и что всем солдатам нашей армии, бывшим в турецкой войне, известно и ведомо, а именно: откуда и куда течет славная в свете и великая река Дунай, в какое море она втекает? Как можно заставить ее течь совсем превратно

и втекать в Адриатическое море...»⁴.

Болотов утверждает, что Херасков вообще «в географии не силен», он вспоминает, что и в «Кадме» были разные географические погрешности. Из текста этой трагедии следовало, что Евфрат впадает в Средиземное море и Вавилон построен «на берегу почти оного».

Перечислив разнообразные ошибки автора, Болотов делает вывод: «Но как бы то ни было, погрешность и не только сия, но и многия другия тому подобныя и столь же грубыя есть и составляют такое пятно, которое ничем и никогда заглажено быть не может. Умалчиваю уже о других, также слишком грубых нескладницах, как например, о плавающих островах атлантических: о том глупом неразумении людей, не умевших разбойническое вооруженное судно различить с морским чудовищем, и о прочем тому подобном»⁵.

Болотов отдает себе отчет в необходимости литературной критики: «Критика принесла бы и самой литературе нашей ту великую пользу, что она стала б час от часу лучше поправляться и процветать, ибо в сем случае на всех худых сочинителей, а того паче на корыстобивых издателей положена б была узда...»⁶. Кроме того, критика необходима для каждого желающего заводить у себя вновь библиотеку, «необходимо нужно сделать выбор, дабы не покупать негодных книг и затем не упустить хороших».

Формирование понятия авторства, авторской индивидуальности, которое активно шло в конце XVIII в., не могло не отразиться на развитии литературной критики. Начало собственно литературной критики связано с именем Н. М. Карамзина. С 1791 по 1793 г. Карамзин издавал «Московский журнал», задачей которого считал ознакомление русской публики с передовыми направлениями европейской жизни. В специальных примечаниях и вводных статьях редактора он разъяснял значение творчества западноевропейских писателей, публиковал их биографии, знакомил читателей с новинками, печатая аннотации на новые книги. Специальный отдел журнала был посвящен рассмотрению русских книг. Все это было

⁴ А. Т. Болотов. Современник или записки для потомства. «Библиограф», 1885, № 9, стр. 35—36.

⁵ Там же, стр. 36—37.

⁶ Там же, стр. 37.

новым. Журнал сыграл значительную роль в воспитании читательского вкуса, в расширении читательского кругозора, в разработке эстетических критериев. Особенно существенным был общий принцип журнала, допускавший критику.

В то время было принято к критике относиться отрицательно. Она воспринималась как расправа завистников над авторами. Автора критических статей было принято называть Зоилом, по имени древнегреческого критика, известного своей недоброжелательностью и мелочностью. В первом номере «Московского журнала» Карамзин поместил разбор перевода Ф. Туманским книги «Полефатовы сказания», к которым переводчик присоединил собственные комментарии. Туманский оскорбился и ответил антикритикой: «Судий есть два рода: от власти определяемые или избираемые. Не принадлежащие к сим двум суть самозванцы. Не судите да не судимы будете... Частных людей суждения в газетах, журналах, соображаемые, никогда от людей умных уважаемы не были; известно, что они за подарки истощевают все хвалы, по пристрастию, самолюбию, личной ссоре или зависти выискивают все способы унижить труды чужие»⁷. И это было мнение распространенное, против которого Карамзину пришлось выступать, доказывая необходимость публичной критики.

Если судить с позиций сегодняшнего дня, критические статьи Карамзина далеко не совершенны: в них много места уделено пересказу, критика часто сводится к борьбе только за чистоту и правильность языка, принципиальные вопросы в этих статьях не затрагиваются. Нужно отметить, что и в первой четверти XIX в. литературная критика вообще не дала образцов высокого теоретического уровня и публицистической формы. В статьях главным образом обсуждалась грамматическая и стилистическая правильность литературных произведений. Но тем не менее литературная критика уже существовала. С 1801 по 1806 г. Ф. Аделунгом и А. Шторхом зарегистрировано 124 рецензии. Рецензировалась каждая 10-я или 11-я книга. Больше всего рецензий было написано на романы, ставшие к тому времени из-

⁷ См. А. И. Комаров. Журналы Н. М. Карамзина и его направления. В кн.: «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. 1. Изд-во ЛГУ, 1950, стр. 137—138.

любленным чтением публики. Во времена Карамзина критика, еще не заняв тех общественных позиций, вне которых она немислима в наше время, все же оказывала существенное влияние на литературную практику, формировала литературный вкус, выносила приговор литературным произведениям и не могла не влиять на работу людей, готовивших книгу к печати. Новыми стали требования, которые предъявляли к книгам и авторам читатели. Издатели и редакторы не могли не учитывать этих изменений.

В связи с расширением книгоиздательства, открытием новых типографий в конце XVIII в. произошли серьезные изменения в организации издательского процесса. Возникла необходимость в разработке твердых, унифицированных орфографических рекомендаций, в создании руководств для обучения наборщиков, печатников и других типографских служащих.

Издательством, продукция которого была неким эталоном, по-прежнему была типография С.-Петербургской Академии наук. С 1736 г., когда Академией была рассмотрена и одобрена Азбука и орфографические рекомендации, академическая типография руководствовалась только ими, не признавая Грамматики Ломоносова, ставшей после 1755 г. основным научным и учебным пособием. В Академической азбуке были такие славянские буквы, как *Ѡ*, *Ѡ*, которых нет в азбуке Ломоносова. В академических изданиях было принято двойное окончание для существительных мужского рода *-ый*, *-ой* (худый — худой). Ломоносов дает одно. Эти двойкие написания продолжали существовать в практике некоторых издательств вплоть до орфографической реформы, проведенной уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Первое практическое руководство по типографскому делу и орфографии, предназначенное специально для нужд издательства, было создано в 1796 г. в Перми. Называется оно «Подробное описание типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом через короткое время оному научиться можно»⁸. Автором книги был чиновник Петр Филиппов.

⁸ См. А. В. Блюм. Первая русская книга по типографскому делу. «Книга. Исследования и материалы», сб. 7. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962, стр. 343—353.

В предисловии говорилось, что «Описание типографских должностей» издано в свет jako служащее читателям любопытством, желающим заводить типографию руководством, а имеющим охоту знать правописание, могу- щее быть полезным».

Должность корректора, который был вторым лицом в типографии, описана так: «Корректор слово латинское, на Российском языке означает «справщик». Он всякий набранный лист поверяет с оригиналом, смотрит, чтоб не было в листах ошибок и ведет порядочное правописа- ние, и ежели во время проверки с оригиналом найдет что-нибудь против одного пропущено, то, написав в том месте какой вздумает знак, на поле, против той строки ставит такой же и приписывает, что пропущено; если же наборщиками против одного набрано лишнее, то выма- рывает и против той строки на поле ставит также знак, чтоб выбросили... В сию должность принимают из уче- ных, для того чтоб случающиеся в Российских книгах на иностранных языках речи поправлять мог».

В описании должности наборщика находим упомина- ние о том, как шел процесс корректорской правки текста: «После спуска полос печатники тискают лист, кото- рый с оригиналом отдают корректору для поправления ошибок, и что он поправит, переделывают; потом прика- зывают тискать другой лист, который посылают с ориги- налом же к сочинителю или переводчику; и если он по прочтении не подпишет печатать, то сделав им исправ- ленные ошибки, тискают и посылают еще: и как он под- пишет печатать, то наборщик, сделав поправленные ошибки, велит для печатания набело печатникам брать формы». Затем печатники тискают лист, корректор, прочтя и исправив ошибки, подписывает его печатать.

Авторские и корректорские подписные корректуры и сригиналы хранились при типографии «для случающих- ся иногда справок».

Необходимость цитировать столь обширные выдерж- ки из книги «Подробное описание типографских долж- ностей» вызвана тем, что она сохранилась в наши дни в единственном экземпляре (Государственная библиоте- ка им. В. И. Ленина) и представляет библиографиче- скую редкость.

Кроме описания типографских должностей, в книге содержались различные сведения по типографскому де-

лу: как делать спуск полос, сколько на лист потребно литер, сколько листов выпечатавают за день и по чему берется платы, как делают олифу и варят чернила.

В конце объяснения о правописании находились коротко изложенные грамматические правила, озаглавленные «О частях речи».

РЕДАКТОР В АЛЬМАНАХЕ, ЖУРНАЛЕ И КНИГЕ НАЧАЛА XIX В.



Конкретные исторические условия, сложившиеся в России в 1-й четверти XIX в., не могли не повлиять на процесс создания новых типов книг и предопределили во многом особенности таких изданий, как альманахи, ставшие в то время, по словам Пушкина, «представителями нашей словесности».

Слово «альманах» происходит от арабского «альманах» — календарь. В средние века альманахи служили справочниками энциклопедического характера. Постепенно характер и назначение их изменялись, справочный материал вытеснялся литературным, но универсальный характер альманахов сохранился. Происхождение русских альманахов связывают обычно с именем Н. М. Карамзина, который издал в 1794—1795 гг. две книжки альманаха «Аглая», а в 1796—1799 гг. три книги альманаха «Аониды». В «Аглае» были собраны в основном произведения самого Карамзина, «Аониды» состояли из произведений разных авторов. Сборники типа альманахов существовали в России и до «Аглаи» и «Аонид». Самым близким их предшественником был сборник «Распускающийся цветок» (1784 г.), в котором были собраны литературные опыты питомцев Благородного пансиона при Московском университете; одним из самых отдаленных можно назвать изданную при Петре I книгу «Апофегмата. Кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три». Но именно благодаря Карам-

зину была найдена эта форма для издания современной издателю поэзии.

В России в конце XVIII — начале XIX в. альманах, внешне безобидное издание, стал единственной возможностью познакомить читателей с новыми литературными произведениями малых форм. На издание альманахов не требовалось, как на периодические издания, цензурного разрешения. «Это были как бы отдельные номера журналов, издававшиеся не периодически, а от случая к случаю»¹, — определяет их характер Н. П. Смирнов-Сокольский. Признаком, сохраненным ими от прежних альманахов, был их выход один раз в год. Для большей части альманахов это был вообще выход единственный, лишь немногие, наиболее значительные, насчитывали по нескольку выпусков. В отличие от журналов в них не могли печататься частями произведения большого объема.

До 1823 г. альманахи выходили как простое подражание карамзинским. Среди них выделялись своим содержанием «Свиток муз» и «Талия».

В 1823 г. альманах «Полярная звезда» начал так называемый «альманашный период» нашей литературы. Это был лучший альманах пушкинской поры. Было издано три его выпуска — в 1823, 1824 и 1825 гг. Издавался он К. Рылевым и А. Бестужевым. Альманах пользовался огромным успехом. Здесь печатались все лучшие литераторы 20-х годов прошлого века — Пушкин, Баратынский, Вяземский, Гнедич, Дельвиг, Крылов, Дмитриев, Плетнев, Жуковский. Но главной заслугой «Полярной звезды» была пропаганда идеологии декабризма. «Влияние их (декабристов. — К. Н.) на общественное мнение было значительно... Они господствовали над частью аристократии, а посредством находившейся в их руках литературы — над всем молодым поколением»², — писал А. И. Герцен. Декабристы и Герцен, по определению В. И. Ленина, были «самыми выдающимися деятелями дворянского периода»³ — первого периода освободительного движения в России.

¹ Н. П. Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники. М., «Книга», 1965, стр. 3.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XXII. М.—Л., 1925, стр. 102.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

К. Рылеев возглавлял в альманахе отдел поэзии, А. Бестужев выполнял многочисленные издательские и редакторские обязанности: отбирал материал, составлял книги альманаха, держал корректуру, вел переговоры с цензурой. Кроме того, он был автором критических обзоров «Взгляд на русскую словесность», которые, как писал В. Г. Белинский, «были действительно необыкновенным явлением... Марлинский заговорил о литературе языком светского человека, умного, образованного и талантливом, заговорил языком новым, небывалым, острым, блестящим»⁴. В «Полярной звезде» печатались также прозаические произведения Бестужева и стихотворения Рылеева.

Главной особенностью содержания лучших русских альманахов как своеобразного типа издания была их непосредственная связь с развитием русской общественной мысли и событиями общественного движения.

Как тип издания альманахи имели традиционную внешнюю форму. Это были книжечки малого «карманного» формата, обычно в 12-ю долю листа, украшенные гравированными рамками и виньетками. Было принято давать альманахам причудливые условно-поэтические названия: «Утренняя заря», «Свиток муз», «Цветы граций», «Ореады», «Минерва или Дамская карманная книжка на 1811 год в пользу, удовольствие и забаву», «Мнемозина» (собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемое Одоевским и Кюхельбекером), «Календарь муз на 1826 год», «Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом», «Букет благовонных цветов или новейшее собрание романсов и песен», «Жасмин и роза. Подарок для туалета на 1830 год любительницам и любителям или новейшее собрание романсов и песен». Обязательной частью альманахов были издательские предисловия, эпиграфы, примечания. В предисловии было принято благодарить авторов, приславших издателю свои сочинения, объяснять принцип, которым руководствовался издатель, комплектуя альманах. Укоренился обычай не подписывать произведений в альманахах или ставить загадочные инициалы. Если альманах был иллюстриро-

⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 515. Белинский пишет о Бестужеве, называя его литературный псевдоним.

ванными, рисунки, как правило, не были связаны по содержанию с текстом. Они вместе с приложенными к ним объяснениями, составляли самостоятельный раздел альманахов. Например, к альманаху «Невский листок на 1826 год» (издатель Егор Аладьин) приложены две гравюры: «Вольный стрелок» и «Часовня Вильгельма Телля», которые сопровождает «Изъяснение картинок».

Подбирая произведения для альманахов, издатели обычно руководствовались истиной, считавшейся общепринятой, что «более всего приятно разнообразие». Произведения внутри альманаха располагались так, чтобы подчеркнуть этот принцип, т. е. самым неожиданным образом, но в «содержании» их перечисляли, уже группируя по жанрам. Иногда внутри этих жанровых групп в «содержании» произведения располагались по алфавиту, как это сделано, например, в «Сборнике отечественных муз на 1827 г.».

Альманашный период в русской словесности продолжался около десяти лет. Высшей своей точки количество альманахов достигло в 1830—1831 гг., когда их насчитывалось тридцать. После появления первого русского толстого журнала «Библиотека для чтения» (1834 г.), выходившего ежемесячно и очень аккуратно, который поглощал значительную часть новых литературных произведений, издатели альманахов начали испытывать серьезные затруднения. В 1836 г. Н. В. Гоголь выступил в пушкинском «Современнике» по поводу альманаха В. Крыловского «Мое новоселье»: «Это альманах! Какое странное чувство находит, когда глядим на него: кажется, как будто на крыше опустелого дома, где когда-то было весело и шумно, видим пред собою тощего мяукающего кота»⁵. В 40-е годы увлечение альманахами окончательно прошло. В рецензии на «Одесский альманах» В. Г. Белинский писал: «Что ни новый день, то все труднее составить хороший альманах!»⁶. Место альманахов заняли литературные сборники и толстые журналы.

Мода на альманахи, не всегда достаточно высокий уровень этих изданий в 30-е годы, стабилизация типа издания — все это создало возможность для пародирования альманашной формы. В 1824 г. в свет вышел

⁵ «Современник», 1836, т. 1. СПб., стр. 313—314.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 121.

альманах «Майский цветок — весенний подарок для любителей и любителей отечественной поэзии». Его издал М. А. Бестужев-Рюмин, способный издатель и бойкий журналист, имевший прозвище Бестужев-Рюмин и выведенный Пушкиным в сценах «Альманашник» под фамилией Бесстыдина. Уже в предисловии к «Майскому цветку» содержались оскорбительные для Пушкина намеки.

Альманах открывался отрывком из «Деревни», публикация которого явилась для Пушкина полной неожиданностью. Затем шло стихотворение самого Бестужева-Рюмина:

И так увижу вновь я кров священный твой,
Гостеприимная отеческая хата!
Невольный труженик с свободною душой,
Я возвращусь под сень домашнего пената!

Одно такое соседство было уже оскорбительно для Пушкина.

Подобные проделки Бестужева-Рюмина не были редкостью. Так же воспользовался он именем Пушкина и его стихотворениями, ходившими в списках, и в «Сириусе» (1826 г.) и в «Северной звезде» (1829 г.). В предисловии к «Северной звезде» Бестужев-Рюмин издевательски благодарит Пушкина за присылку стихотворений, которые тот никогда ему не присылал, и печатает оскорбительную «критику» на них. Пушкин хотел выступить в печати с протестом, но не сделал этого, опасаясь признать таким образом за собой авторство напечатанных Бестужевым стихотворений, которые для печати не предназначались.

Драматические сцены «Альманашник», оставшиеся ненапечатанными при жизни Пушкина, точно запечатали нравы и обычаи издателей альманахов. Как издается альманах? — «Выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай сам. Выдумай заглавие, закажи в долг виньетку да и тисни с богом».

Бесстыдин рассуждает просто:

«С моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обозрение словесности, где славно обруганы наши знамени-

тые писатели, наши аристократы...»⁷. Современники без труда расшифровывали инициалы: Александр Пушкин, Евгений Баратынский, князь Петр Вяземский.

В 30-х годах элементы пародии включались иногда в предисловия к альманахам. Вышли в свет и два полностью пародийных альманаха «Чертополох» и «Литературный репейник». «Литературный репейник» высмеивает сентиментальную манеру модных авторов, традиционные для альманахов жанры. Он состоит из двух разделов: изящной прозы и поэзии. Проза представлена «Картинкой природы», «Письмом из Африки» и отрывком найденного на дороге письма, поэзия — «Русской песней» и двумя стихотворениями: «Жалобой» и «Романсом». В «Письме, найденном на дороге» дается пародийный обзор вышедшим книгам, среди которых и «Туалетная химия или химический альманах на 1831 год». «Литературный репейник» пародиен весь, вплоть до эпиграфов и примечаний, написанных от имени наборщика: «Побранил бы я вас, господин Издатель, за это выражение, если б только у одних вас оное встретил» и далее: «Поверьте честному слову: право не хорошо; не смотрите на других». Книгу заканчивает подстрочное примечание к словам: «Конец не конец, а продолжения не будет», подписанное на этот раз корректором: «И не нужно».

В альманахе редакторские обязанности выполнял его издатель. Характер их определялся его общественными взглядами, формой этого издания и сложившейся литературной традицией. Так, Карамзин в предисловии к «Аонидам» заявил: «Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне письмах». Это отношение к авторскому тексту было закреплено в дальнейшем. Издатель не ставил своей задачей обработку слога, он искал материал для альманаха, располагал его, придумывал заглавия, писал предисловие, составлял примечания, держал корректуру, подбирал иллюстрации, добивался единства оформления и содержания. В 1825 г. тучи на виньетке «Полярной звезды» появились не без ведома издателей. Очень важным нововведением в практику издательской работы была выплата литературного

⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 157—158.

гонорара. Впервые гонорар за литературные произведения стали выплачивать издатели «Полярной звезды».

Обязанности редакторов журналов в то время немногим отличались от обязанностей издателей альманахов.

В 1802 г. начал выходить в свет журнал «Вестник Европы». Первым редактором его был Н. М. Карамзин, которому издатель журнала И. В. Попов, владелец университетской книжной лавки и типографии, платил за это 3 тыс. рублей в год. Это был первый в России случай оплаты редакторского труда. Редакторство Карамзина было блестящим периодом в истории «Вестника Европы». Как отмечают современники, журнал отличался интересными статьями, изяществом выбора и изяществом слога. Позднее, при Каченовском, Жуковском, Измайлове журнал потерял эти качества и постепенно превратился в литературно-художественный сборник, а к 20-м годам XIX в., по словам Белинского, стал «идеалом мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплесневелости»⁸. «До Карамзина,—писал Белинский,— у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его «Московский журнал» и «Вестник Европы» были для своего времени явлением удивительным и огромным...»⁹. Впервые в истории русских журналов в «Вестнике Европы» была выделена в специальный отдел «Политика». Здесь широко освещалась жизнь других стран. Отдел велся для своего времени оперативно и разнообразно, хотя политическая программа «Вестника Европы» не отличалась последовательностью и была довольно умеренна, о чем свидетельствовали, в частности, примечания, которыми редактор снабжал материалы «Политики». Остальные материалы входили в отдел «Литература и смесь».

Литературной программой «Вестника Европы» была пропаганда сентиментализма. В нем печатались переводы иностранных писателей и русских авторов, близких Карамзину, — Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, В. Пушкина, Жуковского. Привлек к сотрудничеству Карамзин таких писателей, как Державин и Херасков. Он сам составлял план издания и выполнял его.

Как свидетельствует М. А. Дмитриев, сотрудников по редакции у Карамзина не было. «Карамзин трудился

⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 683.

⁹ Там же, стр. 678.

над изданием «Вестника» один, совершенно один. Он печатал стихи и статьи, присылаемые посторонними; но не только не было у него по-нынешнему сотрудников, даже и постоянных участников». Дмитриев объясняет это причинами, вполне, с его точки зрения, объективными: «Кого нашел бы Карамзин в сотрудники, если б и искал? Кто тогда, в 1802 и 1803 году смог бы писать по-карамзински? — Это была бы такая пестрота в журнале, которая тогда бросалась бы в глаза: это было такое время, когда русский журнал не был еще фабрикой»¹⁰. «Фабрикой», «отраслью промышленности» журналы стали с 30-х годов XIX в., когда начала выходить «Библиотека для чтения».

Литераторы, не разделявшие позицию Карамзина, — «недоученные старцы и юноши», как их презрительно называет М. А. Дмитриев, «отделились с своими произведениями под защиту компиляторных журналов... Тут уж не было не только вкусу, но даже и некоторых правил риторических, ... тут писали и печатали, кто что вздумал, кто как умел, в это время образовались поэты Коптеевы, сочинители «экс-лиз» и «Лизеток»¹¹. Такие журналы обычно были недолговечными, большинство из них существовало один-два года, выписывали их в основном провинциальные помещики. Журналы не имели постоянного и достаточно широкого круга читателей и были для издателей убыточными. Лишь при тираже 300—500 экземпляров журнал окупал себя, а доход мог давать при еще более значительном количестве подписчиков. Уместно сказать, что тираж «Вестника Европы» в первый же год достиг 1200 экземпляров.

В 1812 г., через 10 лет после выхода в свет «Вестника Европы», Александр I отпустил тысячу рублей для издания нового еженедельного журнала «Сын Отечества». Как и «Вестник Европы», этот журнал существовал много лет. В подзаголовке «Сына Отечества» стояло: «Исторический и политический журнал», целью его было возбудить в читателе патриотический подъем. Редактором-издателем журнала был Н. И. Греч — бывший учитель петербургской гимназии и секретарь цензурного комитета.

¹⁰ М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854, стр. 124.

¹¹ Там же.

В первый период своего существования, в 1812—1813 гг., «Сын Отечества» был самым передовым журналом того времени. Гражданский пафос и политическое свободомыслие проявлялись в отборе произведений и разработке тем, в литературной форме материалов, в их языке.

Поэзия была представлена одой, гимном, исторической песней, патриотической басней. Вначале художественные произведения в особый отдел не выделялись, но с 1814 г. появился постоянный литературный отдел. В него входили не только художественные произведения, но и критико-библиографические материалы. В 1815 г. здесь впервые в русской периодической печати было опубликовано ежегодное обозрение литературы, жанр, прочно вошедший в русскую журналистику. Греч-редактор ввел в практику иллюстрации, подчиненные общей цели журнала, среди них преобладали политические карикатуры.

Позже журнал превратился из общественно-политического в научно-литературный, явно реакционный по своему характеру.

Современники свидетельствуют, что Греч «не выпускал из рук пера, переводил, сочинял, держал корректуру, бегал в цензуру, в газетную экспедицию, в типографию бранил заочно Наполеона и его маршалов, отпускал на счет их острые слова и месяца через два имел уже что называется верный кусок хлеба»¹².

Состав издателей в первой половине XIX в. был крайне пестрым. Многие авторы издавали свои произведения сами, а потом сдавали их на комиссию в книжные лавки. Если доход был гарантирован, издания принимали владельцы типографий. Иногда, учитывая спрос, издавали книгу книгопродавцы. Издания на государственные средства предпринимала Академия наук, научные же общества сами издавали свои труды.

Издатель книги, не относившейся к литературе художественной, был по старой традиции часто и редактором ее. Об этом свидетельствует, например, письмо одного из владельцев придворной типографии Кряжева автору книги «Указатель российских законов» Максимовичу, датированное январем 1805 г.: «Вы же сами знаете,

¹² А. Е. Измайлов. Соч., т. 2. СПб., 1849, стр. 489.

что я кроме обязанности моей печатать получаемый от вас оригинал вам деятельно помогал и в приведении его в порядок, публикации все в газетах, письма по губерниям писал и переписывал я; после того всегда большую переписку вел с иногородними подписчиками; за пересылку писем, за публикации в газетах платили мы; корректуру, кроме корректора и вас, я тоже читал: с половину 3-й и всю 4-ю части я один корректора исправлял...»¹³. Выпуск «Указателя» стоил владельцам типографии больших издержек и трудов. Они вынуждены были просить займа у казны, но так и не закончили издания. Вышли лишь три части, четвертая выпущена не была.

Издание авторами своих сочинений было очень распространено, но уже в 30-х годах такие книги часто невыгодно отличались по своему качеству от книг, выпущенных издателями-профессионалами.

В 1835 г. «Московский наблюдатель» писал об авторском издании «Миргорода» Н. Гоголя: «Мы желали бы также, чтоб повествователь не был сам и издателем своих повестей и поручил бы другим заботиться об опрятности своих изданий. Иногда, читая его страницы, думаешь, что держишь корректуру и как-то невольно хочется ее выправить. А эта опрятность есть необходимая обязанность перед публикой: нельзя же нечесанным и в нечищенном фраке приехать в общество! К тому же иные смотрят только на задний двор в сочинении. Надо же таких беречься. Это не расчет, вредный самому же автору»¹⁴. Также с большим количеством опечаток была выпущена первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Гоголь исправил их в особом приложении, начатом ироническим предисловием: «Не прогневайтесь, господа, что в книжке этой больше ошибок, чем на голове моей седых волос. Что делать? Не доводилось никогда еще возиться с печатною грамотою»¹⁵.

Редакторские обязанности при издании книг — произведений художественной литературы — были поделены между автором или переводчиком и корректором.

¹³ М. Полуденский. Типография Мея и Кряжева. «Библиографические записки», 1859, № 19, стр. 600.

¹⁴ «Московский наблюдатель», 1835, ч. 1, стр. 411.

¹⁵ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 137.

Сводились они практически к соблюдению точности оригинала. Издатель был лицом, ответственным за книгу, но в самом процессе подготовки ее не участвовал.

В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях», перечислив четыре периода нашей словесности: ломоносовский, карамзинский, пушкинский и прозаически-народный, пятым периодом называет смирдинский и считает началом его выход первой части альманаха «Новоселье», т. е. 1832 г.: «А. Ф. Смирдин является главою и распорядителем сего периода. Все от него и все к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться, словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность»¹⁶. Наступил так называемый коммерческий период в развитии русской литературы.

В 1833 г. князь П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «Смирдин дал ему (Погорельскому) 9 тыс. руб. за «Монастырку» в двух маленьких частях. Конечно, это не парижская, не лондонская плата, но по нашей малочисленной и исключительно русской публике должно дивиться развитию книжной промышленности у нас. Давно ли Карамзин продавал все сочинения свои тысяч за десять с небольшим, Батюшков все свои — за две тысячи. А теперь Смирдин за второе издание их предлагает семь или восемь тысяч рублей. Стало, Русь начинает книжки читать, и грамота у нас на что-нибудь да годится. Можно головою прокормить брюхо: слава те, господи»¹⁷.

Благодаря нововведениям Смирдина была, по сути дела, создана профессия писателя, укрепилось его положение в обществе. «Промышленный» размах книгоиздательского дела сказался на всех его процессах, изменения были разительны.

По широте издательских предприятий современники сравнивали Смирдина с Новиковым. Он издавал сочинения Державина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова и других русских писателей так, как в типографском отношении их прежде никто и никогда не

¹⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 98.

¹⁷ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. 3. СПб., 1899, стр. 221.

издавал, увеличил тиражи, снизил цены. Смирдину удалось осуществить в книжном деле то, в чем давно назрела необходимость. Но будучи бесспорно незаурядным, талантливым человеком, он все же не мог редактировать своих изданий. Он был только издателем и никак не редактором. Было известно, что «писал он довольно неправильно, с большими орфографическими ошибками; во внутреннее содержание книг, предлагаемых ему для издания, никогда не входил, довольствуясь объяснениями авторов»¹⁸. Смирдин уже четко представлял необходимость иметь редакторов в его широком задуманном издательском предприятии. Выбор этих редакторов не всегда был удачным. И не только малая образованность Смирдина была тому причиной. «Окончи он все высшие учебные заведения, ему все равно было бы не пройти мимо Сенковских и Булгаринных, которые не только «царили» в начале его издательской деятельности, но и были в силе раздавить каждого неугодного им издателя... Немного удалось бы напечатать Смирдину, сделайся он сразу открытым врагом Булгаринных и Сенковских»¹⁹. С этим выводом Н. П. Смирнова-Сокольского, автора книги о Смирдине, трудно не согласиться.

Смирдин-издатель начал с романа Ф. Булгарина «Иван Иванович Выжигин». Это было в 1823 г. Роман благодаря своему острому сюжету, который разработан на материале русского быта, имел большой успех. Весь тираж — около 4 тыс. экземпляров — раскупили в три недели. Булгарину первому Смирдин выплатил большой литературный гонорар — 2 тыс. рублей ассигнациями.

Репутация у Булгарина была плохая. Дважды за свою жизнь он совершил государственную измену. Будучи в русской армии, перешел на сторону Наполеона, сражался против русских в корпусе маршала Удино, а в 1814 г. вернулся в русское подданство. Известны были и другие его неблагоприятные поступки. Булгарин не скрывал своих связей с III отделением. В 1909 г.

¹⁸ «Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет». СПб., 1903, стр. 54.

¹⁹ Н. П. Смирнов-Сокольский. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957, стр. 30.

М. К. Лемке опубликовал исследование «Николаевские жаандармы и литература 1826—1852 гг.» — архив III отделения. Огромное количество доносов, поступивших туда за этот период, написано Булгариным. Булгарин, Греч, который был тогда уже далек от прогрессивных настроений, создавших добрую славу «Сыну Отечества» времен войны 1812—1814 гг., а с 1834 г. и О. Сенковский — редактор «Библиотеки для чтения», журнала, издававшегося Смирдиным, составили так называемый «журнальный триумvirат» и сыграли роковую роль в судьбе Смирдина и его издательского предприятия.

Сохранился интересный документ, датированный 1832 г., который проливает свет на отношения между издателями и редакторами в то время, и в частности, на отношения Смирдина, с одной стороны, Греча и Булгарина — с другой²⁰. Это проект условий совместного издания «Северной пчелы» и «Сына Отечества» с «Северным архивом». Смирдин назван материально-ответственным лицом и собственником этих изданий. Он их издатель и полный хозяин. Греч и Булгарин — неперемненные редакторы. Булгарин должен доставлять определенное число статей. Греч, не обязанный писать статьи оригинальные, выбирает и назначает статьи для перевода, исправляет слог, держит корректуру и наблюдает за исправным и безостановочным ходом журналов. На нем лежит ответственность перед правительством, он «заведует» отношениями с цензурой, с III отделением канцелярии его императорского величества и с министерствами иностранных дел и императорского двора. В других изданиях редакторы не имеют права участвовать.

Сотрудники редакции подразделялись на «неперемненных», которыми были Очкин и Юханцов, и «временных». Первые получали помесячное содержание и состояли в полном ведении и распоряжении Греча. Временные — привлекались только с согласия Смирдина, но в условиях оговорено, что в числе их должен находиться Александр Марлинский, сотрудничеством которого как автора литературных обзоров и популярного романиста редакторы очень дорожили. От временных сотрудников статьи поступали в редакцию через Смирдина. Однако

²⁰ См. С. Шпицер. Права и обязанности редакторов и издателей в 1830—1840 гг. «Наша старина», 1916, № 2, стр. 152—154.

в делах редакции Смирдин имел голос только «совещательный», он не мог браковать статей, подписанных редакторами.

Вмешательство журнального триумвирата в издательские дела Смирдина вызывало резкий протест русских литераторов. Дмитриев в своих записках «Мелочи из запаса моей памяти» пишет: «Худшее издание сочинений Богдановича — это, бесспорно, смирдинское 1848 года, который перепортил текст во всех наших авторах. У Ломоносова, Карамзина, Капниста, Лермонтова, словом у всех, где не достает стихов, где они переломаны, где переставлены с места на место, даже у Карамзина один стих из 37 куплета попал вперед, в 12. Там вышло 7 стихов, а тут 9. Такие издания — стыд наших типографий»²¹.

Белинский высоко оценивая замысел Смирдина сделать доступной широкому читателю «Историю государства Российского» Карамзина, которая в его издании стоила всего 30 рублей ассигнациями, вместо прежних полутора, одобряя ее полиграфическое оформление — 12 небольших книг в 12-ю долю листа, напечатанных не слишком мелким и очень четким шрифтом, — строго осудил образованных, просвещенных ученых и даровитых писателей, принимавших участие в редактировании «Истории», которые дали Смирдину «благой и мудрый совет — частью посократить, частью повыбросить примечания!.. Зачем это было сделано? Затем, чтоб книжка была тоньше, издание обошлось дешевле и его можно было бы пустить в продажу дешевле»²². Этими «образованными, просвещенными учеными и даровитыми писателями» были Булгарин, Греч и Сенковский.

Последние годы книгоиздательства Смирдина совпали с эпохой усиления самодержавного гнета.

Политический и культурный кризис России замедлил процесс формирования читательской группы, в расчете на которую Смирдин предпринимал большинство своих изданий, многотиражных и дешевых. Его попытка совместить задачи просветительские, демократические с капиталистическими принципами в книжном деле была осуждена на неудачу, а лжедрузья Смирдина — Булгарин, Греч и Сенковский ускорили его разорение.

²¹ М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, стр. 8.

²² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 243.

Одной из попыток Смирдина, понимавшего, вероятно, трудность своего положения, примирить непримиримых противников—журнальный триумvirат и противостоящие ему силы русской литературы—было издание сборников «Новоселье». Выходом первого сборника было ознаменовано новоселье смирдинской книжной лавки, которая переехала на Невский проспект в новое помещение.

В сборнике участвовали Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский, Крылов, Булгарин, граф Хвостов, Греч, Сенковский, Шишков. Центральное место занимал фельетон Сенковского «Большой выход у Сатаны». Чтобы дать представление о манере Сенковского-литератора, процитируем описание главного героя, «который был грязным, отвратительным, с всклокоченными волосами, с одним выдолбленным глазом, с одним сломанным рогом, с когтями, как у гиены, с зубами без губ, как у трупа, и с большим пластырем, прилепленным сзади, пониже хвоста»²³. Фельетон содержал нападки на писателей, а черт служил символом всех вообще политических реформ.

В 1833 г. вышла вторая книга «Новоселья». Эти сборники подготовили почву для выхода журнала «Библиотека для чтения». Когда в 1834 г. было объявлено об его издании, охотников подписаться на журнал было такое множество, что для водворения порядка в толпе потребовалось вмешательство полиции. Тираж был неслыханным, он достиг вскоре 7 тыс. экземпляров. Успехом своим журнал был прежде всего обязан редактору—О. И. Сенковскому.

О Сенковском существует два крайне противоречивых мнения. Распространенным и общепринятым является полное и безоговорочное отрицание его деятельности. Сенковского называют беспринципным человеком, плутом, чуть ли не жуликом, недобросовестным дельцом, считают, что он не представлял интереса как литератор, его редакторство до сих пор синоним недобросовестной редакторской работы. Близость Сенковского к Гречу и Булгарину дает основания подозревать о его связях с III отделением.

²³ О. И. Сенковский. Собр. соч., т. I, СПб., 1858, стр. 379.

Иной точки зрения придерживается В. Каверин в книге «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения», изданной впервые в 1929 г. и переизданной в 1966 г. издательством «Наука». Уже в предисловии Каверин пишет о Сенковском как о знаменитом ученом, одном из основателей русского востоковедения, классике популяризации, который широко, талантливо, умело ввел в обиход русской интеллигенции научные вопросы в основном из области экспериментального естествознания, как о создателе жанра научно-философской повести. Каверин ставит вопрос, соизмеримы ли имена Булгарина, Греча и Сенковского, и разрушает журнальный триумvirат, выводя оттуда Сенковского. Эпиграф к книге, взятый из Герцена, подтверждает авторскую позицию: «Блестящий, но холодный лоск, презрительная улыбка, нередко скрывающая за собой угрызения совести, жажда наслаждений, усиливаемая неуверенностью каждого в собственной судьбе, насмешливый и все же невеселый материализм, принужденные шутки человека, сидящего за тюремной решеткой»²⁴. Каверин приводит положительные высказывания о Сенковском Чернышевского, Писарева, Горького, подробно анализирует огромное количество архивных источников. Фельетонную манеру Сенковского, которой тот явно злоупотреблял, он толкует как «разрушительный дух иронии», расшатывающий и разрушающий в умах идеи монархии. «Всеобщее отрицание и дурного и хорошего вместе с ним» объявляет «игрой», борьбой с цензурой, защитой материализма и европеизма, а ожесточенные литературные бои объясняет тем, что Сенковский не был допущен в литературные салоны писателей-аристократов.

Можно ли присоединиться к этим выводам Каверина? Ответ на такой вопрос далеко не прост и требует серьезного исследования. Не исключено, что писателя увлекла необычность судьбы Сенковского, настолько яркой и противоречивой, что Каверину ни разу не пришлось прибегнуть к излюбленным им приемам острого сюжетного построения, так как сама биография Сенковского может служить сюжетом авантюрного романа.

²⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 120.

Сенковский был незаурядным редактором. «Библиотека для чтения» — первый русский толстый журнал, открывший собой ряд изданий, без которых теперь невозможно представить развитие русской общественной мысли XIX в. Уже название «Журнал словесности, художеств, промышленности, наук, новостей и мод» — свидетельство об его энциклопедическом характере. «Это был не просто журнал, — пишет Каверин, — это было открытие читателя». Провинциальный читатель был завоеван первым же номером. Расчет на «большинство» оказался правильным. Здесь был «товар» на все профессии и на все вкусы. Композиция каждого журнального номера подчеркивала эту особенность содержания. Одним из важнейших отделов был отдел «промышленность и сельское хозяйство», в нем сотрудничали многие видные ученые. Литературный отдел, в котором сначала было объявлено много имен, под конец превратился в трибуну самого Сенковского. Здесь он печатал собственные произведения или переделанные им до неузнаваемости произведения других авторов. Став на третий год существования журнала единоличным его редактором, Сенковский объявил об этом читателям: «Те, которые носили звание редакторов «Библиотеки для чтения», слишком невинны в ее недостатках, чтобы отвечать за них перед публикою, и слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. Весь круг их редакторского действия ограничивался чтением третьей, последней корректуры уже готовых оттиснутых листов, набранных в типографии по рукописям, которые никогда не сообщались им предварительно»²⁵. Редакторские принципы Сенковского сформулированы им самим довольно откровенно: «Есть писатели, которые пишут прекрасно в одной только «Библиотеке для чтения». Когда они печатают в «Библиотеке для чтения», слог их жив, плавен, разнообразен, обороты их исполнены ловкости и вкуса, содержание мило и порой остроумно; но пусть только напечатает они в другом месте то же самое или что-нибудь новое, все эти качества вдруг улетают из-под пера. Ежели это не количество, так уже верно особенное качество

²⁵ «Библиотека для чтения», 1836, т. XVII, стр. 23—24.

бумаги, на которой печатается «Библиотека для чтения»... У «Библиотеки для чтения» есть такой ящик — что уж таиться в этом! — есть такой ящик с пречудным механизмом внутри работы одного чародея, в который только стоит положить подобный рассказ, чтобы, повернув несколько раз рукоятку, рассказ этот перемололся весь, выгладился, выправился и вышел из ящика довольно приятным и блестящим, по крайней мере четким. Многие, многие им пользуются!.. В «Библиотеке для чтения» редакция значит редакция в полном смысле этого слова, то есть сообщение доставленному труду принятых в журнале форм, обделки слога и предмета, если они требуют обделки...»²⁶.

К «Отцу Горю» Сенковский смело приделывает счастливое окончание, делая Растиньяка миллионером, так как знает, что провинция любит счастливые окончания в романах и повестях. Кардинально был переделан им роман Э. Сю «Парижские тайны». Об этом Сенковский сам пишет с гордостью цензору Никитенко: «Я сам принялся за дело. Переделано на славу. Все устранено. Окончание романа такое нравственное, что, право, известно. Не станут верить. Скажут: Жан Поль Рихтер, а не Сю. Все сцены предосудительные и даже только сомнительные просто уничтожены. Перипетия совсем другая... Сам я в удивленье от своей изобретательности. Сто лет читая, не найдете ни одного слова для красных чернил»²⁷.

О том, как «правит» Сенковский, пишет М. П. Погодину Гоголь: «Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам»²⁸.

Сенковский вызывал возмущение многих литераторов. Не мог согласиться с его редакторской манерой Н. Полевой, сам редактор и издатель: «Редактор наложил право нестерпимого цензорства на все мои статьи, переделывая в них язык по своей методе, переправляя

²⁶ «Библиотека для чтения», 1836, т. XVIII, стр. 7.

²⁷ Цит. по кн.: В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966, стр. 63—64.

²⁸ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 293.

их, прибавляя к ним, убавляя из них, и многое являлось в таком извращенном виде, что читая «Библиотеку для чтения», иногда вовсе я не мог отличать, что такое хотел я сказать в той или иной статье...

Я послал редактору статью о комедии М. Н. Загоскина «Недовольная», где говорил о комедии Грибоедова, изъявляя беспристрастно мнение мое и отдавая справедливость и прекрасному произведению М. Н. Загоскина и превосходному произведению Грибоедова. Редактор прибавил брань на «Ревизора», комедию г. Гоголя, и придал словам моим о Грибоедове такой смысл, что ими оскорбил всех почитателей памяти Грибоедова, и прежде всего первого меня. В статье о Пушкине, написанной мною по получении в Москве известия о горестной утрате великого поэта, редактор вставил целую страницу мнений своих о русском языке, с коими я никак не мог согласиться (тем более, что под статью было написано мое имя)»²⁹.

Вмешательства Сенковского в текст производят впечатление настоящего литературного разбоя. Эти вмешательства слишком бесцеремонны, чтобы предположить, что они случайны. Редакторские принципы Сенковского соответствовали системе его теоретических воззрений, и в частности, той «теории разговорного языка», под знаком которой проходит вся его критическая работа. Стремясь во что бы то ни стало сделать журнал занимательным, привлечь к нему как можно больше читателей, Сенковский решал проблему занимательности единолично, вступал в противоречие с индивидуальной манерой авторов, отнюдь не расположенных к излюбленному им фельетонному стилю. Различия в критериях журналистики и литературы Сенковский не признавал.

Разнообразие отделов «Библиотеки для чтения» не препятствовало вытеснению с его страниц беллетристики журнальной прозой. Отсюда излюбленные приемы Сенковского — автора и редактора, этим объясняются его понимание журнального языка, выпады против архаических прилагательных, предлогов, союзов, местоимений *сей* и *оний*. Не ставя перед собой высоких задач, Сенковский стремился к одному — чистоте языка, лег-

²⁹ Н. Полевой, Очерки русской литературы. СПб., 1839, стр. XVI—XVII,

кости и занимательности изложения. Журнал его не был делом ни общественной группы, ни литературной школы. Отсюда противоречия как во внутренних делах «Библиотеки для чтения», так и в отношениях ее редактора с другими литераторами.

Объявив читателям о своей единоличной ответственности за журнал, Сенковский и в действительности весь журнал делал один. Если Карамзин работал один потому, что равных ему литераторов не было, Сенковский противопоставил себя большой группе писателей, многие из которых были намного талантливее его, принадлежали к более прогрессивному лагерю и представляли интересы определенных общественных групп.

Сенковский сыграл печальную роль не только в делах Смирдина. На его совести крушение еще одной издательской фирмы — фирмы Плюшара³⁰. Владелец ее Адольф Плюшар задумал издание русского энциклопедического словаря. Выпущенные при Екатерине II толковники и другие справочники уже не могли удовлетворить требования читателей, знакомых с французскими и немецкими справочными изданиями. Дело обещало быть прибыльным. Главным редактором Плюшар пригласил Греча. Издание было начато удачно, но в дело вмешался Сенковский, поссорил Греча с Плюшаром и занял кресло редактора. Сенковский совершенно не подходил к роли руководителя серьезного издания. Его литературная манера, стремление к парадоксам привели к тому, что определение грамматики в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара включило в себя следующее утверждение: «Грамматика есть искусство писать таким образом, как никто не говорит, и говорить так, чтобы все смеялись над вами»³¹. Издание было рассчитано на 24 тома, но под руководством Сенковского 17-й том был закончен только на букве «д». При таких темпах издание грозило затянуться лет на 40 и составить около 85 томов. Подписка на него прекратилась, кончились и доходы Плюшара, и когда подошли очередные сроки платежей по векселям, Плюшар был объявлен несостоятельным.

³⁰ См. Андерсон. Семейство Плюшар — типографы. «Русский библиофил», 1911, № 1, стр. 36—40.

³¹ «Энциклопедический лексикон», т. 15. СПб., 1838, стр. 69, стлб. 2.

Огромные убытки принесло сотрудничество с Сенковским и для Глазуновых³², хотя эти издатели и славились своей осторожностью. Сенковский убедил Глазунова взять его редактором «Военной библиотеки», которая имела характер периодического издания. Она выходила отдельными томами и велась, хотя скромно, но регулярно. Вторым редактором Сенковский пригласил профессора военной академии барона Медема и поставил дело на широкую ногу. Издание стало выходить в расчете на специальный круг читателей, которых оказалось очень немного. В результате, просуществовав три года, оно прекратилось, принеся издателю убыток в 20 тыс. рублей ассигнациями.

Авантюризм, размах, не соответствовавший реальным возможностям, стремление к обогащению, хотя богатым Сенковский так и не стал, и, главное, отсутствие общественных идеалов, противопоставление практицизма науке, политики — литературе привели к тому, что само имя барона Брамбеуса звучит для нас как нарицательное, а его часто ценные по своей сути нововведения вызывали у современников протест и не были должным образом оценены.

³² См. Н. М. Лисовский. Очерк столетней деятельности типографов Глазуновых. СПб., 1903, стр. 70.

А. С. ПУШКИН-РЕДАКТОР



первой трети XIX в. определился характер работы редактора, круг его обязанностей в современном понимании этого слова. Хотя все основные этапы редакторской работы, как мы видели, были известны и раньше в издательской практике, но существовали они разобщенно и далеко не во всех случаях были обязательны. При издании произведений художественной литературы, например, полностью отсутствовал такой этап, как работа над текстом, не была реальной и предварительная работа редактора с автором, хотя эти виды редакторской работы существовали при подготовке книг научных. Расширение книгоиздательского дела, новшества в его организации убедили всех крупных издателей не только научной, но и художественной литературы — Смирдина, Глазунова, Оленина, Плюшара — в необходимости редакторской подготовки книг.

Какую бы проблему истории русской литературы, а следовательно и истории русской книги первой половины XIX в. мы ни рассматривали, мы неизбежно приходим к тем изменениям, которыми обязаны А. С. Пушкину — мыслителю, писателю, критику. Пушкин возвел на новую ступень русскую литературу, которая в нем одном, по словам А. Н. Островского, «выросла на целое столетие»¹. Нет ни одной области литературы, где бы Пушкин не сказал нового слова. Поэзия, проза, драма, лите-

¹ А. Н. Островский. Собр. соч., т. X. М., Гослитиздат, 1960, стр. 151.

ратурная критика, публицистика обязаны ему своим дальнейшим развитием. Из этого перечня нельзя исключать и редактирование как вид литературного труда, потому что именно благодаря Пушкину оно обрело в полном объеме то содержание, которое вкладывается сегодня в это понятие. В редакторской практике Пушкина мы находим новое понимание обязанностей редактора, в его статьях и заметках — теоретическое обоснование редактирования.

О Пушкине — классике нашей литературы, Пушкине-критике, Пушкине-журналисте и публицисте написано много фундаментальных научных трудов, созданы монографии о языке и стиле Пушкина, но тем не менее богатство этих тем не исчерпано, они привлекают и будут привлекать все новых исследователей. Белинский писал о Пушкине, что он принадлежал «к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее»². И действительно, новые проблемы возникают перед нами — мы обращаемся к Пушкину, и находим много поучительного для себя.

Одной из таких новых проблем в области литературного труда является в наши дни создание теории редактирования. Не будем сетовать, что до сих пор тема «Пушкин-редактор» не подвергалась специальному исследованию, но выскажем уверенность, что она непременно найдет себе место в науке.

Обзор работ, посвященных Пушкину-редактору, занимает немного места. Книга С. Гессена «Пушкин-издатель», выпущенная в 1930 г., рассматривает издательскую деятельность Пушкина очень односторонне, лишь с точки зрения литературного гонимого и представляет собой исследование, типичное для 30-х годов. Написанные к пушкинскому юбилею 1937 г. статьи С. Дурылина, В. Шкловского и других авторов также не охватывают в полной мере материал и посвящены редактированию Пушкиным лишь периодических изданий — «Литературной газеты» и «Современника».

В пособиях по истории русской журналистики и критики, созданных в наше время, тема о Пушкине-редак-

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 101.

торе стала традиционной и разработана подробно, но в силу самой специфики этих трудов задача в полной мере осветить редакторскую работу Пушкина не стояла перед их авторами. Ряд статей, в которых рассматривается редакторство Пушкина, опубликован в «Литературном наследстве» и периодических изданиях Академии наук, однако воедино эти исследования до сих пор не сведены, и примеры из редакторской практики Пушкина упоминаются в большинстве случаев лишь в качестве иллюстраций к определенным положениям, касающимся языка его произведений, его литературной манеры и т. п. Очевидно, что далеко не весь материал, нуждающийся в рассмотрении в связи с проблемой Пушкин-редактор, выявлен и достаточно тщательно и всесторонне обследован.

Началом редакторской и журналистской деятельности Пушкина обычно называют его сотрудничество в «Литературной газете» Дельвига, т. е. 1830 г. Но уже до этого Пушкин публиковал свои произведения в «Сыне Отечества», «Вестнике Европы», «Московском телеграфе». Еще в 1827 г. он задумывает вместе с Вяземским издание журнала «Современник», на который тогда не удалось получить разрешения.

В «Литературную газету» Пушкин пришел уже опытным журналистом, владеющим публицистическими приемами, знающим технику редакционной и издательской работы. С января по март 1830 г. он редактировал газету один и блестяще выполнял обещание, данное читателям во вступительной статье при начале издания: «Знакомить образованную публику с лучшими произведениями литературы европейской и особенно российской». Литературный отдел газеты выделял ее из всех периодических изданий того времени. Лучшие литераторы, все те, кто не признавал монополии «Северной пчелы» Булгарина, группировались вокруг нее, и Пушкин стремился расширить круг этих авторов. Он печатал Д. Давыдова, Ф. Глинку, Е. Баратынского, П. Катенина, Н. Языкова, стремился привлечь к сотрудничеству литераторов старшего поколения. А. Шаховской пишет С. Аксакову в 1830 г.: «Вступил в союз с Пушкиным и прочими, хотя и не думаю, чтоб у них, несмотря на известность имен, достало терпения и настойчивости для совершенного очищения нашей словес-

ности от пакостников»³. Терпения и настойчивости у Пушкина хватало, но борьба была неравной. Отдел политики «Литературной газете» не был разрешен, а издание, печатавшее только литературу и критику, не могло рассчитывать на широкую читательскую аудиторию.

«Литературная газета» существовала недолго, но оставила заметный след в истории русской общественной мысли главным образом благодаря своим критическим статьям. Все значительные произведения печатались в ней с разборами или краткими рецензиями в отделе «Библиография». В критике Пушкин видел выражение общественного мнения, средство руководства литературой, средство воспитания читателя. Из оценки, данной им первым выступлениям В. Г. Белинского, можно вывести те черты, которыми, в представлении Пушкина, должен был обладать критик: независимость мнений, ученость, начитанность, уважение к преданию, осмотрительность, зрелость⁴. Позиция «Литературной газеты» была тверда и определена: критику должно быть чуждо пристрастие и лицепрятие экстренного суда. Он должен руководствоваться своими внутренними убеждениями и коренными законами, а не одной силой обстоятельств и личных отношений, отличаться широкими познаниями литературскими.

Эти установки, намеченные в «Литературной газете», были развиты Пушкиным в «Современнике». Критические статьи, напечатанные там, дальнейшая разработка положений, сформулированных в определении Пушкиным критики как науки «открывать достоинства и недостатки в произведениях искусств и литературы», науки, основанной на «совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений»⁵, служили основанием для оценки литературных произведений и редакторских рекомендаций.

³ Два письма кн. А. А. Шаховского к С. Т. Аксакову. Сообщено И. С. Аксаковым. «Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 472.

⁴ См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 97.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 159.

Сенковский вел свой журнал один, с презрением относясь к другим литераторам. Он считал себя единственным и непогрешимым судьей их творений, «правил» и изменял текст так, что зачастую сам автор не мог его узнать. Из «волшебного ящика» «Библиотеки для чтения» выходили «выглаженные» и «выправленные» произведения, удовлетворяющие лишь непритязательному вкусу неискушенного, но зато многочисленного читателя. Пушкин оставил школу и последователей. «Все должно творить в этой России, и в этом русском языке»⁶, — писал он и был неутомим в поисках новых талантов и в поддержке их. Последняя записка, написанная им в день дуэли 27 января 1837 г., адресована писательнице Ишимовой: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»⁷.

Современники свидетельствуют о том, что он «до пристрастия привязывался к каждому возникающему таланту», об удивительном свойстве Пушкина — «совершенном отсутствии профессиональной зависти», о его «милом, любезном, истинном желании видеть дарование во всяком начале, поощрять его словом и делом и радоваться ему»⁸.

Пушкин-редактор публиковал стихотворения никому не известных тогда Кольцова и Слепушкина. В «Современнике» он сразу напечатал целую тетрадь — 23 стихотворения Тютчева, до тех пор нигде не печатавшегося. Всякая искра таланта находила его поддержку. Имя поэта А. А. Шишкова было мало известно современникам, совсем забыто оно сейчас, но автограф Пушкина — письмо Шишкову — остался: «Что стихи? куда зарыл ты свой золотой талант? под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Если есть у тебя что-нибудь, пришли мне, — право, сердцу хочется»⁹. Своей рукой Пушкин вписал начальные строки в тетрадь, подаренную им актеру М. С. Щепкину: «Записки актера Щепкина. Я родился в Курской губернии Обоян-

⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 519.

⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 623.

⁸ См. К. Богаевская. Пушкин и молодые писатели. «Несзыб мир», 1949, № 6, стр. 170.

⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 72.

ского уезда в селе Красном, что на речке Пенке»¹⁰. По свидетельству Смирдина, Пушкин просмотрел и исправил всю сказку Ершова «Конек-горбунок», а первые четыре стиха написал сам.

Гоголь писал о Пушкине: «Все, что у меня есть хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой («Мертвые души». — *К. Н.*) есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим»¹¹.

До нас дошли тетради записок Нащокина с поправками Пушкина, его замечания и поправки к рукописям Вяземского, к «Запискам кавалерист-девицы Надежды Дуровой», его советы многим литераторам, его отзывы о литературных произведениях, не предназначенные для печати. «О произведениях словесности он судил верно и с особенным каким-то достоинством, не говоря почти никогда о собственных своих сочинениях, он любил разбирать произведения современных поэтов и не только отдавал каждому из них справедливость, но и в каждом из них умел отыскать красоты, каких другие не заметили»¹²,—писал в своих воспоминаниях И. Д. Якушкин. Именно от Пушкина берет свое начало литературное наставничество как одна из наиболее ярких и характерных черт наших литераторов — общественных деятелей, ставшее впоследствии необходимой частью работы редактора.

О взыскательности и требовательности Пушкина-редактора говорит, прежде всего, его работа над собственными произведениями. Пушкинские черновики—огромное поле для наблюдений не только текстолога, но и редактора. Исследователь рукописей Пушкина проф. С. Я. Бонди называет черновики Пушкина типичными «для черновиков поэта вообще»¹³. Весь процесс работы над произведением получал отражение в рукописи.

¹⁰ М. С. Щепкин. Записки. Письма. Воспоминания современников о М. С. Щепкине. М., «Искусство», 1952, стр. 59.

¹¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 91.

¹² И. Д. Якушкин. Записки. СПб., 1905, стр. 50.

¹³ С. Бонди. Черновики Пушкина. М., «Просвещение», 1971, стр. 144.

Лучшая школа для редактора — анализ редакторских замечаний и поправок Пушкина. Подробнее других изучены замечания Пушкина на «Опыты в стихах» К. Н. Батюшкова. Впервые сообщил эти замечания Л. Н. Майков в своей статье «Пушкин о Батюшкове», напечатанной в 1899 г. Автограф Пушкина был тогда уже утерян, и источником служил экземпляр Майкова, в который он перенес в свое время эти замечания. Впоследствии замечания Пушкина публиковались неоднократно, им посвящено специальное исследование, напечатанное в «Литературном наследстве»¹⁴.

Пушкин высоко ценил Батюшкова как поэта. «Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского»¹⁵, — писал он.

Поправки, замечания и подчеркивания, сделанные Пушкиным в тексте «Опытов...» различны по смыслу¹⁶. Это, во-первых, те, что касаются требований гармонии. Пушкин подчеркивает слабые рифмы (*безмолвных — единокровных, благосклонен—вероломен*), причем обращает внимание не только на концы стихов, но и на слоги, предшествующие рифме: рифма должна завершать звучание каждого стиха на всем его протяжении. Пушкин подчеркивает стечение трех и больше согласных, повторы согласных и их сочетаний, отмечает задержку в ритме. Малейшего нарушения гармонии—этого необходимого качества поэтического произведения — Пушкин не допускал. «Зарезала меня цензура! — писал он после возвращения из цензуры «Кавказского пленника». — Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала*. То ли дело. *Ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры?»¹⁷.

Однако замечания Пушкина далеко не исчерпываются требованиями гармонии. Смысл и точность для поэтической речи не менее важны, чем гармония, хотя

¹⁴ В. Комарович. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. «Литературное наследство», сб. 16—18. М., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 885—904.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 19.

¹⁶ См. там же, стр. 564—592.

¹⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 65—66.

ком переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином Суворовского солдата с двуструнной балалайкой. — Это все друг другу слишком уже противоречит».

Все пушкинские автографы представляют собой ценности огромного значения. Все они многократно исследованы и описаны. Поэтому легко представить себе интерес, который был вызван в 1965 г. находкой неизвестного до тех пор автографа Пушкина — его помет на полях рукописи князя П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине». К истории редактирования этот документ имеет самое непосредственное отношение.

Рукопись Вяземского была обнаружена в Ленинграде в фонде Петербургского цензурного комитета. Публикации об этой находке вскоре появились в печати. В конце 1965 г. о ней был сделан доклад на заседании Пушкинской комиссии Академии наук, в 1968 г. в издательстве «Наука» вышла книга В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона «Новонайденный автограф Пушкина».

История рукописи такова. Еще в 1836 г. Пушкин писал о ней Вяземскому, поздравляя его «с благополучным возвращением из-под цензуры», но по разным причинам Вяземский несколько раз откладывал печатание книги. Лишь в 1846 г. он представил в цензурный комитет отпечатанные листы одиннадцати глав и вместе с ними для сличения рукопись. Цензор Никитенко оставил рукопись в делах комитета, а Вяземский не востребовал ее.

Пушкина очень интересовала эта работа Вяземского. В автобиографическом введении к запискам о Фонвизине Вяземский пишет: «Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил, нежели критиковал»¹⁸. Введение было написано Вяземским в 1830 г.

В 1831 г. Пушкин характеризует книгу Вяземского как «книгу едва ли не самую замечательную с тех пор,

¹⁸ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1880, стр. LI.

как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)»¹⁹. Не только образ Фонвизина и само содержание книги, но и форма ее вызвали сочувствие Пушкина. Вяземский включил в «Записки» многообразный материал, расширил принятые в то время жанровые рамки биографического произведения, создав вместо традиционного жизнеописания, яркое, многоплановое изображение характера и событий. Именно в это время Пушкин начал собирать материалы для истории своего времени, широко понимая задачу воссоздать ускользающее от традиционной истории многообразие общественной жизни.

В 1832 г. Вяземский давал читать рукопись нескольким литераторам, в числе которых был и Пушкин. К этому времени относятся пометы, сделанные им на рукописи. Их более тридцати. Замечания лаконичны и близки по манере к пометам, сделанным на книге Вяземского «О сочинениях Озерова». Некоторые места рукописи отчеркнуты. Кроме того, в текст внесены исправления. Многие в рукописи отмечены краткой пушкинской репликой на полях: «Прекрасно!» Так отмечены места, где говорится о том, что Россия, подобно другим государствам, «соучастница в общем деле европейском», полемические замечания Вяземского о литературе и журналистике. Поддерживая эти высказывания автора, Пушкин тем не менее остается крайне взыскательным к историческим фактам, к достоверности повествования. В нескольких местах он указывает на необходимость дополнить его ссылками на источники, круг которых очень разнообразен. Это «Записки» Казановы, сочинения Мерсье, Стерна, Вольтера. Ссылается Пушкин и на семейные предания о Фонвизине, приводя рассказ про постановки «Недоросля»: «Бабушка моя сказывала мне, что в представлении «Недоросля» в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и следовательно видели перед собою близких и знакомых, свою семью». Приводит Пушкин и свидетельство С. Л. Пушкина о том, что Фонвизин перед смертью был «занят своими картинами более, чем своими сочинениями».

¹⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 161.

Поддерживая Вяземского в главном, Пушкин далеко не всегда был согласен с ним в частности. Пометы отразили эту полемику.

Приводя письма Фонвизина, Вяземский, с точки зрения Пушкина, толкует их несколько тенденциозно, не точно передает оценку Фонвизиным энциклопедистов и Вольтера. Пушкин пишет на полях: «Описание Вольтерова торжества у Фон-Визина превосходно и есть исторический документ». Уточняет Пушкин и оценку Вяземским Княжнина и Карамзина. Следуя этим замечаниям, Вяземский внес в текст исправления.

Стилистических исправлений в рукописи немного — недаром Пушкин так ценит слог Вяземского: «Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли — к счастью, он мыслит...»²⁰.

В 30-е годы XIX в., несмотря на то, что интерес к жанрам прозаическим значительно возрос, культура прозы, ее язык были развиты недостаточно, они заметно отставали от языка поэтического. В статье «Взгляд на русскую литературу» А. Бестужев писал «о безлюдье в степи русской прозы»: «У нас такое множество стихотворцев (не говорю поэтов) и почти вовсе нет прозаиков: и как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних погрешностями противу языка. К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото оного на безделки»²¹.

Пушкинские замечания по поводу прозы поражают своей целеустремленностью. Манерность, отсутствие простоты и народности, искусственность, многословие цветистых фигур, «погоня за обветшалыми украшениями» вызывают его возражения и часто язвительные насмешки.

Борьбу за реалистический стиль в прозе Пушкин вел широко. Он создавал новые для русской литературы формы прозы, вовлекал в литературу народный язык,

²⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 66.

²¹ А. Марлинский. Полн. собр. соч., т. XI. СПб., 1840, стр. 217.

интересовался публицистической, исторической и научной прозой. Если Карамзин видел путь развития русской прозы (в широком смысле этого слова) в подчинении всех разновидностей речи стилистическим принципам художественного повествования, искание Пушкиным твердых принципов построения повествовательной прозы органически связано с его работой над отвлеченным, «метафизическим» языком. Сошлемся на труд акад. В. В. Виноградова, детально исследовавшего этот процесс. Основой «метафизического» языка, опорой его различных систем Пушкин считал стиль исторического изложения: «В понимании Пушкина исторический стиль близок к простой «летописной» записи основных, наиболее характерных событий или к скупым и лаконичным наброскам дневника, хроники...»²². Отсюда интерес Пушкина к запискам, мемуарам и другим историческим документам: «Борьба Пушкина со старыми нормами риторического повествования, осложненного стилистикой романтизма, борьба, ведшаяся во имя простоты и точности исторического и бытового стиля, достигает вершины в языке «Истории Пугачева»²³.

Над «Историей Пугачева» Пушкин работал в 1833 г. В основе ее лежат следственное дело о Пугачеве, документы губернских архивов, фольклорные материалы, свидетельства очевидцев, которых опрашивал Пушкин во время своей поездки по местам, где проходило восстание.

Эти материалы подробно изучены историками, фольклористами, не раз обращались к ним историки литературы. Однако до сих пор не рассмотрены записи Пушкина как результат работы литератора с документом, характер которой во многом близок к работе редакторской и имеет прямую аналогию, например, с таким распространенным в наше время видом литературного труда, как литературная запись.

Пушкин не скрывает от нас первичного материала. Большая часть источников помещена им в приложении. Он не цитирует на память, а пишет, имея перед глазами источник. Но уже делая свои черновые записи, Пушкин, как правило, изменяет текст документа. Включая же

²² В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 523.

²³ Там же, стр. 525.

материалы в «Историю Пугачева», он изменял их уже во второй раз.

Цитируя источники, документы, показания очевидцев, Пушкин был далек от педантической точности. Он редко приводил их дословно и, как правило, стилистически обрабатывал. Вот как обработана одна из таких «скрытых цитат» — текст письма Нурали-хана, киргизкайсацкого владельца, к генералу Рейнсдорпу²⁴.

Источник

Мы, на степи находящиеся
люди, не знаем, сей ездящий
вор ли? Или реченный государь
сам.

Текст Пушкина

Мы, люди, живущие на степях,
не знаем, кто сей, разъезжаю-
щий по берегу: обманщик ли,
или настоящий государь.

Пушкин сохранил интонацию фразы, мелодику речи, отражающую, по-видимому, национальный колорит ее, но освободил фразу от тяжелых конструкций и архаизмов, которые были внесены в письмо оренбургским переводчиком Артамоном Ушаковым, не искусственным, по-видимому, в литературной речи.

Архаизмы лексики и синтаксиса Пушкин устраняет во всех показаниях очевидцев.

Источник

А дабы прежде время никуда
о сем известия подано не
было — учредить заставы.

Текст Пушкина

И учредить заставы по всем
дорогам, дабы никуда прежде-
временно не дошло о нем
известия.

Анализируя стиль Пушкина по контрасту со стилями риторического направления (стилем Марлинского, с одной стороны, и стилем Булгарина — с другой), В. В. Виноградов восстанавливает черты той прозы, которая представлялась Пушкину нормой литературного языка: «В этой прозе центр тяжести от качественных слов переносился на динамику действия, на глагол. Формы эмоциональных характеристик и описаний сжимаются до предела и, включаясь в движение повествования, ускоряют и напрягают действие.

Относительные конструкции уступают свое господство таким синтаксическим сцеплениям, которые сопря-

²⁴ Материал для сравнения взят из кн.: Г. Блок. Пушкин в работе над историческим источником. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949.

жейны с быстрой сменой временных плоскостей речи, т. е. со стремительным темпом повествования»²⁵.

Сравним два описания. Документ — показание кап-рала Тобольской гарнизонной роты Китайгородова—и то же описание в тексте «Истории Пугачева».

Источник

Пушка была одна, да и та в воротах брошенная. Амбар был отворен и несколько четвертей муки и сухарей валялось на дворе.

Текст Пушкина

Амбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялось на дворе. Одна пушка брошена была в воротах.

Сложные предложения заменены простыми, устранены неточные связи, композиция описания изменена так, что даже этому короткому и статическому по своему характеру отрывку сообщено движение.

Пример обработки повествовательного по своему характеру текста представляют изменения, внесенные Пушкиным в рапорт Бибикова.

Источник

Рогатки сломлены, батареи взяты, артиллеристы перерезаны, предместья заняты — и злодеи бросились бежать ... 25 деревень пришли в повинновение.

Текст Пушкина

Рогатки их сломаны, батареи взяты, предместья заняты; все бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повинновение.

Стремительность действия передана в этом отрывке сжатыми до предела нераспространенными предложениями. Предложение «И злодеи бросились бежать» снимало напряжение фразы, так удачно отраженное в документе. Пушкинское «и все бежало» возвращает фразе динамику. Лексическая правка во второй половине отрывка логически вытекает из этой стремительной картины разгрома мятежников. Цифра «25», неуместная в литературном изложении, заменена словами.

«История Пугачева», по словам Белинского, «пером Тацита писанная на меди и мраморе», представляет собой «образцовое произведение и со стороны исторической, и со стороны слога»²⁶. Однако, когда она вышла в свет, далеко не все встретили ее так востор-

²⁵ В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 521.

²⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 274.

женно. «Мы надеялись найти в историческом стиле Пушкина «кисть Байрона», «картину ужасную», от которой, «как от взгляда пугачевского, не одна дама упадет в обморок», — писал рецензент «Сына Отечества» Броневский, сам выступавший на литературном поприще как автор исторических повествований²⁷.

Сколь новаторской была в действительности литературная манера Пушкина ясно, если сравнить его описание Казани, взятой Пугачевым, с описанием, данным В. Броневским в книге «История Донского войска».

В. Броневский: «На пожарах тлели человеческие кости; обнаженные дети, прося пищи, искали отцов; младенцы умирали в объятиях умерших матерей, рассеченные трупы разбросаны были повсюду; и дымящаяся кровь вопияла к небесам об отмщении. Словом, Емелька, корыстолюбивый, как бессмысленный разбойник, свирепый, как тигр, грабил и лил человеческую кровь, без цели, без нужды, и резал, мучил только для того, чтобы резать и видеть кровь, льющуюся к ногам его»²⁸.

А. Пушкин: «К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал»²⁹.

Сравнение документов и литературных источников с текстом «Истории Пугачева» позволяет сделать наблюдения, имеющие отношение не только к лингвистике, но и к методике литературной работы Пушкина над не принадлежащим ему текстом. Современного редактора должен заинтересовать подбор Пушкиным цитат, их обработка, способы включения цитат в текст, приемы подчинения чужой речи нормам речи авторской и другие проблемы, существенные для редактора и сегодня.

²⁷ «Сын Отечества», 1835, № 3, стр. 169.

²⁸ В. Броневский. История Донского войска. СПб., 1834, стр. 111.

²⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, кн. I, стр. 63.

Н. А. НЕКРАСОВ И М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН — РЕДАКТОРЫ



ост общественного движения в 40-е годы XIX в. усилил значение печатного слова. В «книжном мире» и, прежде всего, в «мире журнальном» общественный протест против николаевского гнета искал и находил свое проявление. Именно в 40-е годы в России «эпоха журналов» обрела свои характерные черты, которые в дальнейшем сделали журналистику областью политической деятельности. Если в то время, когда Н. Полевой начал издавать «Московский телеграф», появлялись только первые признаки этой «эпохи» и задачей журнала было «расшевелить нашу литературу», то в 1861 г. Писарев констатировал: «Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственной умственной пищей для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы. Один экземпляр «Современника» или «Русского вестника» читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком и истрепанном виде, так что ему приходится только сказать: «Расчитали вдребезги...» Кроме журналов этой публике действительно читать нечего; отдельные книги издаются теперь чаще прежнего, но их все-таки мало; кроме того, они имеют или ученый или учебный характер»¹.

¹ Д. И. Писарев. Соч., т. I. М., ГИХЛ, 1955, стр. 97.

Во второй половине 40-х годов между периодическими изданиями возникли более четкие различия, определяемые их направлением. А в 60-е годы должность журналиста потребовала уже определенности политических убеждений, участия в борьбе, иными словами, партийности. По представлениям революционеров-демократов, журналист должен был иметь прочные связи с общественной жизнью, а литературные деятели — жить теми интересами, о которых они говорят. Именно в журналистике сложились в этот период те принципы идейной убежденности и принципиальности, которые в наше время являются необходимыми качествами журналиста и редактора.

Приглашая Белинского в 1839 г. руководителем критического отдела «Отечественных записок», Краевский, ловкий делец и удачливый издатель, меньше всего задумывался над проблемами общественными. К популярности журнала он стремился ради выгоды. По соглашению с Краевским, Белинский должен был писать для журнала не менее 40 листов за год и, кроме того, читать рукописи, поступающие в редакцию, — все это за очень умеренное вознаграждение — тысяча рублей серебром в год. Принимая эти условия, Белинский выставил свои: «Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам... Что делать — я так создан»².

Передовые русские журналы — «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» — были изданиями, имеющими политическую программу, объединенными одной идеей. Характер и структура журнала определялись его идейной задачей, его эстетическими установками. Беллетристика, стихи, критика, библиография должны были, по мысли Белинского, выражать направление издания: «Из уст журнала не должно исходить слово праздно... Журналист делает преступление, помещая в своем журнале статью, в помещении которой не может дать отчета»³.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 361.

³ Там же, т. XII, стр. 319.

Столь же целеустремленным, как подбор материалов, был и подбор самих сотрудников. Редакция «Современника» требовала от сотрудников единодушия в общественно-политических и эстетических убеждениях. В журнале находили воплощенные взгляды редакционного коллектива. Коллекциальность, коллективность стали важнейшей чертой периодических изданий, отличавшей их в редакционном отношении от журналов предшествующей эпохи. Сложился коллектив профессиональных литераторов — работников редакции, сформировался круг авторов, близких к журналу, постоянно сотрудничавших в нем.

Далеко не каждому литератору журнал предоставлял свои страницы. «Прийди хоть сам Мольер, но если он почему-либо сомнителен, то и его не примут», — писал Ф. М. Достоевский Д. В. Аверкиеву, драматургу и критику правого лагеря, просившему содействия Достоевского, чтобы напечатать в «Отечественных записках» свою комедию «Непогрешимые»⁴. И действительно, Некрасов отказался печатать Аверкиева в «Отечественных записках», как он писал, «по некоторым причинам», которые он автору не считал нужным объяснить. Впрочем, что это были суждения «не литературные, а направительные» было ясно и сторонникам и противникам «Отечественных записок».

Некрасов отказывался от сотрудничества авторов, печатавшихся в других изданиях, позиция которых была враждебна «Современнику» и «Отечественным запискам». Он отклонил поэму Я. П. Полонского «Келиот», так как тот печатался в «Русском вестнике» Каткова, отверг сотрудничество А. А. Голенищева-Кутузова, близкого к придворным кругам и консервативного по своим взглядам.

Круг вопросов, вне которых стало невозможным рассмотрение редактирования, включил в себя идейную направленность редакторской работы, четкое определение политической линии, партийность, понимание редакционного процесса как дела коллективного. Эти принципиально новые положения не могли не отразиться на

⁴ См. А. Михайлова. Достоевский о Некрасове и Щедрине. В кн.: «Литературное наследство», тт. 49—50. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 632.

решении одной из основных для всякого редактора задачи — решении вопроса о пределах его вмешательства в авторский текст.

Некоторые исследователи сводят результаты своих наблюдений по этому поводу к простейшей формуле: авторские материалы печатались без изменений, анонимные переделывались. Формула эта далеко не точна. В действительности с подписью в журналах печатались стихи и значительные прозаические произведения. Большая часть материалов других отделов публиковалась анонимно. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов прошли филологическую школу у академика И. И. Срезневского и были очень тщательны при издании авторских материалов, но только тех произведений, художественные достоинства которых ими признавались, а направленность была созвучна общей идее журнала. Все остальные материалы они правили в соответствии со своей политической и эстетической программой. В ряде случаев трудно установить, кто автор статей и рецензий в «Современнике» — Добролюбов или его институтские друзья Сциборский и Конопасевич⁵. Проблема эта значительно усложняется юридической стороной дела, так как кардинально изменяя статью, Добролюбов гонорар выписывал все-таки автору. Таким образом, авторство фактическое и авторство юридическое, зарегистрированное гонорарной ведомостью «Современника», не всегда совпадали. С. А. Рейсер в связи с этим считает, что в собраниях сочинений Белинского, Чернышевского, Добролюбова необходим обычно отвергаемый отдел «про-редактированное»⁶.

В начале 1860 г. редакция «Современника» поручила написать «внутреннее обозрение» одному из своих сотрудников — Славутинскому. Это обозрение редакция не приняла. В нем были собраны ценные факты, но освещение им давалось либеральное. Добролюбов переделал статью и в письме к Славутинскому объяснил смысл этих изменений: «Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследо-

⁵ См. С. А. Рейсер. Палеография и текстология. М., «Промышленность», 1970, стр. 111.

⁶ Там же, стр. 112.

вать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи и чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «Да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уж пропадай, моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше». Вот чего надобно добиться и вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи «Современника», и «Свисток»...»⁷.

Передовые русские демократические журналы значительно расширили представление о редакторских обязанностях, обогатили его новым содержанием. Деятельность их редакторов и сотрудников, осмысление ими принципов редакторского дела легли в основу теории редактирования в современном понимании этого слова.

Редакторское искусство всегда конкретно. Поэтому изучая историю редактирования, мы включаем в круг наших наблюдений не только общие процессы и явления, но и опыт тех редакторов, которым принадлежит новое слово в редакторском деле. Важную роль в его развитии сыграли Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин.

Некрасов начал свою редакторскую работу в 1840 г. в журнале Ф. А. Кони «Пантеон Российских театров». Первым серьезным опытом Некрасова-редактора был, как известно, сборник «Физиология Петербурга». Он вышел в 1845 г. в двух частях и включал 12 статей. Среди авторов были В. Г. Белинский, Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Материалы были по своему характеру очень разнородны, но их объединяла общая идейная направленность. «Все статьи, кроме литературного достоинства, имеют еще достоинство правды, весьма важное и главное в сочинениях такого рода»⁸, — писал Некрасов о произведениях писателей «натуральной школы», декларацией которой и явился по сути дела этот сборник. Следующие издания Некрасова — «Петербургский сборник», «Иллюстрированный альманах», «Литературный сборник» — продолжили линию, намеченную «Физиологией Петербурга», — создание произведений, в которых «читатели найдут... более или менее меткую наблюдательность и более или менее вер-

⁷ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. IX. М. — Л., «Художественная литература», 1964, стр. 408.

⁸ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. IX. М., ГИХЛ, 1950, стр. 150.

ный взгляд на предмет, который взялись они изображать»⁹.

Подбирая материал, организуя его, добиваясь цельности изданий, при подготовке самих произведений к печати Некрасов не брал на себя труд, превышающий обычные обязанности издателей альманахов и сборников. Защищая Некрасова, тогда молодого литератора, от нападок «Северной пчелы», ставившей под сомнение его право быть редактором альманаха, Белинский писал: «... г. Некрасов не почел себя вправе коснуться ни одной статьи, напечатанной в сборнике. Редактор сборника — не то, что редактор журнала. По общему мнению, быть редактором сборника, значит набрать статей, сделать им выбор и расположить их, а потом присмотреть за изданием. Так и поступил г. Некрасов»¹⁰.

Совсем иной характер носила деятельность Некрасова-редактора в «Современнике». Он полностью разделял принципы редакционной работы, выдвинутые Белинским, сумел найти формы для того, чтобы эти принципы воплотить в жизнь и сделать «Современник» действительно школой демократических революционных идей.

Некрасов обладал редким и необходимым для редактора качеством — он умел создать условия для проявления таланта. «Только благодаря его великому уму, высокому благородству и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее; но все мои заслуги перед нею — его заслуги»¹¹, — так писал о Некрасове Чернышевский. «Даже самые низкие по журнальной иерархии чины — составители фельетонов имели в редакции право на самостоятельность. Редакция Некрасова не была тем журнальным департаментом, где редакторы, маракующие с грехом пополам только грамматикой, цепенеют перед всяким живым словом или оборотом и исправляют писателей, как директора своих столоначальников»¹², — свидетель-

⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 384.

¹⁰ Там же, т. IX, стр. 374.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV. М., ГИХЛ, 1950, стр. 793.

¹² Цит. по кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, стр. 144.

ствуют его сотрудники. Некрасов последовательно проводил в жизнь программу редакции «Современника». Одной из своих обязанностей журнал считал «заботливо следить за вновь появляющимися дарованиями»¹³. В «Современнике» печатались почти все русские писатели того периода: Тургенев, Л. Толстой, Григорович, Герцен, Гончаров, Писемский, Г. Успенский, Помяловский, Островский, Салтыков-Щедрин.

Некрасов — один из первых редакторов, которые вели журнал как коллективное издание, руководимое редакционной коллегией. Сначала соредакторами Некрасова были Толстой, Тургенев, Островский, Григорович, потом — Панаев, Чернышевский, Добролюбов. После смерти Добролюбова и ареста Чернышевского в редакцию вошли Антонович, Елисеев, Салтыков-Щедрин.

Антонович пишет, что Некрасов «был образцовый редактор: умный, дельный, энергичный, практический и усердный... он зорко следил за своим журналом и ни в коем случае не полагался беззаботно и безотчетно на своих соредакторов; все статьи он внимательно читывал в корректурах или же только пробегал статьи, если они были индифферентными, заурядными»¹⁴.

Некрасов в совершенстве владел навыками редакторской работы. Он умел воздействовать на читателя, знал его вкусы. «Современник» выходил в свет в изящной обложке сиреневого цвета, к нему прилагалась картинка «парижских мод». В нем были и повести, и стихи, и переводные статьи. Не все они, с точки зрения самого редактора, представляли интерес. Задача Некрасова заключалась в том, чтобы незатейливые повести и безобидные статьи если и не прямо служили общему направлению журнала, то по крайней мере не противоречили бы ему, не нарушали общей целостности издания. Он обладал талантом вдохнуть в журнал жизнь. Даже когда цензурные строгости становились чрезмерными, он находил возможность, как он выражался, «не кормить сеном», а давать хотя бы посредственный «овес».

Некрасов искусно распределял статьи журнала по сезонам и месяцам: в летние месяцы, когда журнал рас-

¹³ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 133—134.

¹⁴ М. А. Антонович. Воспоминания. В кн.: «Шестидесятые годы». М. — Л., 1933, стр. 197.

ходился хуже, важные, программные материалы не печатались.

Сам Некрасов писал, что кроме общего руководства журналом на нем лежала вся черновая работа: «...чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснения с цензорами, восстановление смысла и связи в статьях (что приходилось иногда делать с одной статьей по нескольку раз) после их карандашей... да я еще писал рецензии и фельетоны»¹⁵. Чтобы подготовить одну книжку «Современника», редактору приходилось иногда прочитать не одну сотню листов рукописей, затем десятки корректурных листов, иногда много раз возвращаясь к тексту статей, вести обширную переписку.

Рассмотрим несколько примеров редакторской работы Некрасова над текстом. При всем уважении к Белинскому, Некрасов вносил изменения в его статьи, если мысли, высказанные в них, противоречили хотя бы в частности общим установкам журнала. Изменения в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» касаются оценки повести «Двойник» Достоевского, идейная позиция которого была чужда Некрасову¹⁶.

Вместо «так быстро сделанной славы, как слава г. Достоевского» Некрасов пишет «такого быстрого успеха, какой имел г. Достоевский». Если у Белинского написано: «В «Двойнике» автор обнаружил огромную силу творчества, характер героя принадлежит к числу самых глубоких, сильных и истинных концепций, какими может похвалиться русская литература, ума и истины в этом произведении бездна, художественного мастерства — тоже», то после правки Некрасовым этот отрывок выглядит значительно сдержаннее: «В «Двойнике» автор обнаружил замечательную силу творчества, характер героя концентрирован глубоко и смело, истины в этом произведении много»¹⁷.

В 1850 г. Н. Страхов представил в редакцию «Современника» повесть «По утру». Повесть напечатана не

¹⁵ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 133—134.

¹⁶ См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 40—42, 407—408.

¹⁷ См. Н. М. Сикорский. Н. А. Некрасов-редактор. В сб.: «Некрасов в школе». М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960, стр. 113.

была, но в архиве Страхова сохранилась рукопись с пометками Некрасова и его письмо: «В авторе есть талант, слог его также хорош, манера довольно оригинальна. Но напечатать этой повести нельзя — цензура найдет ее скандальной, безнравственной — и запретит»¹⁸.

Повесть имеет форму дневниковых записей, сделанных «по утрам». В ней нет определенного сюжета и действия, зато много философствования и психологических наблюдений.

Содержание произведения, пожалуй, не давало повода для опасений, высказанных Некрасовым. Отказ редакции, скорее, был вызван другим: Некрасов почувствовал в Страхове противника революционно-демократического лагеря. Некоторые из пометок на рукописи очень характерны. «Неверно!», «Нет», — пишет Некрасов там, где Страхов отрицательно отзывался о журналах, считая, что это смесь «в кусках самых разнообразных предметов, смесь без связи, без всякого толку и ладу».

В 1868 г. Некрасов пишет А. М. Жемчужникову, приславшему в «Современник» из-за границы отрывок из своей поэмы: «Присланное вами начало поэмы произвело на меня впечатление далеко не удовлетворяющее. Вы давно из России, и я затрудняюсь объяснить Вам, почему в напечатании теперь этого отрывка было бы нечто неловкое. Нами здесь это чувствуется ясно. При том самый отрывок не принадлежит к особенно удачным Вашим произведениям. Вы, вероятно, не читали того, что последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы...

Это мнение мое и двух-трех моих ближайших сотрудников по редакции»¹⁹.

Некрасов был убежден в том, что «нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого... Я всегда досаую, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т. д. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив, да еще вот что: надо иметь веры в ум и проницательность другого по крайней мере столько же, сколько в собственные.

¹⁸ См. А. Назаревский. Пометы Некрасова на рукописи Страхова. «Литературное наследство», тт. 53—54. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 85—87.

¹⁹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 109—110.

Недостаток этой веры иногда бессознательно мешает писателю высказаться и заставляет откидывать вещи очень глубокие, чему лень, разумеется, потворствует»²⁰. Он был неутомим в работе над словом, об этом свидетельствуют его рукописи. Разница между первыми черновыми набросками и окончательным текстом, как правило, огромна. Эта работа Некрасова изучена и описана К. И. Чуковским в его книге «Мастерство Некрасова». «Поражает, — пишет Чуковский, — его постоянная готовность уничтожать целые массивы стихов, представляющие собой совершенно, казалось бы, законченный текст, отделанный им для печати»²¹. Этот метод Чуковский называет «расточительным некрасовским методом», требовавшим от поэта двойного, а иногда и тройного расхода творческой энергии. Неутомимые поиски «стиля, отвечающего теме», характерны и для Некрасова-редактора.

Серьезной трудностью для исследователя деятельности Салтыкова-Щедрина-редактора является недостаток материалов. Корректуры и оригиналы статей, выправленных им, не сохранились, за очень небольшим исключением. Многие воспоминания о Щедрина принадлежат людям, идейно далеким ему, не способным дать его трудам правильную оценку. И все же, взятые вместе, эти материалы и письма помогают нам воссоздать образ Щедрина-редактора.

С конца 1862 г. Салтыков-Щедрин — ближайший помощник Некрасова. Он принимает участие в подготовке возобновленного «Современника» и вскоре становится ведущим публицистом журнала, автором хроники «Наша общественная жизнь» — ежемесячных обзоров общественной и культурной жизни России, центрального отдела «Современника». За два года Щедрин опубликовал в «Современнике» тысячу страниц журнального текста. Только в № 1 за 1863 г. ему принадлежало 190 страниц. В «Отечественных записках» Щедрин ведал беллетристическим отделом. Но его заинтересованность

²⁰ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 335.

²¹ К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., «Художественная литература», 1971, стр. 303.

делами журнала в целом ощущалась во всем. «Я не наемный редактор, а кровный»²²,—говорил о себе Щедрин.

«В качестве редактора журналов Салтыков... резко отличался от всех других редакторов, в том числе и от Некрасова, — писал его соредактор по «Отечественным запискам» Г. З. Елисеев. — Большая часть наших редакторов, набирая сотрудников с бору и сосенки, что называется, похожа на дурных кучеров, которые не дают лошадям бежать спокойно и ровно, дергают их из стороны в сторону. Известно, что нет ничего хуже таких кучеров, нет ничего хуже таких редакторов. Напрасно они держат то и дело совещания со своими сотрудниками, о чем писать в тот или другой момент, напрасно потеют, сидя с утра до вечера над корректурами, стараясь ослабить или смягчить ту или иную резкую фразу в виду тех или других соображений о возможных читателях и т. п. Все это ни к чему не приводит, кроме возбуждения нервной болезни в сотрудниках, кончающейся в конце концов совершенным их обезличением»²³.

Другой сотрудник Салтыкова-Щедрина по журналу — Михайловский—свидетельствует: «Несмотря на свою резкость и раздражительность, он владел той тайной внутреннего равновесия, которая гарантирует редактора и от беспринципной распушенности, превращающей журнал в простой сборник более или менее интересных или неинтересных статей, и от ненужного мелочного вмешательства в ведение самостоятельных статей. Правдивое и живое отношение к делу — вот главное, чего он лично требовал от сотрудников и без чего было мудрено попасть в «Отечественные записки»²⁴. «Правдивое и живое отношение к делу» было очень емкой, почти всеобъемлющей формулой, благодаря которой была выработана и осуществлена на практике форма на редкость цельного, единого во всех своих частях издания, единого прежде всего по своему идейному направлению. Результатом этого было впечатление многих современников, что в «Отечественных запис-

²² М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX. М., ГИХЛ, 1939, стр. 384.

²³ Г. З. Елисеев. Некрасов в «Отечественных записках». В кн.: «Шестидесять лет», стр. 403.

²⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1908, стр. 283—284.

ках» все идет само собой: редактор не вмешивается в мелкие подробности подготовки издания, и тем не менее журнал един и целостен.

Впечатление, что все делается чуть ли не без участия редактора, было, конечно, ложным. Сам Салтыков-Щедрин писал: «Нет конца моей работе. Месяц кончается — начинается другой и в то же время кончается и начинается моя работа»²⁵. «Редакторская работа, в том виде, как ее вел М[ихаил] Е[вграфович], была чисто работа египетская, — пишет Г. З. Елисеев, — но он во все время своего редакторства вел ее с особым усердием и когда, окончив ее, еще находил время написать заключительный фельетон в выходящую книжку журнала, то был в полном восторге, что выходящая книжка устроенна им вполне и читатель ею будет доволен»²⁶.

Некоторые статьи, принадлежащие авторам начинающим или мало известным, Щедрин переделывал, почти что писал вновь; затем перечитывал все другие произведения, входящие в книжку журнала, наконец, — статьи постоянных сотрудников. Все, что представлялось ему ненужным или вызывало сомнения, просил сотрудников редакции или самих авторов исправить. Некоторые рукописи после правки Щедрина поступали в типографию сильно измененными, а часть страниц бывала переписана заново на полях его рукой. Иногда он изменял даже сюжет произведения. «Я помню, как Щедрин гильотировал один слишком затянувшийся роман Гирса, — пишет в своих воспоминаниях Вас. Ив. Немирович-Данченко. — Роман не понравился Михаилу Евграфовичу, он просил автора прикончить его, а тот, наоборот, пообещал прислать еще две с половиной части. И вдруг в новой книжке журнала с ужасом прочел описание грандиозной стихийной катастрофы, в которой погибли все его действующие лица»²⁷. Добавим, что сам Салтыков-Щедрин без большого доверия относился тогда к корреспонденциям с театра действий русско-турецкой войны бойкого журналиста Немировича-Данченко,

²⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 259.

²⁶ Г. З. Елисеев. Ук. соч., стр. 403.

²⁷ Вас. Ив. Немирович-Данченко. Из воспоминаний о Некрасове. «Литературное наследство», тт. 49—50. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 597.

за которым с легкой руки сатирика надолго закрепилось прозвище «Тряпичкин-очевидец». (Под этим названием в 8-й книжке «Отечественных записок» за 1877 г. была помещена статья Щедрина, высмеивающая «хлестаковщину» дунайского корреспондента Подхалимова и его газету «Краса Демидрона».) Не будем поэтому брать на веру факты, сообщенные Немировичем-Данченко, но характер работы Салтыкова-Щедрина над некоторыми материалами эти воспоминания, по-видимому, отражают. Следует сказать только, что подобный «прием» был далеко не самым характерным для Салтыкова-Щедрина-редактора. Материалы журнала были очень разнородны, и, если произведение заслуживало внимания, он стремился сохранить там все ценное, был предельно бережен при изменении авторского текста.

В 1868 г. в «Отечественных записках» был напечатан роман Решетникова «Где лучше?». Рукопись с правкой Салтыкова-Щедрина не сохранилась, но его письма к Некрасову содержат замечания по рукописи. Первая оценка по-щедрински резка: «Роман Решетникова — такой навоз, который с трудом читать можно. Однако я его выправлю и думаю, что в этом виде можно его печатать»²⁸. И позже: «...я многое урезал и сократил, но все-таки советовал бы внимательнее прочитать корректуру; вероятно, придется еще кой-что исключить. В романе, — пишет Салтыков-Щедрин, — такая бездна ненужных и ни с чем не вяжущихся подробностей, что даже ничем объяснить себе нельзя». Однако он тщательно правил текст потому, что «общее впечатление — хорошее, наглядно рисуемое безвыходность некоторых отношений»²⁹. Решетников «...неумением распорядиться своим материалом... положительно вредит самому себе; но в то же время, он чувствует правду, он пишет правду, и из этой правды до того естественно вытекает трагическая истина русской жизни, что она становится понятною даже и без особенных усилий со стороны автора...»³⁰.

²⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 204.

²⁹ Там же, стр. 206.

³⁰ Там же, т. VIII, стр. 69.

Молодой беллетрист Л. О. Котелянский прислал в редакцию свою повесть «Чиншевики». Салтыков-Щедрин решил ее напечатать, но исправил и сократил. Правка была очень тщательной. Так, например, на всем протяжении повести он исключил одно из действующих лиц, со всеми его довольно сложными отношениями к другим героям повести. Котелянский говорил потом, что он очень благодарен Щедрину за эту «операцию»³¹.

Щедрин ввел в литературу Сергея Атаву (Терпигорьева) — автора очерков об «оскудевших дворянах». Изменения, внесенные в эти очерки редактором, столь значительны, что исследователи затрудняются во многих случаях в определении авторства.

Едва ли не единственной рукописью, сохранившей для нас правку, сделанную рукой Щедрина, является часть очерков Г. Успенского «Из деревенского дневника»³².

Основным вопросом общественной жизни в 60—80-х годах прошлого века был вопрос крестьянский. «Отечественным запискам» были нужны материалы о деревне, и в таком авторе, как Г. Успенский, редакция была крайне заинтересована. Однако не все взгляды Успенского редакция разделяла. Работая над рукописью, Салтыков-Щедрин писал Михайловскому: «Успенский совсем с пути сбился, такую философию заковыривает, что чертям тошно. Хотя бы Вы его вразумили. На каждом шагу противоречия, одна мысль другую побивает, а я сижу и привожу эти противоречия в порядок»³³. Философия Успенского, которую не принимал Щедрин, состояла в преувеличении роли крестьянской общины, в идее сохранить патриархальные нравы в деревне. Щедрин мало правит текст там, где дается реалистическая характеристика деревни, и решительно изменяет его, где идут рассуждения вроде следующих: чтобы крестьянин «...мог свободно и беспрепятственно развивать эти своеобразные [здоровые] начала [и в искале-

³¹ «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М., ГИХЛ, 1951, стр. 236.

³² См. Н. И. Мордовченко. М. Е. Салтыков-Щедрин — редактор Г. И. Успенского. В кн.: «Глеб Успенский. Материалы и исследования», т. I. М.—Л., 1938, стр. 395—427.

³³ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 387.

ченный, изворовавшийся, изолгавшийся обиход цивилизации, — вносил правду добровольного подчинения невыдуманным требованиям общинного труда]...». Взятые в скобки Щедриным исключены.

В рассуждениях Успенского о приходе цивилизации в деревню Щедрин вычеркнул все, что было написано по поводу общины, оставив только описание нищеты крестьян. Закончив правку, он пишет Успенскому: «...посылаю Вам корректуры Вашей статьи, которую только что сейчас прочитал. Убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые я сделал. Статья Ваша произвела на меня тяжелое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова... Повторяю: в том виде, т. е. с сделанными выпусками, статья получит этнографический смысл и перестанет быть тенденциозною»³⁴.

Несмотря на свою резкость и раздражительность, Щедрин искренностью и прямоотой привлекал к себе людей. Если он обещал прочесть статью в такой-то срок, то непременно читал ее. Если статья не нравилась ему, он так и отвечал автору и всегда объяснял почему. И в результате сам Щедрин мог сказать: «Наиболее талантливые люди шли в «Отечественные записки», как в свой дом, несмотря на мою нелюдимость и отсутствие обворожительных манер. Мне доверяли, моему такту и смыслу. Никто не роптал, ежели я изменял и исправлял. В «Отечественных записках» бывали слабые вещи, но глупых — не бывало»³⁵.

³⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 178—179.

³⁵ Там же, т. XX, стр. 56.

ИЗ ОПЫТА РЕДАКТИРОВАНИЯ КНИГ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. П. А. ЕФРЕМОВ — РЕДАКТОР СОЧИНЕНИЙ РАДИЩЕВА



роцесс формирования различных типов книг находится в тесной связи с развитием производительных сил, зависит непосредственно от темпов и характера общественной жизни. Если за XVII и XVIII вв. лишь учебная и научная книга сложились как типы изданий, а типы изданий литературы художественной были только намечены, XIX в. стал веком быстрого роста книжного дела. В течение этого столетия сформировалось в основе своей большинство типов книг, которые существуют и в наше время. Процесс специализации книжной продукции не мог не сказаться на методике редакторской работы, на приемах работы редактора.

Материал этой главы представляет собой результат исследования в области истории редактирования сочинений классиков. Его частный характер предопределен необходимостью разработки методики наблюдений.

Имя Петра Александровича Ефремова (1830—1907 гг.) — библиографа, библиофила, издателя, публициста — не раз упоминается в трудах литературоведов и библиографов. Однако обычно это делается только в связи с его изданиями и чаще где-нибудь в примечаниях. Лишь Г. П. Шторм в своей книге «Потаенный Радищев» уделил Ефремову несколько страниц. «Его доброе имя, — читаем там, — неотделимо от истории русской литературы. И приходится лишь удивляться, что во вто-

ром издании Большой советской энциклопедии этого имени нет»¹.

Деятельность Ефремова не стала ни для историков литературы, ни для библиографов объектом специального исследования. Для первых, возможно, он как исследователь недостаточно академичен (Ефремов не имел филологического образования и всю жизнь прослужил в банке), с точки зрения вторых, ему явно не хватает той отрешенности от практических дел и забот сегодняшнего дня, которые по давно установившейся традиции непременно характеризуют «настоящего библиографа». «Вся жизнь библиографа должна проходить в составлении выписок, в разделении на разряды, в описании их»², — писал сам Ефремов. И хотя он много времени и сил отдал этому труду, его деятельность была неизмеримо шире. Самой яркой ее частью была редакторская работа. Высокий профессионализм, точность, тщательность, научная ценность большинства ефремовских изданий и в наши дни делает их образцом редакторской культуры.

Принадлежность Ефремова к какой-либо политической партии или направлению не была ничем закреплена, но демократизм и прогрессивность его убеждений общеизвестны. Ими проникнуты его многочисленные статьи в периодике, ими определялся выбор для изданий Ефремовым литературных произведений, направление и характер его редакторской работы. Наиболее показательными для Ефремова — издателя и редактора — предприятиями были издания собраний сочинений русских классиков. Под его редакцией вышли в свет сочинения Кантемира, Фонвизина, Рылеева, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Майкова...

11 июня 1873 г. в Петербурге на картонной фабрике Крылова было уничтожено «посредством обращения в картонную массу» 1960 экземпляров — почти весь тираж — изданных под редакцией П. А. Ефремова сочинений Радищева. Сохранились лишь считанные экземпляры. Издание это замечательно не только с точки

¹ Г. П. Шторм. Потаенный Радищев. М., «Советский писатель», 1968, стр. 31.

² А. Эфи́ров. На память будущим библиографам. «Отечественные записки», 1862, № 7, стр. 124 (А. Эфи́ров — псевдоним П. А. Ефремова. — К. Н.).

зрения библиографов — ценителей книжных редкостей. Для царского самодержавия Радищев и после уничтожения крепостного права был опасен. Лишь в 1906 г. многие произведения Радищева вышли в свет. Издание под редакцией Ефремова на двадцать с лишним лет опередило историю. Эти книги со столь примечательной судьбой — одна из вех в формировании традиций издания классиков, традиций, сложившихся в России во второй половине XIX в. и тесно связанных с развитием русской общественной мысли. Редакторская работа Ефремова при подготовке к изданию сочинений Радищева — пример, достойный занять место в истории редактирования русской книги.

10 октября 1865 г. Ефремов получил по городской почте письмо, на сургучной печати которого был отгиснут старинный герб: стрела, летящая вверх к восьмиугольной звезде, над ней шлем и корона — знаки дворянского достоинства. Судя по почерку на конверте, писавший был далеко не молод. И действительно, автору письма, коллежскому асессору Павлу Александровичу Радищеву, исполнилось в то время уже 82 года. Все достоинства этого больного, тучного старика составляли безупречные манеры и сочинения его отца — Александра Николаевича Радищева, значительная часть которых еще ждала своей публикации.

Шесть лет добивался П. А. Радищев, чтобы ему разрешили издать их. Дважды возбуждал ходатайство о снятии запрещения с «Путешествия из Петербурга в Москву» и дважды получал отказ. В 1859 г. отказ сдобрили пожалованием единовременного пособия в 100 рублей, в 1860 г. издание просто нашли несвоевременным.

С 1790 г., когда сочинения Радищева Екатерина II объявила бунтовскими, а его назвала бунтовщиком хуже Пугачева, минуло три четверти столетия, пять царей сменили один другого на русском троне, стали известны слова Пушкина: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»³, Герцен опубликовал за границей радищевское «Путешествие». Не стало крепостного права... А запрет на книгу не только оставался в силе, но и толковался рас-

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 61.

ширительно, распространяясь практически на все сочинения писателя, на самое его имя. Каждая публикация, в которой хотя бы косвенно упоминался Радищев, была событием. Несколько таких публикаций было обязано своим появлением П. А. Радищеву. В 1858 г. он напечатал в «Русском вестнике» биографию отца. В том же году он обращается в «Современник» к Панаеву и Некрасову, предлагая свои примечания к статье Лонгинова «Ал. Мих. Кутузов и А. Н. Радищев», напечатанной в № 8 «Современника» за 1856 г., пересылает в «Колокол» полный текст оды «Вольность» и вступает в переговоры с Герценом об издании всех сочинений Радищева. В 1861 г. он публикует портрет Радищева работы художника Вендрамини и другие материалы в журнале «Иллюстрация».

Упорство, с которым он добивался своей цели, трудно объяснить одним стремлением поправить материальные дела. Скорее здесь уместно вспомнить предисловие от издателей к первому изданию сочинений Радищева, предпринятому в 1807—1811 гг. его детьми: «Мы бы сочли преступлением, имея г. Радищева бумаги в руках своих, предать их забвению и не издать их в свет»⁴. Жизнь П. А. Радищева подходила к концу, а многие бумаги оставались неопубликованными. В 1868 г. в книге «Чтений Общества истории и древностей Российских» были напечатаны материалы из следственного дела Радищева. Это послужило, по-видимому, толчком для последней попытки П. А. Радищева осуществить издание. Он понимал, что даже при самой благоприятной обстановке подготовить его один не сможет. Время любительских издательских предприятий прошло. Ответственность задуманного требовала серьезного, профессионального подхода к делу, да и взаимоотношения с Комитетом по делам печати предстояли сложные. Прогрессивность взглядов Ефремова служила гарантией того, что он поддержит издание сочинений Радищева, а добросовестность и серьезность подготовки Ефремовым книг давали уверенность, что бесценные материалы попадут в надежные руки.

По той поспешности, с которой Ефремов разыскал адрес П. А. Радищева, видимо, не сообщенный в письме

⁴ «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. 1. М., 1807, стр. 111.

(в ЦГАЛИ хранится только конверт⁵), можно судить, как заинтересовало его это предложение. Получив 19 октября справку адресного стола⁶, он сразу же пишет Радищеву⁷ и приглашает его прийти через день, в четверг. Но письмо дошло только в воскресенье, и, не полагаясь уже на почту, Радищев с нарочным сообщает Ефремову, что будет у него на следующий день в 6 часов вечера⁸. В этот свой приход или в один из следующих П. А. Радищев передал Ефремову книги и тетради — материалы для издания. Момент для начала издания был, казалось, действительно удачным. После публикации «Чтений» имя Радищева стало появляться даже в газетных статьях, в которых, правда, всячески подчеркивалось покаяние писателя и превозносилась монаршая милость. Но 16 ноября в газете «Голос» прозвучала уже мысль о том, что покаяние это было вынужденным⁹. 19 ноября Ефремов едет в лавку издателей и книготорговцев Глазуновых, с которыми сотрудничал много лет, для переговоров о Радищеве¹⁰, и, заручившись согласием Ивана Ильича Глазунова, начинает искать пути в Комитет по делам печати.

Первым шагом была договоренность с Павлом Александровичем, что он выставит свое имя на издании. Ему скорее, чем кому-либо могли разрешить это, да и обращение в Комитет было для него делом уже не новым. Служба в Государственном банке давала Ефремову возможность иметь широкий круг знакомств и приобрести полезные для издателя связи. Одним из таких «полезных» знакомых был Феодосий Федорович Веселаго, член Главного управления по делам печати, влиятельный уже потому, что был преподавателем великого князя Алексея Александровича. Этот преуспевающий чиновник не раз пользовался советами Ефремова в своих финансовых операциях, и тот мог рассчитывать на неофициальную беседу с ним. Беседа была тем более полезна, что Веселаго был в это время своеобразным «специалистом» по Радищеву. Именно он составлял

⁵ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 323, л. 3.

⁶ Там же, л. 2.

⁷ Там же, л. 1.

⁸ Там же.

⁹ «Радищев и Екатерина II». «Голос», 1865, 16 ноября.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 135, л. 75.

в 1861 г. отзыв о всех его, кроме «Путешествия», сочинениях после ходатайства П. А. Радищева. И, надо сказать, что хотя издание не было разрешено, он нашел его тогда возможным, правда, с некоторыми сокращениями.

Решить судьбу книг и подготовить их следовало в самый короткий срок. Торопил Глазунов, менялась буквально на глазах обстановка. 9 декабря М. Н. Лонгинов в статье «Екатерина Великая и Радищев» уже назвал «Путешествие» «книгой, интересной только по своему историческому значению. Литературного таланта она обличает мало; язык ее — и для своего времени — варварский», — писал он. Главной целью статьи было доказать, что «горячие выходки автора против злоупотреблений крепостного права, ныне, наконец, разрушенного, имеют уже интерес чисто ретроспективный»¹¹. Такое явное стремление умалить значение Радищева, свести на нет его творчество было дурным предзнаменованием, тем более, что оно исходило от человека влиятельного, прочно стоявшего на официальных позициях. Вскоре «Голос» получил предупреждение за свою статью о Радищеве.

15 декабря Ефремов пишет Веселаго: «Я к Вам обращался, многоуважаемый Феодосий Федорович, как к окончательному решителю судеб по изданию «Путешествия» и вышел от Вас очень смущенным. Рисковать другими занятиями и службой для Радищева я не желаю. Поэтому прошу Вас сказать просто как человеку Вам знакомому: нет, и я все брошу, пока еще время есть (до субботы) (т. е. 18 декабря. — К. Н.). Я бы зашел к Вам минуты на две, и если Вас не застану, то передайте прислуге, чтоб только сказала мне да или нет. Иначе кровь моя возопиет на Вас. Всегда преданный Вам П. Ефремов»¹².

Видимо, ответ Веселаго был «нет!». По свидетельству М. И. Сухомлинова, П. А. Радищев все-таки ходатайствовал снова о разрешении издания, и ходатайство это было отклонено уже в третий раз¹³. В письме Ефремову от 1 февраля 1866 г. Радищев пишет: «...почему Вы

¹¹ Мих. Лонгинов. Екатерина Великая и Радищев. «С.-Петербургский вестник», 1865, 9 декабря.

¹² «Радищев. Статьи и материалы». Л., 1950, стр. 301.

¹³ См. М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1. СПб., 1889, стр. 571.

переменили намерение, мне неизвестно»¹⁴. По всей вероятности Ефремов не посвятил его в свои переговоры. В мае 1866 г. П. А. Радищев умер. За месяц перед этим Ефремов вернул ему тетради и книги, но можно не сомневаться, что все ценное для издания он оставил в копиях.

Книга по-прежнему оставалась под запретом. Интерес к ней, далеко не удовлетворенный публикациями середины 60-х годов, был настолько велик, что им решил воспользоваться один из предприимчивых петербургских книгопродавцев Шигин. В 1868 г. без разрешения Комитета по делам печати он напечатал отрывки из «Путешествия» под названием «Радищев и его книга». Это издание, по единодушному мнению рецензентов, давало очень слабое представление о творчестве Радищева. Искаженные тексты, масса корректорских ошибок, низкое качество вступительной статьи¹⁵ и, главное, сам выбор отрывков являли собой пример издательской недобросовестности. Однако поступок Шигина не был в те времена чем-то из ряда вон выходящим. Он полностью соответствовал обычаям книгопродавцев Апраксина двора и московской Никольской улицы, бывших главными поставщиками книжного рынка по количеству выпущенных ими ежегодно листов. «Безобразие, до которого доходят в своих подвигах московские и петербургские спекуляторы-издатели, развивается с каждым днем все сильнее, — писала газета «Новое время» 21 сентября 1868 г., — г.г. Пресневы, Леухины, Екшурские и Шатаевы положительно наводняют нашу книжную торговлю»¹⁶. Здесь были и «ужасные» романы, и мнимые стихотворения Беранже, ставшего популярным после выхода в свет переводов Курочкина, и псевдонародные сказки, иллюстрированные карикатурами из «Искры». Эти издатели «руководятся в выборе издания только практической сметкою, основанной исключительно на подделке того или другого сочинения под какую-либо книгу, получившую известность...»¹⁷. Именно на таком

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 323, л. 6.

¹⁵ Впоследствии было установлено, что автором вступительной статьи был И. А. Куцевский (см. Н. П. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека, т. 1. М., 1969, стр. 122).

¹⁶ «Очерк нашей издательской промышленности». «Новое время», 1863, 21 сентября.

¹⁷ Там же.

расчете строилось издание Шигиным знаменитой книги, сулившее большой барыш.

Рассмотрев шигинский вариант «Путешествия», Комитет по печати признал, что ничего предосудительного в нем нет. Больше того, это был удобный случай снять уже переживший себя запрет и дать читателю фальшивку вместо настоящей книги. 20 июня 1868 г. «Петербургская газета» известила своих читателей, что «запрещение, наложенное впоследствии Высочайшего указа от 4 сентября 1790 года на сочинение Радищева под заглавием «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», отменяется с тем, чтобы новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих ныне узаконений о печати». Книга, напечатанная Шигиным, была разрешена, о Радищеве заговорили снова.

Через год Ефремов решил объявить о своем намерении издать Радищева. 22 сентября 1869 г. на последней странице «Петербургских ведомостей» появилось объявление: «Печатаются и в конце нынешнего года появятся в свет издания книжного магазина Черкесова — Сочинения А. Н. Радищева, все, какие печатались, со включением полного текста «Путешествия из Петербурга в Москву» по подлинному тексту издания 1790 г., с приложением портрета, новой статьи о Радищеве А. Н. Пыпина и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова». Уместно упомянуть, что ответственным за издание по типографии был Н. П. Поляков, вошедший в историю книгоиздательского дела как первый в России издатель «Капитала» Маркса.

Ефремова-издателя всегда отличало стремление к полноте и высокому научному качеству изданий. Он, как правило, не работал один. В его издательских предприятиях участвовали виднейшие историки литературы. В своих сотрудниках он искал не только знатоков, но и единомышленников. Найти автора вступительной статьи к сочинениям Радищева оказалось делом нелегким.

Наиболее значительные статьи о Радищеве, появившиеся в 60-е годы, принадлежали четырем авторам: М. Н. Лонгинову, А. Н. Пыпину, В. Я. Стоюнину и А. П. Пятковскому. Сотрудничество с Лонгиновым было для Ефремова невозможным, прежде всего, из-за различия в их общественных взглядах, неизбежно вызывавших противоречия в сфере конкретных библиографиче-

ских и библиофильских интересов. Лонгинов, в то время орловский губернатор, был собирателем, как тогда говорили, геннадиевского толка¹⁸, неутомимым и удачливым коллекционером, знатоком книжной старины. Ефремов — целеустремленный издатель этой старины, скрытой от читателей системой запретов или незаслуженно забытой. Две позиции — два характера. С негодованием писал Ефремов о людях, которые владеют редкими книгами и рукописными сборниками и «ревниво хранят их от любопытных взоров библиофилов, соображая, что «возьмут-де, да и напечатают дополнения». Но почему же они сами не решаются поделиться печатно этим добром? Библейский раб зарывал свои таланты, а вы зарываете чужие. Какую же пользу принесут они, лежа в ящиках ваших столов? Ведь это, как говорится, ни себе, ни людям»¹⁹.

Быстрый переход Лонгинова из лагеря прогрессивного в лагерь явно реакционный был постоянным объектом выступлений Ефремова в различных журналах, начиная от «Библиографических записок» и кончая сатирической «Искрой» Курочкина. В 70-е годы личные противоречия этих людей приобрели непримиримый характер. Именно Лонгинов, став председателем Комитета по делам печати, решил судьбу ефремовского Радищева и добился уничтожения тиража.

Первым, к кому обратился Ефремов по поводу вступительной статьи, был А. Н. Пыпин. Его публикация «Крылов и Радищев» в № 5 «Вестника Европы» за 1868 г. была встречена с симпатией Ефремовым и близкими ему людьми. «Что Радищев? Долго ли он будет под спудом? Что за прелесть статьи Пыпина. Когда я их прочел, то пришел в такой восторг, что хотел написать ему излияние своих чувств...»²⁰, — писал Ефремову Е. И. Якушкин, его близкий друг. Однако в октябре 1871 г., когда печатание сочинений Радищева шло пол-

¹⁸ Г. П. Геннади — видный библиограф, автор брошюры «Книжные редкости», в которой были перечислены исчезнувшие из обращения или трудно находимые книги. И хотя многие из них не представляли интереса, некоторые библиофилы стремились собрать все, что было указано Геннади.

¹⁹ А. Эфи ров в. На память будущим библиографам. «Отечественные записки», 1862, № 7, стр. 128.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 451, л. 25 об.

ным ходом, Пыпин от участия в издании отказался и предпочел сохранить хорошие отношения с Лонгиновым.

Отказ Пыпина поставил редактора в затруднительное положение. Типография торопила с присылкой текста для набора статьи. Издание могло задержаться, а это грозило серьезными осложнениями, так как слухи с новых строгостях в издательских делах были все упорнее. Ефремов обращается к В. Я. Стоюнину, автору книги «О преподавании русской литературы», где Радищеву было отведено шесть страниц, а это было для того времени немаловажной характеристикой убеждений автора. Со Стоюниным Ефремов уже сотрудничал раньше, готовя к изданию сочинения Кантемира. Но Стоюнин тоже не рискует писать о Радищеве. «С большим прискорбием должен я отказаться от предлагаемой мне работы, хотя она и очень пришлась бы мне по душе», — отвечает он Ефремову 1 ноября 1871 г. Излишне подробный перечень дел, не терпящих отлагательства, следует за этой фразой. И только в конце письма намек на истинную причину: «Что же касается издания сочинений Радищева, то скажу от себя, что мысль благая и дело будет доброе, *если возможно издать все без выпусков* (курсив мой. — К. Н.). Очень жаль, что я не могу присоединить к нему своего имени»²¹.

Через неделю Ефремов второй раз обращается к Стоюнину, соглашаясь предоставить ему более длительный срок для работы, но и эта его попытка успеха не имела²².

Наконец, уже в конце 1871 г. автор вступительной статьи был найден. Это был А. П. Пятковский — автор журнальных статей по различным вопросам общественной жизни, составивших впоследствии два тома под названием «Из истории нашего литературного и общественного развития». Имя Пятковского стоит на титуле издания, но статья так и не была никогда напечатана. 22 марта 1872 г. Пятковский пишет Ефремову: «Слух пронесся, что в Государственном Совете уже рассматривается новый проект о цензуре. Надо бы это хорошенько разузнать и, если правда, то пусть Евдокимов (В. Я. Евдокимов — работник типографии. — К. Н.) не мешка-

²¹ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 375, л. 24.

²² См. там же, л. 25.

ет и выпускает 12 экз. книги без моей статьи»²³. Без статьи был напечатан весь тираж — 2000 экземпляров. Хотя Пятковский и не дал вступительной статьи, в издании он принял самое непосредственное участие. Особенно деятельно помогал он Ефремову при подготовке текста оды «Вольность».

Свои обязанности редактора Ефремов понимал четко. Во второй половине XIX в. в России уже сложились определенные традиции в публикации произведений классиков. Такие безвкусные и безграмотные в профессиональном отношении книги, как выпущенные Стелловским сочинения русских авторов, были единодушно осуждены. Вышли в свет Сочинения Пушкина, подготовленные Анненковым, издание, долгое время считавшееся образцовым. Но издать Радищева было труднее, чем любого другого писателя.

Приступая к работе, Ефремов писал Е. И. Якушкину, что он намеревается напечатать полного Радищева²⁴. Полнота всего собрания и каждого из сообщаемых в нем произведений была, с точки зрения Ефремова, необходимым качеством серьезного издания классиков. Эта задача была не из легких.

Мечту многих библиофилов — собрать полного Радищева по изданиям XVIII и XIX вв.—во времена Ефремова было почти так же трудно осуществить, как в наши дни. Оригиналы для своего издания Ефремов собирал много лет.

Еще в 1862 г. из письма издателя Гербеля²⁵ мы узнаем, что он возвращает Ефремову биографию Радищева. Можно с уверенностью сказать, что речь идет не о публикации «Русского вестника», достать который для Гербеля было совсем нетрудно, а о списке с подлинника, хранившегося у П. А. Вяземского. В этом же письме в непосредственной связи с упоминанием о Радищеве назван некий рукописный сборник. А в 1864 г. Ефремов публикует в примечаниях к своему изданию новиковского «Живописца» стихотворение Радищева «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?», найденное им, как он указывает, в рукописном сборнике 1792 г.

²³ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 321, л. 9.

²⁴ См. Г. П. Шторм. Потаенный Радищев, стр. 52.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

Мы знаем, что в 1865 г. П. А. Радищев давал на время Ефремову свои книги и тетради, в которых, как предполагает Г. П. Шторм, был полный текст «Вольности», выверенный по знаменитому списку, принадлежавшему Лонгинову. «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» 1807—1811 гг. Ефремов получил от Е. И. Якушкина²⁶. «Путешествие из Петербурга в Москву» ему предоставил В. М. Лазаревский, бывший сослуживец по канцелярии Министерства уделов, с 1866 г. член совета Министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати.

Как постоянный сотрудник «Библиографических записок», «Русской старины», «Русского архива», близко знавший многих книжников, библиографов, историков литературы Ефремов не только был в курсе всех публикаций, но и имел доступ к материалам неопубликованным. Периодические издания Ефремов выписывал в двух экземплярах. Один из них шел на вырезки, которые, подобранные по темам в специальные папки, представляли ценнейший материал для историка литературы. Радищевская папка в 60-е годы пополнилась довольно значительно.

Часть материалов Ефремов напечатал впервые. До сих пор не установлено, каким источником он пользовался, восстановив стих в стихотворении Радищева «Песня», но не в его обычае было пользоваться источниками неавторитетными. Он ввел в научный оборот письмо А. Н. Радищева Павлу I. Шесть материалов из дела Уголовной палаты и рескрипт Павла I графу Самойлову о возврате Радищева из ссылки были напечатаны в его издании по рукописям. Заметим, что документы дела Радищева из Уголовной палаты впервые были полностью описаны лишь в 1935 г. Я. Л. Барсковым.

Свое издание Ефремов определял как документальное, воспроизводя, где было возможно, первопечатные тексты. Он подчеркивал это не только в примечаниях и тексте предисловия от издателя, но и всеми средствами оформления. Черная полурамка, служившая единственным украшением строгой графической обложки, придавала ей выпуклость мемориальной доски. Перед каж-

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 451, л. 13.

дым произведением, вышедшим в свет при жизни Радищева, помещен титул этого издания.

В первый том вошли: «Житие Федора Васильевича Ушакова» (чч. 1 и 2), «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске», «Путешествие из Петербурга в Москву». Внутреннее содержание тома выдержано по хронологии. В приложении помещены «Замечания императрицы Екатерины II на книгу Радищева» и другие материалы, всего 21 документ. Они также расположены по годам. Вопросные пункты и ответы Радищева заверстаны в две колонки так, что ответ расположен рядом с вопросом.

Особенно тщательно документальность была соблюдена при печатании «Путешествия». В предисловии от издателя Ефремов сообщал: «Мы старались передать первое издание «Путешествия» в возможной полноте и даже по внешности в том виде, в каком оно явилось из-под стана Радищева. Для этого мы сохранили тогдашнюю орфографию и отметили сбоку страниц первоначальную нумерацию»²⁷. Курсивом были выделены номера страниц, к которым сделала замечания Екатерина II. Правда, в печати этот курсив трудно отличить от обычного шрифта, но намерение издателя связать таким образом материалы приложения с основным текстом очевидно. Вспомним, что читатели уже были знакомы с «Замечаниями» по журнальным публикациям и газетным статьям, дававшим оценку этим материалам и пытавшимся оказать воздействие на общественное мнение. Издатель обращал внимание читателей на основной текст не без умысла.

При распределении произведений по томам Ефремов придерживался принципа — вначале дать все то, что писатель печатал сам или признавал годным, а отдельно, в специальном томе, собрать «все те приуготовительные неоконченные труды, которые писатель обыкновенно скрывает при жизни»²⁸.

Второй том включал в себя то, что не было издано при жизни Радищева. Здесь собраны произведения различных жанров от философского трактата «О человеке,

²⁷ «Несколько слов об издании». В кн.: «Сочинения Александра Николаевича Радищева», т. 1. СПб., 1872.

²⁸ П. Е. (П. А. Ефремов). По поводу последних изданий сочинений Лермонтова. «Библиографические записки», 1861, № 3, стр. 83.

его смертности и бессмертии» до мелких стихотворений и «Дневника одной недели». Простое хронологическое размещение произведений в этом случае было бы мало-выразительным, но и жанровый принцип не выдержан до конца. Объяснить эту хаотичность композиции, идущую вразрез с требованиями Ефремова ко всякому серьезному изданию, можно только чрезвычайными обстоятельствами. Поставив перед собой задачу издать полного Радищева, Ефремов решил во что бы то ни стало напечатать оду «Вольность», никогда до тех пор не появлявшуюся в свет, за исключением отрывков в тексте «Путешествия». Явное намерение «спрятать» оду, сделать ее менее заметной среди других произведений видно при анализе композиции этого тома.

Издание материалов, не доступных или малодоступных для большинства читателей, налагало на издателя огромную ответственность за правильную передачу текста. Небрежность Ефремов не прощала никому, особенно когда дело касалось издания исторических документов, и тем более требовательным был к изданиям собственным. Каждый лист проходил три редакторские корректуры. Строгость Ефремова и нетерпимость его к ошибкам доставляла типографии немало хлопот, которые окупались впоследствии безукоризненным качеством изданий.

«Я нарочно разделил старую книгу (оригинал) по новым местам, — писал Ефремов на полях корректуры, — чтоб неосторожно не разорвали в типографии, но эти новые листы стали у вас рвать самым скверным образом пополам и вырывать даже текст. Это гадко. Если еще раз замечу, то возьму весь оригинал, тогда набирайте с чего хотите»²⁹. «Вместо поправок еще больше испорчена корректура. Взгляните 113—15. Таких поправок я не читаю»³⁰. «Василий Яковлевич (Евдокимов. — К. Н.), я отказываюсь далее заниматься изданием, ибо не намерен тратить дважды время на тщательнейший просмотр одного и того же»³¹. И тем не менее Ефремов и дважды и трижды читал корректуры, по нескольку раз правя и нумерацию страниц и орфографические ошибки, повторял на полях свои замечания,

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 38, л. 144.

³⁰ Там же, л. 157.

³¹ Там же.

делал указания относительно рисунка и кегля шрифта, требовал перебирать неудачно сверстанные страницы.

Когда оригиналами служили прижизненные издания Радищева и рукописи, задача редактора сводилась к наблюдению за точностью воспроизведения текста. Иной случай представляла перепечатка материалов периодики.

«Замечания» Екатерины II набирались с печатного оригинала «Чтений Общества истории и древностей Российских», имевшего много погрешностей. В свое время «Чтения» воспользовались направленной корректурой «Библиографических записок», которым эта публикация была запрещена в 1861 г. О том, что текст не был вычитан, свидетельствовали повторы одних и тех же слов и многочисленные опечатки. В одной только фразе (замечание к стр. 142) было семь опечаток, другие фразы были настолько искажены, что потеряли смысл. Так, утратила содержание фраза: «Семейство плачевное, где ты? Что обо мне мыслишь? Я погрузил вас в бездну печали, слез и стенаний, о Боже!», так как вместо слов «слез и стенаний» стояло «обет истинный». Отсутствовало единообразие в графическом оформлении текста. Неправильным был и порядок расположения документов, некоторые заглавия перепутаны. «Дополнительные ответы Радищева» озаглавлены «Завещание...», «Письмо к Шешковскому» — «Размышление Радищева» и т. п. Исправления Ефремов внес после сверки текста оригинала с двумя рукописями: рукописью, представленной в 1861 г. в редакцию «Библиографических записок», и бумагами И. П. Шульгина, полученными от Л. Н. Майкова. Интересна правка, которая восстанавливает текст, имеющий политическое звучание. В действовавших тогда цензурных правилах существовало два беспорных запрещения: одно связано с упоминанием имени царя, другое — имени бога. В «Путешествии» поэтому были неизбежны пропуски. Нет слов «он был царь» и «если не в царской» и в публикации «Чтений». В наборном оригинале рукой Ефремова они восстановлены: «Он был царь. Скажите же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» Замечания принадлежали самой императрице, которая цитировала Радищева. Воспользовавшись этим, Ефремов пытается обходным маневром восстановить полный текст книги Радищева.

Особенно сложной была подготовка к печати оды «Вольность». Ефремову принадлежит заслуга ее первой полной (в 54 строфы) публикации. Эти несколько страниц, совпадающие по нумерации (стр. 383—398) со страницами второго тома, на которых напечатана ода, но без всяких следов брошюровки, хранятся в ефремовском фонде ЦГАЛИ, есть они и в экземпляре Н. П. Смирнова-Сокольского. В книгу ода была включена с сокращениями.

Типография печатала эти листы в последнюю очередь, в марте 1872 г. Возможно, Ефремов до последнего момента колебался, включать ли ее в издание. А решившись, должен был прибегнуть к совету Пятковского.

На гранках он пишет: «В. Я. (В. Я. Евдокимов. — К. Н.), переговорите с А. П. (А. П. Пятковским. — К. Н.), что означить точками»³².

Над корректурами «Вольности» Ефремов и Пятковский работали параллельно. Красный карандаш Пятковского последовательно отмечает на полях все, что может быть расценено как оскорбление царя и религии. Эти строки надлежало пропустить.

Против строк строфы 10:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает:
Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

Ефремов пишет: «Или это или это»³³. Красным карандашом отмечены четыре первые строки.

Пропусков намечалось много. Текст оды зиял пробелами. На одном из корректурных листов внизу есть приписка Ефремова: «Ал. Петр.! Если найдете, что мной исключено что-нибудь возможное, то впишите в эту корректуру и наоборот»³⁴. В тот же день Пятковский вернул листы с запиской: «Надо выкинуть отмеченное на

³² ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 39, л. 14.

³³ Редакторская правка приводится по материалам ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 39, л. 14 (гранки); ед. хр. 36, лл. 1—349; ед. хр. 38, лл. 1—209 (корректурные листы).

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 36, л. 309.

стр. 393, 395. Остальное, кажется, можно»³⁵. Он восстанавливает в 9-й строфе слова «рабства оков», приписав на полях: «Без этих слов не будет совсем смысла», снова возвращается к 10-й строфе, убирает вторую строку: «Где тусклый трон стоит рабства» и еще три строчки:

В царя зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царска веру утверждает.

На полях против этих строк пометка: «Скорее можно выбросить тут».

В 11-й строфе восстановлено слово «рабского» («покая рабского под сенью»), в 12-й — «Схватив железный скипетр, царь», но Ефремов на полях все-таки пишет: «Не набирать».

22 марта Пятковский пишет Ефремову:
«Петр Александрович!

Я слыхнул внимательно Ваши поправки с полным текстом Оды и кое-что восстановил; но зато несколько других стихов выпустил, для чего и употребил соответственный красный карандаш. Мне кажется, что для сохранения того, что я вписал на стр. 386 и 396, можно пожертвовать всеми резкими эпитетами о царской власти и даже цензуре»³⁶.

На стр. 396 в строфе 47-й вписаны, хотя и не полностью, знаменательные слова Радищева:

Под игом ... сей рожденный
Нам вольность первый прорицал.

Пропуски были в 12, 13, 14, 19, 22, 47, 52-й строфах. И тем не менее внимательный читатель получал почти полный текст «Вольности». Сопоставив оду, напечатанную во втором томе, с теми ее частями, которые были напечатаны в первом томе в тексте «Путешествия», многие пропуски можно было легко восполнить.

Даже в 1-й строфе:

...Да Брут и Тель еще проснутся
Седей во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

³⁵ Автограф письма А. П. Пятковского Ефремову от 4 марта 1872 г. См. «Сочинения Александра Николаевича Радищева», т. 1. Экземпляр Ефремова в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 321, л. 9.

Слово «цари», пропущенное во втором томе, в первом сохранено.

10-я строфа в «Путешествии» выглядит так:

Возрیم мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства...

В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.

А в конечном счете после сопоставления с одой строфа читалась с пропуском лишь трех строк:

Возрیم на области обширны.
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
· · · · ·
· · · · ·
· · · · ·

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится,
На пользу общую, — рекут.

Пропущенные три строки восстанавливались прозаическим пересказом в «Путешествии».

В 22-й строфе оды были пропущены три первые строки. Она начинается словами: «Предстань, на суд тебя зову!» 21-я строфа, соответствующая ей в «Путешествии», сохраняет обращение: «Злодей, злодеев всех лютейший!» Частично восстанавливается тем же путем текст 19-й строфы оды.

Ефремов сделал все возможное (и невозможное!), чтобы напечатать оду в почти полном варианте, но хорошо понимал весь риск и далеко не был уверен в успехе. Листы с корректурой «Вольности», помеченные 20 марта 1872 г., были последними по изданию. 21 марта из типографии поступила просьба составить обложку для Радищева: «Теперь уж, кажется, все пришло к концу»³⁷, — писала Ефремову Н. Ф. Патрикеева, работавшая там. 9 апреля Ефремов снова читает листы с текстом «Вольности», на этот раз отпечатанной без купюр,

³⁷ Автограф письма Н. Ф. Патрикеевой Ефремову от 21 марта 1872 г. См. «Сочинения Радищева», т. 1, экземпляр Ефремова в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского.

и снова просит прислать три оттиска корректуры для исправлений. Это, видимо, и были те уникальные оттиски полного текста оды, которые он отпечатал для себя, не надеясь увидеть ее в книге.

Специального рассмотрения заслуживает работа Ефремова над аппаратом такого сложного издания, каким были Сочинения Радищева.

Аппарат издания составляли: предисловие «Несколько слов об издании», примечания, вынесенные вниз страницы, и библиографические примечания в конце книги, состоявшие из двух частей: «Издание сочинений Радищева» и «Статьи и заметки о Радищеве».

Предисловие очень кратко и сообщает лишь самое необходимое о задачах издания, его источниках и принципе расположения материалов. Ефремов был противником изданий, в которых «почти ни единой строки не оставалось без примечаний и надлежащего пояснения». Примечания Я. К. Грота к первому тому Сочинений Державина, изданному Академией наук в 1864 г., были объектом его сатиры в «Искре»:

«С гренками пивом пенна кружка — т. е. кружка, пенящаяся пивом с гренками. Такие объяснительные примечания г. Я. Грота заслуживают полного благодарения и многочисленностью своей доставляют не малое удовольствие»³⁸. По мысли Ефремова, в примечании необходимо сообщить новые факты, и, что особенно важно, они должны быть целенаправленны.

Именно такими были примечания к Сочинениям Радищева. По типу примечания не одинаковы. Во-первых, это примечания о характере источника и его особенностях. Чаще всего они поясняют текст, напечатанный с рукописи, например: «Осталось белое место. Вероятно, писец, переписывавший для копии собственноручные показания Радищева, не разобрал несколько слов», «Подлинника в деле не сохранилось» или «Писан рукой Радищева».

Реальных и историко-литературных примечаний к текстам немного, все они лаконичны. Некоторые заим-

³⁸ В. Протопопов. Сочинения Державина с объяснением примечаний Я. Грота, издаваемые Академией наук в 1864 г., т. 1. «Искра», 1864, № 16, стр. 247. (Валентин Протопопов — псевдоним П. А. Ефремова. — К. Н.)

ствованы из более ранних публикаций, но большая часть принадлежит Ефремову.

Сохраняя видимую беспристрастность и академичность, примечания не оставляют сомнений в направлении мыслей их автора. Вот сноска после упоминания имени Никиты Рылеева: «Тогдашний обер-полицмейстер. О нем есть отзыв Екатерины под 28 сент. «Полевые офицеры получают *tacte* (выучку. — *К. Н.*), и ежели малый рассудок имеют, то от практики делаются способными быть обер-полицмейстером, но здешний сам дурак, *se lui-ci ne profitera pas*»³⁹ (и никакой выгоды от этого не будет иметь. — *К. Н.*).

Даже, казалось бы, формальные примечания о характере источника несут определенную смысловую нагрузку. С их помощью не только подчеркивается документальный тип издания, но и обращается внимание на то, что все документы о покаянии Радищева, так усиленно цитировавшиеся авторами статей в официальных изданиях, представляют собой не подлинники, а всего лишь писарские копии.

Первая часть примечаний библиографических указывает ранние издания Сочинений Радищева и источники для публикации в «Приложении» 1-го тома. Список этот невелик, но искусно аннотирован составителем. Это не только необходимые сведения об изданиях и добросовестное, научное их описание, но и текстологический комментарий к произведениям. Особенно подробно говорится о «Путешествии из Петербурга в Москву». Сообщается, что впервые отрывок из книги был напечатан в «Северном вестнике» в 1813 г., что Сопиков в «Опыте библиографии» пытался напечатать предисловие к «Путешествию», но из большей части экземпляров оно было вырезано цензурой и т. д. Ефремов впервые публикует автограф Пушкина — просьбу разрешить издание статьи «Александр Радищев» и последовавший затем отказ цензора. Здесь же помещен уничтожающий отзыв на издание Шигина.

Раздел «Статьи и заметки о Радищеве» поражает своей полнотой. В нем приведено 57 названий, начиная

³⁹ «Сочинения Александра Николаевича Радищева», т. 1. СПб., 1872, стр. 28.

от стихов Борна «На смерть Радищева» (1803 г.) и кончая публикацией «Русского архива» (1870 г.). Но не только к полноте сведений стремился Ефремов, учитывая полторы строки о Радищеве в «Истории русской словесности» А. Галахова: «...полторы строки (многие рецензенты этой книги неправильно указывают две строки). П. Н. Полевой в своей «Истории русской литературы» уже вовсе не упоминает о Радищеве»⁴⁰. Саркастический характер комментария не нуждается в дополнительных пояснениях. Ефремов беспощаден в своих характеристиках. Особенно достается Геннади за его небрежность как библиографа, Лонгинову за измену взглядам прогрессивного направления и Гроту за попытку оспорить принадлежность Державину четверостишия о Радищеве, которое кончается словами: «Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь». Насыщенность библиографических описаний поражает. Это обзор всей литературы о Радищеве, полемически острый, далекий от того сухого академизма, который в представлении многих присущ библиографии.

Работа Ефремова-редактора над подготовкой к изданию Сочинений А. Н. Радищева, какую бы часть этой работы мы ни взяли — воплощение определенности общественной позиции, пример активного отношения к материалу, стремления поставить на службу современности исторический документ.

⁴⁰ «Сочинения Александра Николаевича Радищева», т. 2, стр. 422.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ „КАПИТАЛА“ К. МАРКСА



дним из самых значительных фактов в истории русского книгоиздательского дела последних десятилетий XIX в. был выход в свет книг, излагавших и пропагандировавших революционную теорию марксизма, и прежде всего перевод и издание на русском языке главного труда К. Маркса — «Капитал». «Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»¹ — так в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» определил значение «Капитала» В. И. Ленин.

В XIX в. I том «Капитала» вышел в России в четырех изданиях. В 1872 г. его издал Н. П. Поляков, в 1898 г. книга два раза выходила без указания издательства и в 1899 г. была выпущена издательством О. Н. Поповой².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 275.

² Издание 1897 г., на титуле которого в выходных данных значится Нью-Йорк, и издание под ред. доктора В. Д. Любимова (издательство Н. Аскарханова) не являются оригинальными и повторяют издание 1872 и 1898 гг.

История первого издания «Капитала» изучена достаточно подробно³. Установлены имена трех первых переводчиков — это Н. Н. Любавин, Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон (как литератор, известный под псевдонимом Николай — он). Любавин перевел I главу, Лопатин — II, III и IV (около 500 страниц), Даниельсон — V и VI главы.

Первые русские переводчики «Капитала» не были марксистами. Лопатин, о котором Маркс говорил, что едва ли кто понимал так хорошо замысел этого труда, как он⁴, оставался по своим убеждениям народником, не распространяя теорию Маркса на русскую действительность. Даниельсон, для которого перевод «Капитала» на русский язык стал главным делом жизни, тем не менее считал необходимым предупредить читателей, что теория Маркса нуждается в дальнейшей разработке и неприменима к условиям России. Любавин — профессор Московского университета, автор монументального труда по технической химии — с годами отошел от своих прежних воззрений и, как писал впоследствии Даниельсон, «превратился из нашего единомышленника в ярого врага своих прежних политико-социальных взглядов»⁵. И тем не менее заслуги первых переводчиков «Капитала» в деле распространения марксизма в России невозможно переоценить.

Русский перевод был первым переводом труда Маркса на иностранный язык. Начатое в виде периодически выходящих выпусков в 1872 г. французское издание полностью поступило к читателю лишь в 1875 г. Только в 80-х годах были изданы датский, итальянский, испанский и английский переводы.

Любавин, Лопатин и Даниельсон работали над переводом разобщенно, переводя каждый свою часть. Не

³ См. В. Антонов. Русский друг Маркса Герман Александрович Лопатин. М., Соцэкгиз, 1962; С. С. Волк. К. Маркс и русские общественные деятели. Л., «Наука», 1969; В. С. Выгодский. К истории создания «Капитала». М., «Мысль», 1970; А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., Госполитиздат, 1956; А. В. Уроева. Книга, живущая в веках. М., «Мысль», 1967, и др.

⁴ См. П. Л. Лавров. Г. А. Лопатин. Пг., 1919, стр. 29—30.

⁵ См. Ю. Рапопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960, стр. 36.

установлено, когда начал и когда закончил перевод первой главы Любавин. Лопатин работал над переводом с июля до декабря 1870 г. в Лондоне, куда он приехал, чтобы иметь возможность консультироваться с Марксом. В декабре 1870 г. Лопатин отправился в Сибирь, намереваясь организовать побег из ссылки Н. Г. Чернышевского, и передал все свои бумаги Даниельсону, который закончил перевод к октябрю 1871 г.

И действительно, при внимательном чтении можно заметить, что перевод сделан разными людьми. В главе IV («Производство относительной прибавочной стоимости») и в главе VI («Процесс накопления капитала») цитируется один и тот же документ:

Глава IV

...Хозяйские машины, в действительности, играют более значительную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочих, которому в шесть месяцев можно научить и чему каждый мужик может научиться.

Глава VI

Хозяйские машины... играют действительно гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которому в шесть месяцев можно научить и чему каждый простой рабочий может научиться.

Главу IV переводил Лопатин, главу VI — Даниельсон. Варианты отличаются не только стилистически: по-разному переведено слово *common labourer* оригинала. В главе IV — это «каждый мужик», в главе VI — «каждый простой рабочий». Заметим, что первый вариант ближе к тому, как переводится это выражение в современных изданиях «Капитала», — «всякий деревенский батрак»⁶.

Даниельсон, завершавший перевод, был поставлен перед необходимостью свести воедино труд трех переводчиков. Эту работу он выполнил как редактор всего тома. В его переписке с Марксом значительное место отведено переводу и изданию в России «Капитала». Маркс высоко оценил русское издание. «В Петербурге вышел в свет превосходный русский перевод»⁷, — сообщал Маркс Ф. Зорге 23 мая 1872 года. «Перевод сделан мастерски»⁸, — писал он Даниельсону.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 588.

⁷ Там же, т. 33, стр. 395.

⁸ Там же, стр. 402.

Уже первые рецензии на «Капитал», появившиеся в русской прессе, отмечали литературные достоинства книги. Читатели привыкли, что экономические сочинения, а тем более сочинения переводные, пишутся, как правило, темным и сухим языком, не понятным простым смертным. «Капитал» являл собой пример ясности, общедоступности, живости изложения, отнюдь не шедшими вразрез с научной высотой предмета. То, что эти качества Марксова труда сразу же стали очевидны для читателей русского издания, было заслугой не только переводчиков, но и редактора, сумевшего достичь единства книги как литературного целого.

В предисловии к первому русскому изданию «Капитала» Даниельсон называет трудность, с которой встретились переводчики и редактор I тома, — передачу вновь созданной автором экономической терминологии.

Изменения в промышленности, изменения социальные закономерно порождали новые слова, до сих пор не существовавшие в европейских языках, и вызывали необходимость переосмыслить старые, хорошо известные слова для обозначения новых явлений.

Задача найти самые близкие эквиваленты новых терминов, определить, насколько они точны, ввести необходимые «поправки на точность» в перевод там, где это было необходимо, добиться, наконец, чтобы эти слова удовлетворяли требованиям, предъявляемым к терминам, не только по содержанию, но и по форме, была весьма сложной, и выполнить ее удалось. После выхода I тома «Капитала» в научный оборот русской экономической литературы вошли такие основополагающие термины, как *стоимость, потребительная и меновая стоимость, форма стоимости, прибавочная стоимость, процесс образования стоимости, производительная сила труда, заработная плата, первоначальное накопление, капиталистический способ производства*, и этот перечень далеко не исчерпывающий. «Создание национальной терминологии в области той или иной науки само по себе научное достижение. Уже благодаря одному этому первый перевод «Капитала» можно рассматривать как исключительное, поистине этапное явление в истории русской экономической мысли»⁹, — писала «Правда» в день столетнего юби-

⁹ А. Малыш. Главный труд Маркса. «Правда», 1972, 8 апреля.

лея выхода в свет русского перевода первого тома «Капитала».

Создавая новую терминологию, первые переводчики книги шли по традиционному для русской политико-экономической лексики пути, термины которой «формировались на русской почве из общеупотребительных речевых средств»¹⁰.

В качестве примера термина, представившего трудность для перевода, в предисловии названо слово *Mehrwert*, которое Лопатин перевел как «прибавочная стоимость». Действительно, перевод был труден уже потому, что в оригинале термин был представлен в двух вариантах: немецким *Mehrwert* и французским *surplus value* (*value*—цена, стоимость, *surplus*—остаток, излишек). Маркс обращает внимание читателя, что термин *Mehrwert* вводится им впервые. Этим термином он называет приращение или избыток над первоначальной стоимостью (разрядка моя. — К. Н.). К этому абзацу в первом русском издании есть подробное примечание от переводчика: «Выражение «*Mehrwert*» мы сначала думали перевести словом «сверхстоимость», построение которого вполне согласно с духом русского языка, и которое также представляет все выгоды сложного слова по сравнению с двумя простыми. Но потом мы вынуждены были перевести его словами «прибавочная стоимость» для того, чтобы сохранить этимологическую аналогию со словом «прибавочный труд (*Mehrarbeit*), соответствующую той аналогии, которая существует между двумя этими названиями в сфере экономической. Конечно, было бы лучше перевести *Mehrarbeit* каким-нибудь одним словом, но, к сожалению, такие слова, как *Mehrarbeit*, *Mehrproduct* и т. п. не имеют соответствующих им русских выражений»¹¹.

Действительно, приставка *сверх*, как свидетельствует «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, употреблялась с прилагательными и суще-

¹⁰ А. И. Ефимов. История русского литературного языка, изд. 3. М. «Высшая школа», 1971, стр. 219; см. также: Р. А. Будогов. Язык, история и современность. М., «Просвещение», 1971, стр. 219.

¹¹ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. 1. Процесс производства капитала. СПб., 1872, стр. 92. (В дальнейшем все ссылки на книгу даются в тексте. Первая цифра обозначает издание, вторая — страницу.)

ствительными, образованными только от прилагательных и означавшими «лишек, чрезмерность и выход за пределы чего». Так, от прилагательного *сверхъестественный* легко было образовать существительное *сверхъестественность*. Существительное *стоимость* в словаре Даля дано после прилагательных *достойный, стойный*. Следовательно, существительное *сверхстоимость* образовано по правилам. Подобное образование для русских слов, соответствующих немецким *Mehrarbeit, Mehrproduct*, было невозможно.

Маркс, вводя новый термин, заботился о его правильном понимании, не раз в тексте поясняя его. Эти замечания и пояснения были тщательно переведены в русском издании. Так, в сноске 37-й приводится объяснение: «Я считаю нужным заметить здесь, что каждый раз, когда я употребляю в этом сочинении слово «стоимость», без всякого дальнейшего определения, под ним следует разуместь всегда меновую стоимость» (1, 108). В последующих изданиях этой сноски нет. Надобность в ней отпала, так как словоупотребление закрепилось и перестало требовать толкований и пояснений.

Термину *стоимость* переводчик посвящает больше всего примечаний. Он поясняет мотивы выбора им русского эквивалента, уточняет его содержание, закрепляет термин в сознании читателя, как бы предвидя полемику, которая развернется вокруг него через 25 лет.

К словам: «Поэтому норма прибавочной стоимости представляет точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или работника капиталистом» (1, 163) переводчик дает в сноске развернутое пояснение о разнице между нормой прибавочной стоимости и общей суммой прибавочной стоимости, иллюстрируя его подсчетами. При подготовке 2-го издания «Капитала» Маркс ввел эту сноску в состав книги, изменив лишь цифры, приведенные Лопатиным, и сделав ее более строгой по форме. В редакции Маркса нет прямого обращения к читателю («читатель должен всегда иметь в виду...»), столь характерного для формы ссылок первого русского издания «Капитала».

Термин *полуфабрикат* был для русского языка новым словом, калькой с немецкого. Содержание его определено в тексте главы III: «... продукт в такой форме, в которой он может быть употреблен только как сы-

рой материал для последующего процесса труда» (1, 126). Примечание переводчика к этому абзацу свидетельствует о трудностях, с которыми он встретился, не сумев найти русского эквивалента немецкому *Stufenfabrikat*, при помощи которого Маркс вводит новый термин. Сейчас в современных изданиях этот термин передается как *промежуточный продукт*, и, с нашей точки зрения, перевод не представляет затруднений. Однако сто лет назад практика словоупотребления такой возможности не давала.

Некоторые термины, относящиеся к специальным областям, вообще не поддавались переводу. Непереведенными остались французские и немецкие названия различных специальностей, существовавшие, например, в часовом производстве. «...Такие выражения едва ли существуют при неразвитости часового дела в России», — замечает переводчик (1, 296).

Стремясь к максимальной точности, переводчик в затруднительных случаях сопровождал свой вариант сноской, где приводил текст на языке оригинала: «Движущаяся стоимость — *Prozessirender Werth*» (1, 97). Фраза: «В течение процесса труда, труд переходит постоянно из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в предметную форму» — поясняется фразой оригинала: «*From der Unruhe in die des Seins*» и добавочным толкованием: «т. е. из формы беспокойства в форму бытия» (1, 134).

Главная заслуга перевода на русский язык терминологии «Капитала» принадлежала Г. А. Лопатину, который подготовил для первого издания две трети I тома. Даниельсон как редактор эту терминологию принял и закрепил.

Цензоры, разрешившие выход в свет «Капитала», считали содержанием книги массу отвлеченной, частью темной, политико-экономической аргументации, в которой тонут резкие отзывы Маркса о капиталистах и рабочих¹². Русские революционеры называли «Капитал» своим вторым крещением в социализм, запоминали наизусть целые страницы¹³.

¹² «Красный архив», 1933, № 1 (56), стр. 6—10.

¹³ См. В. Фигнер. Очерки автобиографические. В кн.: В. Фигнер. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1932, стр. 103.

Цензоры были уверены, что «книгу немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее»¹⁴. Но «Капитал» не просто читали, его тщательно изучали. На сохранившихся до наших дней экземплярах первого русского издания, как правило, многочисленные заметки чернилами, карандашом. Сделанные разными почерками, они говорят о том, что книги побывали в руках многих, хотя были далеко не легким чтением. Текст разделен на части, как это обычно делается в учебнике, многие абзацы подчеркнуты, отмечены значками и восклицательными знаками.

«Трудно, особенно вначале, но необходимо» — так оценивало русское революционное подполье труд Маркса. Об этом же свидетельствует надпись на экземпляре книги хранящемся в библиотеке Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова: «Политическая экономия представляет обширное поле для суждения и весьма мало места для действий .., но только в настоящее время, а никак не в отношении очень недалекого будущего»¹⁵.

Бесспорная заслуга редактора первого русского издания, в том, что он сумел предугадать это назначение книги и помочь читателю прочитать, понять и запомнить основные положения теории Маркса. Успех работы Лопатина был во многом предопределен тем, что он выступил не только как переводчик, но и как популяризатор идей Маркса. Даниельсон, разделяя этот взгляд, принял способ комментирования, предложенный Лопатиным, позаботился о том, чтобы последовательно провести его от первой до последней, шестой, главы.

Система примечаний, избранная редактором, сама по себе не нова. В списках объяснялись реалии, значение которых не было понятно русскому читателю, давалось толкование идиом и фразеологических выражений языка оригинала, особого комментирования требовал двойной перевод, так как в тексте оригинала цитируются многие источники в переводе с французского и английского языков.

Учитывая трудности, перед которыми был поставлен русский читатель, не знающий английской денежной си-

¹⁴ «Красный архив», 1933, № 1(56), стр. 7.

¹⁵ Цит. по кн.: В. М. В л а с о в. «Капитал» К. Маркса в России и Восточной Сибири. Иркутск, 1958, стр. 55.

стемы, русское издание давало пояснение, чему равен фунт стерлингов, шиллинг, пенни и фартинг (1, 135). В сноске 29-й на странице 159 поясняется закон дифференцированного счисления, что лишний раз подтверждает ориентацию редактора на широкий читательский круг.

Дополнительными пояснениями снабжены некоторые имена. Так, в I главе дается сноска о Максе Вирте, включающая указание литературы. Расширена Лопатыным 34-я сноска о Н. Сениоре 1-го немецкого издания. Читателю пояснен смысл подсчетов Сениора по поводу последнего неоплаченного часа труда и в путаном изложении обнажена фальшь содержания. Это дополнение было впоследствии внесено Марксом в текст второго издания «Капитала».

О стремлении облегчить чтение и запоминание основных положений свидетельствует и графическое оформление текста. Наиболее важные, с точки зрения редактора, части набраны в разрядку, они сразу останавливают внимание.

Второе русское издание «Капитала» Даниельсону удалось осуществить только в марте 1898 г. За годы, прошедшие со дня выхода в свет первого издания, «Капитал» был дважды внесен в списки книг, запрещенных в России к выдаче в общественных библиотеках, но оба раза запрет снимали: труд Маркса цитировался и упоминался во многих университетских курсах, и запрещать его было бесполезно. Через полгода, в этом же 1898 г., вышло третье издание, также подготовленное Даниельсоном, и в 1899 г. — новый перевод под редакцией П. Б. Струве¹⁶.

Второе русское издание значительно отличалось от первого. За время, разделяющее их, вышли три издания книги на немецком языке, авторизованный французский перевод и перевод на английский язык, просмотренный Ф. Энгельсом и опубликованный уже после смерти К. Маркса. Возникла необходимость сверить первоначальный текст с последующими изданиями. В письме к Даниельсону от 15 ноября 1878 г. Маркс настаивал, чтобы «переводчик постоянно и тщательно сравнивал второе немецкое издание с французским, так как послед-

¹⁶ Текст был переведен Л. М. Заком и Л. Я. Гуревич.

нее содержит много важных изменений и добавлений»¹⁷. Сличение с английским изданием было нужно, чтобы учесть некоторые новые сведения, включенные в него, так как для подготовки книги на английском языке была проведена большая дополнительная работа с официальными источниками.

Если в I-м издании книга состояла из шести глав, во втором введено деление на отделы, главы — уже следующая ступень рубрикации. Отделов всего семь, глав стало двадцать пять.

В первом издании было четыре ступени рубрикации: глава и подразделы, соответственно обозначавшиеся цифрой, прописной и строчной буквой со скобкой. Во втором издании ступеней рубрикации шесть.

Заново была переведена I глава, во втором издании ей соответствует первый отдел, состоящий из трех глав, переработаны последние четыре отдела. Меньшим изменениям подверглась середина тома, примерно одна треть от его нового общего объема, переведенная в свое время Лопатиным. «Вообще исправлений было так много, что быть может было бы лучше весь этот том перевести заново»¹⁸, — заканчивает свое предисловие ко второму изданию переводчик.

За 26 лет произошли значительные изменения во всех областях жизни России. В 70-х годах, когда вышел первый перевод «Капитала», народничество было выразителем революционных воззрений. Либеральное народничество 90-х годов выступило против марксизма. Цель издания стала иной. Если в 1872 г. ею было познакомить русских революционеров с учением Маркса, то в 1898 г. в порядок дня была поставлена его ревизия. В предисловии теперь содержались не только сведения о трудностях перевода и терминологии, но и прямые указания на «необходимость отрешиться от априорных положений», не смотреть на «Капитал» как «на такой авторитет, проникнуть за пределы учения которого было бы попыткой не только неправильной, но даже святотатственной», подчеркивалось своеобразие хозяйственной

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 277.

¹⁸ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии, изд. 2, т. I, кн. I. СПб., 1898, стр. XV.

жизни России как страны, только что вступившей на путь капиталистического производства, для которой теория Маркса нуждалась в поправках и дальнейшем развитии.

Третье издание отличалось от второго только мелкими стилистическими изменениями и немногими дополнениями, которые были сделаны по французскому изданию. Зато издание 1899 г. существенно расходилось с первыми тремя. П. Б. Струве был идейным вождем легальных марксистов, тайных врагов истинных последователей Маркса. «Теперь у нас «сразу» народилась куча либеральных и прогрессивных «марксоедов» вроде г. Туган-Барановского или г. Струве и т. п., — писал В. И. Ленин. — Все они *раскрыли* действительное содержание и значение либерально-народнического «почтения» к Марксу: на словах почтение осталось, на деле исконное непонимание материалистической диалектики и теории классовой борьбы привело неизбежно к отречению и от теории трудовой стоимости»¹⁹.

Том под редакцией Струве сохранил архитектуру оригинала, известную уже русскому читателю по второму и третьему изданиям. Те же 7 отделов, 25 глав, та же структура внутри них. Но уже одно знакомство с предисловием редактора перевода не оставляло сомнений в новом подходе к материалу, в новой его оценке. Струве спешит характеризовать метод Маркса как характерный образец «абстрактно-дедуктивного рассуждения». Он призывает вскрыть противоречия в учении Маркса и ставит рядом с ним в качестве теоретика некоего Родбертуса, проповедывавшего реакционные идеи прусского государственного социализма.

Переводу под редакцией Струве нельзя отказать в лаконизме. Струве свободнее и точнее, чем Даниельсон, пользуется политико-экономической терминологией. Мы встречаем теперь термины «интенсификация труда», «расширенное производство», «концентрация капитала», «централизация средств производства» вместо «увеличение напряженности труда», «воспроизводство в расширенных размерах», «сосредоточение капитала», «средоточие средств производства», которые были в предшествующих изданиях. Смелее перевод под редакцией Стру-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 33—34.

ве и в смысле терминологии, преследовавшейся цензурой. Лопатин в первом издании, а вслед за ним и Даниельсон избегали употреблять слово «революция», предпочитая ему более безопасное «переворот». Струве вводит слово «революция» в текст. Осторожное выражение «преобразование поземельных отношений собственности» Струве заменяет на «переворот в отношениях поземельной собственности». Но подобная «смелость» в новых условиях далеко не была чем-то из ряда вон выходящим и никак не могла уравновесить того вреда, который был нанесен развитию революционной теории терминологической путаницей вокруг термина «стоимость», который Струве последовательно заменил на «ценность». Бурная полемика, поднятая в легальной прессе вокруг этих терминов, обвинения первых переводчиков «Капитала» в невежестве не могли скрыть истины: спор по поводу терминологии на самом деле имел своей целью опровергнуть, дискредитировать сам закон стоимости²⁰.

Редактор нового издания не утруждал себя заботами о популяризации учения Маркса, не предназначал книгу широкому читателю.

Если Даниельсон стремился всячески уменьшить количество иноязычных слов, Струве зачастую возвращается вспять, ставя хотя бы в скобках слово на языке оригинала. Многие иноязычные слова и выражения оставлены им вообще без пояснений.

Вариант Даниельсона

этим догматом пользуются
играть роль
возникновение
законы, присущие самому капиталистическому производству

Вариант Струве

этот догмат эксплуатируется
функционировать
генезис
имманентные законы самого капиталистического производства

Текст книги насыщен словами книжной лексики, намеренно подчеркивающей отвлеченность теоретических рассуждений.

В предисловии Струве декларирует свои требования к переводу: точность в передаче мысли и точность и верность передачи «своеобразной стилистической или синтаксической физиономии автора». Он предостерегает против замены перевода изложением. Его девиз:

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 36.

«Никаких вставок от себя, никаких отступлений от подлинника!». Своеобразие же Марксова слога Струве увидел, прежде всего, в оригинальном сочетании разнородных элементов французского и английского языков, вкрапленных в немецкую основу. И произошло, казалось бы, невероятное: стремление сохранить в русском переводе слог Маркса привело к его искажению. Не в «сочетании разнородных элементов» следовало искать это своеобразие, а в его научности и революционной страстности, в лапидарной точности формулировок и образности изложения, в высокой патетике и убийственном сарказме. Не о буквальном совпадении перевода и оригинала следовало заботиться переводчику и редактору, а о проникновении в секрет того поразительного единства формы и содержания, которое представляет собой «Капитал», один из замечательных образцов «неумолимой объективности в исследовании общественных явлений»²¹. Напомним слова В. И. Ленина о «Капитале»: «...в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие»²².

Погоня за буквальной точностью перевода нередко шла во вред не менее важному его качеству — эмоциональному наполнению. Вот одна и та же статья из «London Daily Telegraph» от 14 января 1870 г. в переводе Лопатина под редакцией Даниельсона и в переводе под редакцией Струве.

Вариант Даниельсона

Broughton, судья графства, будучи президентом митинга, происходившего в Ноттингэмской городской зале 14 января 1860 г., заявил, что в той части городского населения, которое занимается выделкою кружев, лишения и страдания доходят до такой ужасной степени, какая неизвестна осталь-

Вариант Струве

Broughton, судья графства, указывал, будучи президентом митинга, происходившего в думском зале Nottingham'a 14 января 1860 г., на тот факт, что среди части городского населения, занятой производством кружев, господствуют нищета и лишения в такой сильной степени, которая неизвестна осталь-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 547.

²² Там же.

ному цивилизованному миру... Дети 9 и 10-летнего возраста стаскиваются с грязных постелей в 2, 3, 4 часа утра, и вынуждены работать за самые жалкие средства к существованию до 10, 11 и 12 часов ночи;... черты лица (у них. — К. Н.) получают тупое выражение и все их человеческое существо цепенеет и переходит в такое безжизненное камнеподобное состояние, один вид которого внушает ужас... Однако невольничий рынок, со всеми ужасами кнута и торговли человеческим телом, едва ли отвратительнее этого медленного человекоубийства, которое совершается ради изготовления вуалей и воротничков на пользу капиталиста! (1, 189)

Мы намеренно начинаем сравнение вариантов перевода с примеров нейтральных, не принадлежащих перу Маркса. Уже здесь очевидна разница в подходе к тексту и те потери, которые неизбежны при чересчур буквальном переводе. Маркс в свое время предупреждал Даниельсона об этой опасности: «Хотя французское издание (в переводе г-на Руа, переводчика Фейербаха) и выполнено большим знатоком обоих языков, тем не менее он часто переводил чересчур буквально. Поэтому я был вынужден переделывать целые куски французского текста, чтобы сделать их доступными для французской публики»²³.

Обратимся к тексту. 1-й вариант перевода более жизнен и конкретен. Детей именно стаскивают с их грязных постелей, а не «отрывают от них». Русский читатель мог реально представить себе подобную картину.

«Черты лица получают тупое выражение» (в 1-м варианте) и «черты лица притупляются» (во 2-м варианте) — далеко не одно и то же. В первом варианте мы не находим осторожного «как бы» при слове «цепенеет». Напротив! Картина дорисована и дополнена словами:

ному цивилизованному миру. В 2, 3, 4 часа утра детей 9—10 лет отрывают от их грязных постелей и заставляют работать для одного только поддержания существования до 10, 11, 12 часов ночи... черты лица у них притупляются и все их существо как бы цепенеет, так что один вид их ужасен... Но разве... торговля неграми, со всеми ужасами плетей и торга человеческим мясом, ужаснее этого медленного заклания людей, совершающегося с целью изготовления вуалей и воротничков для выгоды капиталистов. (4, 183—184)

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 402.

«переходит в такое безжизненное, камнеподобное состояние...», которых нет в тексте под редакцией Струве.

Русскому слову «ходатайствовать» Струве предпочел иноязычное «петиционировать», русскому «человекоубийство» — славянское «заклание». И даже такая, казалось бы, мелкая деталь, как отказ от суффикса в слове «воротничок», привела к осязаемому искажению не только тона, но и смысла фразы. Именно ради «воротничков» — предметов мелких, незначительных и далеко не необходимых — совершается человекоубийство, и читатель должен еще острее почувствовать несправедливость того, что происходит.

Сумеv зарегистрировать характерные для Маркса стилистические приемы и даже атрибутировать с их помощью некоторые статьи, напечатанные Марксом без подписи в «Брюссельской газете», Струве как редактор тома не смог добиться передачи в русском тексте стилистических особенностей «Капитала», его образной структуры. Ему не было дано постичь литературную манеру Маркса, приемы конкретизации, олицетворения, смело введенные им в научное изложение²⁴. Капиталист для Маркса не просто владелец капитала, это образ, это характер. Сам капитал персонифицирован: он действует, как живое существо.

Вариант Даниельсона

Наш капиталист останавливается, пораженный изумлением. Стоимость продукта равняется стоимости затраченного капитала. Затраченная стоимость не возросла в своей величине, не породила никакой прибавочной стоимости, и деньги, следовательно, не превратились в капитал. (I, 135)

Вариант Струве

Наш капиталист смущен. Ценность продукта равна ценности авансированного капитала. Авансированная ценность не возросла, не произвела прибавочной ценности, и деньги, стало быть, не превратились в капитал. (4, 138)

Если в предыдущих изданиях один из разделов главы III назывался «Алчная погоня за прибавочным трудом», у Струве это название переведено как «Неутоимая жажда прибавочного труда». Если в главе IX го-

²⁴ См. М. В. Нечкина. Литературное оформление «Капитала» К. Маркса. М., 1932, стр. 79.

ворилось, что капитал «становится властелином труда», Струве переводит: «капитал стал командовать над трудом». Разночтения в каждом случае могут показаться незначительными, но в результате общий тон изложения блекнет, сереет.

Книга под редакцией Струве ближе, чем все предыдущие издания, к современному представлению об издании научном. В 1872 г. Даниельсон лишь в предисловии перечислил 15 произведений К. Маркса и дал к ним краткие аннотации для желающих познакомиться с его прежними литературными работами. Никаких других вспомогательных материалов в книге не было. Не было их и в двух последующих изданиях «Капитала». Струве снабжает том справочным аппаратом — указателем цитат и литературных имен, помещает в специальном приложении два отрывка из французского издания, не введенные в текст. Расширен и комментарий. Но что и как поясняет редактор Струве? В своей профессорской дошности он спешит обвинить Маркса в неточном знании текста «Фауста» Гёте (4, 601), а излишне подробные и назойливые примечания редактора часто попросту отвлекают читателя от основного смысла. Таков, например, комментарий на стр. 588. «Средневековое сказание о гамельнском крысолове состоит в следующем...», — начинает он и подробно пересказывает достаточно широко известное предание, которое не приводится ни в одном другом издании «Капитала». На стр. 417, где говорится о юридической мешанине, созданной английским законодательством, Струве дает примечание к примечанию. Оказывается, в оригинале стоит *Der Neue juristische Rattenkönig* — «Новый юридический крысий король» — сообщает редактор буквальный перевод и объясняет: «Крысыим королем называются крысы, соединенные (до 27 экземпляров) хвостами». Во всех других переводах это показавшееся редактору столь важным выражение передано просто: «юридическое крючкотворство».

«Эрудиция» Струве, его любовь к цитатам и примечаниям, «надерганным из наилучших немецких библиографических указателей», была не просто причудой, которую, возможно, следовало извинить человеку науки. Это был способ вести политическую полемику. Своего апогея эта манера «поднимать или, вернее, задевать тыся-

чу и один вопрос, обо всем «говорнуть», все представить взвешенным и учтенным, а на деле ничего не дать, кроме крошки цитат и беглых замечаний»²⁵ достигла в ученом труде Струве «Хозяйство и цена» (М., 1913) и была обличена В. И. Лениным как последовательный эмпиризм и попытки отрицать законы политической экономики²⁶.

Итак, к началу XX в. русский читатель имел два варианта I тома «Капитала» К. Маркса — вариант Даниельсона и вариант Струве, значительно и существенно расходившиеся в своих редакциях. Н. К. Крупская свидетельствует, что В. И. Ленин, не доверяя русскому тексту, не раз обращался к оригиналу и переводил заново ту или иную цитату. Необходимость нового перевода была очевидна. В 1908 г. большевики, предприняли свое издание «Капитала». Оно было начато выпуском II тома. В редактировании его принял участие В. И. Ленин.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 41.

²⁶ См. там же, стр. 53.

Заключение

Материал, рассмотренный нами, не претендует на исчерпывающую полноту. Выбор его продиктован стремлением отразить разнообразие фактов, достойных быть упомянутыми как пример редакторского мастерства. И тем не менее круг проблем, определявших в разные исторические периоды основное содержание редакторской работы, представляется достаточно четким.

Никогда, ни в одну эпоху человек, готовивший книгу к встрече с читателем, не был и не мог быть безразличным к ее содержанию. С древнейших времен редактирование было целенаправленным процессом, отражавшим борьбу взглядов, мировоззрений, борьбу различных классов, общественных течений и группировок. Это труд древних книжников, издание книг во времена Петра I, судьба сочинений Радищева, издательских начинаний Новикова, это литературное наставничество А. С. Пушкина, редакторская деятельность Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, история первых русских переводов «Капитала» Карла Маркса. Даже такие, казалось бы, незначительные изменения в тексте, как изменения лексические, например введение общеупотребительных слов вместо слов славянских, могли серьезно изменить характер книги и являлись средством выразить вполне определенные общественные взгляды. Методология советской исторической науки позволяет обобщить эти разрозненные факты, осмыслить их с научных позиций и сформулировать проблему идейности, политической заостренности редактирования как рода деятельности.

Другой проблемой, определяющей характер редакторской работы, существенно важной для различных исторических периодов, является проблема взаимоотношений редактора и автора, проблема пределов редакторского вмешательства в авторский текст.

Вопросы эти изучены недостаточно. В подтверждение приведем слова акад. В. В. Виноградова: «Деятельность разных редакторов и издателей литературных произведений, исторические изменения в понимании объема, характера и границ их вмешательства в авторское творчество до сих пор еще очень мало исследованы»¹. Сложность проблемы, значимость ее для книговедения вообще и для разработки интересующего нас раздела не вызывает сомнений. Представления эпохи о творчестве, об авторской индивидуальности всегда предопределяли характер работы над книгой. Рассмотренный нами материал неоднократно дает возможность убедиться в этом. На протяжении одного только XVIII в. мы наблюдаем различное понимание задач редактора. В соответствии с канонами русского классицизма, когда задачей искусства объявлялось его постижение, редактор свободно обращался с текстом, многие литературные произведения печатались без подписи автора, а переводы было принято считать вольными переделками на темы оригинала. Эстетическая программа романтизма сделала для редактора невозможным вмешательство в текст и свое несогласие с автором позволяла выразить лишь в примечаниях. А реализм как эстетическая программа открыл новые пути для решения вопроса о допустимости и характере редакторских изменений в тексте.

Однако этические и эстетические критерии, столь необходимые при наблюдении за особенностями сотрудничества, в которые независимо от их желания не могут не вступить редактор и автор, еще недостаточны, чтобы прояснить методы редакторской работы над текстом. Классификация материала и выявление в соответствии с ней различных методов работы редактора — проблема, важная не только в плане исторического исследования. Она имеет

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., ГИХЛ, 1959, стр. 340.

большое практическое значение. Основу этой классификации составляет типология изданий, так как именно типом книги — ее целевым и читательским назначением, особенностями ее содержания—определяются, прежде всего, приемы редакторского вмешательства в авторский текст. Именно в этом направлении представляется целесообразной разработка истории редактирования начиная с 60-х годов прошлого века, когда процесс формирования различных типов изданий стал определять методы редакторской работы.

Редактор — работник творческого труда. Нельзя найти в истории редактирования универсальных рекомендаций, пригодных для всех случаев редакторской практики, но знание истории помогает критически подойти к тому, над чем ведется работа сегодня. Тенденции развития, намеченные историей, находят свое продолжение в практике настоящего и помогают ее осмыслить, а образцы высокого мастерства открывают перед нами широкие творческие перспективы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Традиции древних книжников	11
Первые печатные книги. Иван Федоров как редактор	25
Редакторская подготовка книг в XVII в.	30
Книга в эпоху преобразований начала XVIII в.	43
Разработка основ редактирования	61
Н. И. Новиков — издатель и редактор	72
Редакторская подготовка книг во второй половине XVIII в.	90
Редактор в альманахе, журнале и книге начала XIX в.	104
А. С. Пушкин — редактор	125
Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин—редакторы	140
Из опыта редактирования книг во второй половине XIX в. П. А. Ефремов—редактор сочинений Радищева	155
Первые русские переводы «Капитала» К. Маркса	176
<i>Заключение</i>	193

Ксения Михайловна Накорякова

РЕДАКТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО В РОССИИ XVI—XIX вв.

Опыт и проблемы

Редактор *А. Л. Любанская*. Художник *Е. А. Михельсон*. Художественный редактор *Н. Ю. Калмыкова*. Переплет художника *Е. А. Михельсона*. Технический редактор *А. П. Николаев*. Корректоры *В. П. Кададинская, Л. А. Айдарбекова*
Тематический план 1973 г. № 65

Сдано в набор 20.IV 1973 г. Подписано к печати 19.X 1973 г.
Л-58501 Формат 84×108/32 Бумага тип. № 1 (картограф)
Физ. печ. л. 6,125 Усл. печ. л. 10,29 Уч.-изд. л. 10,29 Изд. № 1859
Зак. 106 Тираж 3600 экз. Цена 75 коп.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7. *Типография Изд-ва МГУ,*
Москва, Ленинские горы

75 коп.

